

Академия государственного и общественного
строительства при Президенте
Республики Узбекистан

Б.А.Ахмедов, Р.Г.Мукминова,
Г.А.Пугаченкова

АМИР ТЕМУР

Жизнь и
общественно-политическая
деятельность

Ташкент
«Университет»
1999

В книге, основанной на материале первоисточников и специальной литературы, предпринимается попытка исследовать в общих чертах жизнь и общественно-политическую деятельность Амира Темура.

Исследование подготовлено к публикации в Международном благотворительном Фонде Амира Темура.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Под редакцией академика Э.В.РТВЕЛАДЗЕ

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

доктор исторических наук А.Уринбаев
кандидат филологических наук У.Уватов

© Академия государственного и общественного строительства
при Президенте Республики Узбекистан - 1999

© Издательство "Университет" - 1999

Предисловие

Имя и дела Амира Темура буквально до недавнего времени незаслуженно были преданы у нас забвению, историческая наука в бывшем СССР представляла его только как грозного мирозавоевателя, поработителя народов, разрушителя городов и селений. Причина и цели такого подхода к оценке исторических личностей т.н. «малых народов», подпавших под господство красной империи, общеизвестны и в излишней комментарии не нуждаются.

Имена наших великих предков, в частности Амира Темура, были реабилитированы только после обретения нашей республикой политической независимости. Мы получили возможность теперь глубоко и всесторонне изучать древнюю историю нашей родины, самобытную культуру и богатое духовное наследие наших великих предков. Большие условия были созданы и для изучения жизни и деятельности Амира Темура и его эпохи, поднявшей на новую высоту развития земледелие, ремесла и торговлю, науку и культуру. Амир Темур получил должное признание, как крупный государственный деятель, выдающийся полководец, великий создатель, покровитель науки и культуры. Заслуга Амира Темура перед историей огромна.

Одна из них состоит в том, что, благодаря его усилиям и неутомимой борьбе с феодальной раздробленностью Маверауннахра, продолжавшейся в течение 150 лет с самого начала существования Чагатайского улуса и усилившейся сразу же после смерти Казанхана (1346 г.), было покончено. Он освободил страну от монгольского ига и создал сильное и централизованное для своего времени государство.

Велика заслуга Амира Темура и перед народами Европы и Азии. Покончив с феодальной раздробленностью в Иране, Азербайджане и Ираке, Темур восстановил существовавший с древнейших времен Великий шелковый путь, связывавший народы Средней и Центральной Азии с народами Средиземноморья и Европы. Благодаря этому дальнейшее развитие получили торговые и культурные связи между странами этих регионов.

Амир Темур прославился и как великий строитель, покровитель науки и культуры. Благодаря его усилиям были восстановлены многие города, разрушенные в результате монгольского нашествия и межфеодальной усобицы: Самарканд, Бухара, Бенакет, Кеш, Карши, Багдад, Дербент, Байлакан и др. Он построил новые, большие и малые города, селения, каналы и сады-парки. Благодаря его меценатства в стране процвели наука и культура.

Настоящее монографическое исследование призвано осветить, в общих чертах, жизнь и деятельность Амира Темура и написано, в целом, на основе первоисточников.

Остановимся на главных из них. Среди написанных во времена Темура и Темуридов сочинений как по оригинальности, так и по богатству фактического материала на первом месте стоят сочинения Низам ад-Дина Шами (ум. не позднее 1409 г.) и Шараф ад-Дина Али Йазди (ум. В 1454 г.), известные под названием «Зафар-наме» («Книга побед»).

Сочинение Низам ад-Дина Шами написано по поручению самого Амира Темура в 1402-1404 гг. и повествует его историю со времени прихода к власти (1370 г.) до возвращения из семилетнего (1399-1404) похода на Западный Иран, Ирак, Сирию, Малую Азию и Грузию. Написано простым языком, хорошим стилем, что делает его доступным широкому кругу читателей.

Труд Низам ад-Дина Шами известен в двух редакциях: первая, преподнесенная автором Амиру Темуру во время возвращения его из Ирана в Маверауннахр в июне 1404 г. Тогда он не имел заглавие. Вторая редакция, преподнесенная Мирзе Умару, сыну Мираншаха, правившему тогда Азербайджаном и Ираком, имел небольшие изменения стилистического характера и добавления (зайл) к введению, восхваляющие Мирза Умара.

Хафиз-и Абру, известным Темуридским историком, было написано прибавление к сочинению Низам ад-Дина Шами («Зайл-и «Зафар-наме»), где события описаны до смерти Амира Темура (18.02.1405 г.).

Имеется прекрасное издание полного текста «Зафар-наме» Шами, с комментариями и указателем, выполненное чешским ориенталистом Феликсом Тауэром. Мы имеем также турецкий перевод Джаурана Неджати, сделанный из только что упомянутого издания Ф. Тауэра.

Другое «Зафар-наме» принадлежит перу Шараф ад-Дина Али Йазди (называется так же «Зафар-наме-йи Темури», «Тарих-и джаханкуша-йи Темури», «Фатх-наме-йи сахибкирани») и в значительной степени зависит от предыдущего сочинения - «Зафар-наме» Низам ад-Дина Шами, но имеет ряд преимуществ: отдельные факты, приведенные у Шами, проверены и уточнены, события описаны до падения Халил Султана (1409г.), сочинение написано высоким стилем и в духе богатырских сказаний. У труда Шараф ад-Дина Али Йазди еще одно преимущество - он имеет обширную вводную часть, в которой коротко излагается история трех улусов: улусов Джучи, Чагатай и Ильханидов, образованных

в составе империи Чингиз-хана, от кончины последнего (1227 г.) до образования государства Темура. Эта часть имеет самостоятельное название: «Тарих-и джахангир» или «Мукаддима-йи «Зафар-наме». Сочинение Йазди было написано по поручению Ибрахим-султана, сына Шахруха и правителя области Фарс, и было завершено в 828/1425 году.

История Темура излагается в нем со времени его рождения (736/1336 г.) и доведена до прекращения правления Халил-султана.

Текст сочинения в двух томах издан в Калькутте (1885, 1588) и Тегеране (1336/1957) маулави Мухаммад Илахдадом и Мухаммадом Аббаси. Есть сокращенные переводы на европейские языки. До нас дошли также неплохие переводы на староузбекском языке, выполненные по поручению Шейбанида Кучкунчи-хана (916/1510-937/1529-30) дарвишом Али Бухари и Худайберди ибн Кошмухаммадом-суфи ал-Хиваки для визиря Ширмухаммада «Муниса» в 1241/1826 гг. и неизвестным переводчиком по поручению Йаракбия конгурата в XVI веке. Имеется также турецкий перевод Мустафа Рахми (Истанбул, 1929г.)

Опубликованы многочисленные переводы фрагментов на французском, английском, русском и итальянском языках.

Оба «Зафар-наме» - Низам ад-Дина Шами и Шараф ад-Дина Али Йазди, благодаря оригинальности и обилию фактического материала исторического, социально-экономического и этнического характера, по государственному и военному устройству, культуре и взаимоотношениям государств, являются главным источником по изучению жизни и деятельности Амира Темура, истории народов и стран, с которыми связаны его жизнь и деятельность.

Для изучения политической истории Маверауннахра и Хорасана 1404-1409 гг. большой интерес представляет «Хроника» («Тарих-наме») ходжа Тадж ад-Дина ас-Салмани (известна и под названием «Зайл-и «Зафар-наме»). О сочинении и его авторе мы знаем очень немного: автор был искусным каллиграфом и способным работником диван-и инша (дивана переписки); после ликвидации династии Музаффаридов (1393) был перевезен в Самарканд; в 1409 году был увезен Шахрухом в Герат, по поручению Шахруха, с осени 1410 года начал писать настоящий труд, но не завершил его - вскоре за участие в дворцовом заговоре, направленном против визиря сайид Фахр ад-Дина, был арестован и подвергнут наказанию.

Как известно, ходжа Тадж ад-Дин ас-Салмани задумал написать историю последних дней Темура и, самое главное, историю самого Шахруха. Ему удалось однако выполнить только часть

поставленной задачи. Это рассказы о торжествах в Кан-и гиле перед началом похода на Китай, начало самого похода и история захвата верховной власти Халил-султаном в первой половине марта 1405 года. Рассказ завершается пленением Халил-султана группой эмиров-заговорщиков, (конец марта 1408 г.), во главе которых стоял всемогущий эмир Худайдад.

«Хроника» ходжа Тадж ад-Дина ас-Салмани дошла до нас в трех списках: один из них, со значительными лакунами, хранится в Британском музее Англии (инд. Оч. 159), два - в Турции, один из которых хранится в библиотеке Сулеймана Фатиха в Стамбуле (инд. № 4305), тоже с лакунами, другой тоже в Стамбуле в библиотеке Лала Исмаила-эфенди (инд. № 304). Последний-полный и вполне пригоден к использованию.

Сочинение ходжа Тадж ад-Дина ас-Салмани переведено на немецкий, турецкий и русский языки проф. Ганс Робертом Рёмером (1956 г.), проф. Исмаил Ака (1988г.) и академиком З.М.Буниятовым (1991г.).

Полезный материал о времени Темура и Шахруха (1405-1447) содержится в трудах крупного историка XV века Хафиз-и Абру (настоящее имя его: Шихаб ад-Дин Абдаллах ибн Лутфаллах ибн Абд ар-Рашид Харави; ум. 3 шавваля 833/ 25 июня 1430 г.). Он был приближенным Амира Темура и Шахруха и оставил после себя несколько важных исторических сочинений: «Маджмуа-йи Хафиз-и Абру», в котором кратко излагаются материалы сочинения «Табари - Балъами» от халифа Муктадира (908-932) до последнего Аббасидского халифа ал-Мустаъсима (1242-1258) и «Зайл-и Маджмаъ ат-таварих-и Рашид ад-Дин», в котором кратко повествуется история Ирана с 1306 по 1393 гт. В нем исследователь может встретить ценные сведения о картах Хорасана, сарбадарах, Туга-Темуре, эмире Вали, правителе Мазандарана, шайх Али Хинду и эмире Аргун-шахе Джани курбани, правителе Несы, Абиверда и Мерва; «Прибавление к «Зафар-наме» Шами, о котором нам уже приходилось говорить выше, рассказывается о последних днях Амира Темура и истории правления Шахруха до 1416 года. Фрагменты из «Маджмуа-йи Хафиз-и Абру» (в тексте и переводе) опубликованы Ханбаба Байани (1938), Феликсом Тауэром(1959) и К.М.Майтрой (1934).

Второе сочинение Хафиз-и Абру известно под названием «Зубдат ат-таварих-и Байсунгури» и являет собой всеобщую историю от «сотворения» мира до 830/1426-27 г. Оригинальным является четвертая часть сочинения, где излагается история Амира Темура (краткое изложение материала «Зафар-наме» Низам ад-Дина

Шахи с исправлениями и дополнениями) и история царствования Шахруха, доведенная до событий 830/1426-27 г.

История Амира Темура в кратком изложении повествуется и в труде перса Муьин ад-Дина Натанзи, известный среди ориенталистов под названием «Мунтахаб ат-таварих-и Муьини («Избранная история Муьини»), составленный в Фарсе, при дворе Темурида Искандар-мирзы в 1413 году.

«Мунтахаб ат-таварих-и Муьини» представлена в двух редакциях: 1) список, посвященный Искандар-мирзе, и 2) преподавательский список Шахруху. Вторая редакция была составлена после того, как Искандар потерпел поражение от Шахруха 20 июля 1414 г.,. В ней сокращены, в частности, рассказы об Искандаре и опущены хвалебные строки о нем.

Большую ценность представляет для нас третья часть этого сочинения, где приводятся сведения о тюрко-монгольских племенах и их происхождении, о правителях Чагатайского улуса, о беках и эмирах Маверауннахра, захвативших здесь власть у Чагатайских ханов и терзавших страну в течении 25 лет (1346-1370), краткая история Темура с 1370 года до его смерти.

Труд в тексте был издан французским ориенталистом Жаком Обеном в Тегеране в 1957 году.

Вопросы государственного устройства и строительства армии рассматриваются в «Тузук-и Темури» («Уложение Темура»), известный также под названием «Мальфузат-и Темури» и «Вакият-и Темури».

«Тузук-и Темури» - историко-правового характера сочинение, в котором изложена автобиография Темура и связанные с ним события, взгляды этого выдающегося государственного и военного деятеля на устройство и управление государством и армией.

«Тузук-и Темури», по словам его персидского переводчика Мир Абу Талиба ал-Хусайни ат-Турбати и известных составителей каталогов восточных рукописей Ч.А.Стори и Н.Д.Миклухо-Маклая, был составлен на староузбекском (чагатайском, иначе среднеазиатском тюрки) языке, один из списков которого еще в XVII веке хранился в библиотеке правителя Йемена Джафара-паши.¹

¹ Тузук-и Темури (литография), Бомбей, 1880 с.2. Стори Ч.А. Персидская литература. Био-библиографический обзор, ч.2., Москва, 1972.с.792-79, Миклухо-Маклай Н.Д. Описание персидских и таджикских рукописей Ин-та востоковедения АН СССР, вып. 3 Москва, 1973, с.273. О том, что «Тузук-и Темури» первоначально был написан на тюрки, затем Мир Абу Талибом ал-Хусайни был переложен на персидский язык говорит и индийский историк Абдулхамид Лахури (Падишах-наме, ркп. ИВ АН РУз инв. 24, л.264).

В предисловии к своему персидскому переводу «Уложения» Мир Абу Талиб ал-Хусайни ат-Турбати пишет, что он, при возвращении из паломничества к святым местам Аравии-Мекки и Медины, посетил Йемен и в библиотеке упомянутого Джаъфара-паши обнаружил сочинение на тюрки, которое оказалось автобиографической запиской самого Темура. И оценив важность этого сочинения, он перевел его на фарси и, будучи в Индии в 1047 / 1637-38 г, преподнес свой перевод Бабуриду Шах-Джахану (1628-1658). Ознакомившись с переводом Мир Абу Талиба ал-Хусайни, падишах остался недовольным, нашел в переводе ряд несоответствий и, затребовав ученейшего вельможи (фоудждара, т.е. верховного казия, провинции Декан) Мухаммад Ашрафа Бухари (ум. в 1652 г.), поручил ему самым тщательнейшим образом сличить перевод Мир Абу Талиба ал-Хусайни с другими авторитетнейшими сочинениями, написанными во времена Темура и Темуридов, устранить несоответствия, исправить и дополнить его, если встретятся такие места. К сожалению, оригинал сочинения, т.е. список его на тюрки, пока что не обнаружен.

Как видно из вышеприведенных фактов, сочинение это первоначально было написано на среднеазиатском тюрки, а затем, в XVII веке, было переложено на персидский язык.

«Уложения Темура» пользуются большой популярностью в мире. Наличие огромного издания его текста и переводов на английский, французский, персидский, русский, урду и узбекский языки, осуществляемые, начиная с 1783 года и продолжающиеся и в наши дни, тому бесспорно свидетельство.

Об авторе «Уложения». Существует об этом две взаимоисключающие мнения. Так, английский востоковед Э.Г.Браун и русский академик В.В.Бартольд без веских фактов и доказательств подвергали сомнению не только авторство Темура, но и подлинность самого «Тузук-и Темури»¹. Мало, но есть у них и единомышленники.

Тем не менее, есть ученые-специалисты, признавшие за Темуром авторство. Так считают, например, ряд английских ориенталистов: большой знаток восточных рукописей Ч.А. Стори², переводчики и

¹ Browne Э.Г. A History of Persian Literature, т.III, Cambridge, 1906, p. 114, Бартольд В.В. Улутбек и его время, - Соч. Т.3. ч. 2, Москва, 1964, с. 38, прим.11; он же: Мир Алишер и политическая жизнь, там же, с. 201.

² Стори Ч.А. Персидская литература, ч.2, с.152; Institutes Political and Military... Eers translated into English with preface, indices by E. White, Oxford, 1783, 4; Шамс ад-Дин Сами, Камус ал-алам, Истанбул, 1891, p.1227; Миклухо-Маклай Н.Д., Описание персидских и талджикских рукописей, с.273.

издатели «Уложения Темура» Деви и Уайт, турецкий энциклопедист Шамс ад-Дин Сами и русский востоковед, крупный знаток и исследователь восточных манускриптов Н.Д. Миклухо-Маклай.

«История, написанная самим Темуром, - читаем в предисловии Деви и Уайта к их изданию, - предназначена его потомкам... В ней он объясняет, как он пришел к власти, секреты своей политической и военной деятельности, об искусстве управления государством и своих завоевательных войнах»¹. Шамс ад-Дин Сами пишет: «Темур написал сборник законов под названием «Тузукат», в котором повествует свою биографию... Сочинение это, написанное на чагатайском языке, было переведено на персидский и другие европейские языки».² Небезызвестны и следующие слова крупного венгерского историка Г.Вамбери: «Сам Темур писал плавным и выразительным тюркским слогом, как это всего лучше доказывают часто упоминаемые его «Тюзюкат»»³.

Мы, изучив это сочинение в течение многих лет, с привлечением других исторических сочинений XV века, в частности, одноименные сочинения Низам ад-Дина Шами и Шараф ад-Дина Али Йазди «Зафарнаме», пришли к выводу, что «Тузук-и Темури» не какая-нибудь фальшивка, а сочинение оригинальное, написанное Темуром или под его руководством. «Тузук-и Темури» состоит из двух частей: автобиография самого Темура, начиная с семилетнего возраста (1342 г.) до 1382 года и «Тузукат» т.е. установления по устройству государства и армии.

Труд ценен не только по изучению устройства созданного им централизованного феодального государства и могущественной для того времени армии, но содержит богатый материал по истории Чагатайского улуса⁴ более чем за сорок лет его существования.

Заслуживает интерес и сочинение Гийас ад-Дина Али Йазди «Китаб рузنامه-йи газавит-и Хиндустан» («Дневник похода [Темура] в Хиндустан»).

Несмотря на указание Темура о том, что следует написать труд «стилем далеким от неестественного и вполне понятным языком», Гийас ад-Дин Али Йазди при написании своего труда

¹ Institutes Political and Military, p. VI.

² Шамс ад-Дин Сами. Камус ал-алам, Истанбул, 1891, с. 1227.

³ Вамбери Г. История Бохари или Трансоксианы, перев. Павловского Т. 1. С.-Пб., 1873, с.234.

⁴ Чагатайский улус-государство, основанное вторым сыном Чингизхана, Чагатаем и включившее в свой состав Семиречьё, Притяньшаньё, Кашгар, Маверауннахр и часть Хорезма.

придерживался хвалебного тона и необычайно витиеватого стиля. Более того, в сочинении Амир Темур был наделен сверхчеловеческими чертами и изображен как истинный воитель за торжество ислама. «Дневник» Гийас ад-Дина Али Йазди составлен под лозунгом «священной» войны.

Тем не менее, он ценен для изучения военного искусства Амира Темура, поможет познать его стратегические и тактические методы ведения войны. Можно встретить в нем ценные сведения об институте эмиров и бахадуров, о героическом сопротивлении народа Индии.

Текст «Дневника» а Гийас ад-Дина Али, вместе с соответствующими параллельными выдержками из «Зафарнаме» Низам ад-Дина Шами и обширным предисловием Л.А. Зимина и редактора В.В.Бартольда, был издан в 1915 году. Позже он был переведен на русский язык и издан (в1958 г.) А.А.Семеновым.

Несмотря на явную тенденциозность по отношению к Темуру, одним из источников по его истории является «Аджьиб ал-макдур фи тарих-и Темур» («Чудеса предопределения в истории Темура») Ибн Арабшаха, написанный на арабском языке в 1436 году.

У.Уватов, специально исследовавший и осуществивший узбекское издание памятника (1992 г.), делит труд на четыре части: 1) происхождение Темура, детство и юношеские годы его; 2) государственная и военная деятельность Амира Темура с 1370 до его смерти; 3) события, приключившиеся в Маверауннахре с 1405 по 1436 год; 4) личные качества Темура и его словесный портрет.

Несмотря на тенденциозность автора, он, вместе с известными из других источников фактами и материалами, сообщает очень много нужного и ценного, например, о детстве и юношестве Темура, о месте его рождения, обычаях и нравах обитавших в Дашт-и кипчаке тюрко-монгольских народов, о захвате города-крепости Кимах (май 1402 г.), о сарбадарах Самарканда, о последних днях жизни Темура, об ученых, музыкантах, шахматистах и об искусных ремесленниках, живших при Амуре Темура.

Текст сочинения был издан в Лейдене (Голландия), Каире (Египет) и Калькутте (Индия). Есть многочисленные переводы на латынь (С.Н.Мангер), французский (П.Ватье), английский (М.Н.Сандерс), русский (первая часть: А.Э.Шмидт) и узбекский (У.Уватов) языки.

Одним из главных источников для изучения истории Ирана и Маверауннахра между двух Абу Саидов-Ильхана Абу Саида (1317-

1335) и Темурида Абу Саида (1451-1469) является капитальный труд Абд ар-Раззака Самарканди (1413-1482) «Матлаъ ас-саъдайн ва маджмаъ ал-бахрайн» («Место восхода двух счастливых звезд и место слияния двух морей»). Труд, в основном, был завершен в 875/1470 году, но автор продолжал работу над своим сочинением вплоть до 885/1480 года.

«Матлаъ ас-саъдайн» состоит из двух частей (дафтаров): 1) история Ирана и отчасти Маверауннахра от рождения упомянутого выше Ильхана Абу Саида до смерти Амира Темура и захват верховной власти Халил-султаном (март 1405 г.) и 2) история Темуридов от времени вступления Шахруха на престол в Герате в 107/1405 г. до победы Султан Хусайна Байкары над Йадгаром-мирзой и вступления его на престол вторично (875/1470 г.). История до 1427 года - компиляция и заимствована из других источников, например «Маджмаъ ат-таварих» Хафиз-и Абру.

Оригинальная часть (события 1427-1470 гг.) является важным источником по изучению политической истории Ирана и Маверауннахра и культурной жизни их народов. Она содержит также важные сведения о политических, экономических и культурных связях государства Темуридов с Индией и другими странами.

События в сочинении изложены по годам, в хронологической последовательности, что делает труд удобным для пользования.

Труд издан в тексте, в двух томах, пакистанским ученым маулана Мухаммадом Шафий в Лахоре, в 1941 и 1949 гг. Есть многочисленные издания фрагментов на немецком, французском, английском, русском и др. языках.

Большой фрагмент из него - Путешествие автора в Индию - (Виджаянагар) был опубликован на узбекском языке в 1960 году А Урунбаевым. Им же опубликована в 1969 г. часть второго дафтара (события 1405 - 1429 гг.).

История Темура и его царствовавших потомков была написана также крупным историком Мухаммад ибн Хаванд-шах Махмудом, более известным как Мирхонд (1433-1498).

Труд Мирхонда - всеобщая история от «сотворения» мира до 1522-23 гг., состоит из семи частей и называется «Раузат ас-сафа фи сират ал-анбийа ва-л-мулук ва-л-хулафа» («Сад чистоты относительно жизни пророков, царей и халифов»). Первые пять частей сочинения компиляция. Значение имеют лишь его 6-7 части, посвященные истории Темура и его преемников до Султана Абу Саида (уб. в 1469 г.), история Султана Хусайна Байкары и его потомков до 929-1522-23. Но седьмая часть сочинения (события до 1467 года) осталась в черне. Из-за болезни автор не смог его

закончить, и труд был завершен его внуком Хондемиром. Не законченной осталась и хатима, являющаяся в своем роде географическим приложением (повествуется о чудесах и диковинках мира, кратко описываются некоторые моря, реки и важнейшие города мусульманского мира), которая также написана Хондемиром.

Текст сочинения издан в Индии и Иране в 1891, 1853-57 и 1960 гг. Отдельные фрагменты из него изданы на французском, шведском, латинском, немецком и др. языках.

Есть турецкие и узбекские переводы, выполненные в Хиве Мунисом, Агахи и Мухаммадом Юсуфом. По сведениям составителей каталога «Описание тюрских рукописей Института народов Азии» (Ленинград, 1965) имеется и уйгурский перевод, выполненный Мир Фазыл мулла Кичиком по прозвищу «Сани» в 1737 году.

Много полезного материала, порою не встречающихся в исторических сочинениях, можно найти в антологии Доулетшаха Самарканди (1435-1495), известной под названием «Тазкират аш-шуара» («Упоминания о поэтах»), составленной в 1486 году.

«Тазкират аш-шуара» Доулетшаха состоит из введения, заключения и семи частей. Краткие сведения о поэтах, живших при Темуре и Темуридах, в их числе были и Темуриды-поэты, помещены в VI-VII частях и в заключении. Из исторических сведений, приводимых в этой антологии, большой интерес представляет краткая история сарбадаров и их государства в Хорасане, существовавшего в 1336-1381 гг.

Полный текст антологии Доулетшаха Самарканди был издан в Бомбее (1887), Лондоне (1901), Тегеране (1958). Опубликованы отдельные фрагменты из него на русском, французском, турецком, узбекском, немецком языках. Есть узбекский перевод, выполненный в Хиве в 1900 году Мухаммадом Рафи. Рукопись антологии хранится в собрании ИВ АН Республики Узбекистан (под инв. № 7016).

Много ценного материала по политической истории Маверауннахра и Хорасана последней четверти XV века содержится в «Хабиб ас-сияр»е Хондемира.

Хондемир (1475-76-1535) был талантливым и плодовитым ученым, оставившим после себя около десяти исторических сочинений, посвященные политической и культурной жизни Маверауннахра и Хорасана XV-первой четверти XVI веков. Особое место среди них занимает «Хабиб ас-сияр фи ахбар ва афрад ал-башар» («Друг жизнеописаний в известиях об отдельных персонах»).

Это обширное сочинение относится к типу всеобщей истории и состоит из трех томов (муджаллад), был завершен в 1524 году. Но ученый продолжал работать над своим сочинением и в последующие годы и окончательно завершил его в 1529 году. Оригинальными в «Хабиб ас-сияр» являются последние две части (джуз) третьего тома. В этих частях, на основе большого количества фактического материала, подробно рассказывается о последних Темуридах: Султан Ахмаде, Султан Махмуде и Султане Хусайне Байкары (1470-1506).

Помимо исторического, труд Хондемира изобилует этнографическим материалом (о расселении, жизни и месте в общественно-политической жизни, роли тюрских племен (барлас, аргын, джалаир, конгурат и др.), фактами социально-экономического характера (о роли и месте тарханских эмиров и владельцев суюргальных земель в жизни государства и общества, о налогах и повинностях) и об устройстве государства Темуридов: центрального государственного аппарата, о чинах и званиях и др., о культурной жизни (о жизни и деятельности ученых, поэтов, музыкантов, каллиграфов и др.).

Фрагменты из сочинения изданы на английском, французском, узбекском и русском языках.

Существуют два полных издания «Хабиб ас-сияр»: в Бомбее (1857) и Тегеране (1853-1855).

Полезный материал о духовной жизни Средней Азии XIV-XV вв. содержат т.н. жития мусульманских святых (агнографические сочинения): «Манакиб-и ходжа Али Азизан» («Подвиги ходжа Али Азизан Рамитани»), «Макамат-и хазрат накшбанд» (Степени духовного совершенства хазрата [Бахауддина] Накшбанда), «Макамат-и ходжа Алааддин Аттар» («Степени духовного совершенства ходжа Алааддина Аттара»), «Рашихат айн ал-хайат» («Капли, просачивающиеся из источника жизни») и др.

Считаем необходимым упомянуть здесь еще о трех мемуарах: «Бабур-наме», принадлежавший перу Темурида Захир ад-Дина Мухаммад Бабура (1483-1530), «Дневник» Клавихо и «Путешествие Иоганна Шильтбергера...»

«Бабур-наме», да и все научное и литературное наследие Бабура, хорошо известны научной общественности мира. Об этом написано немало и поэтому мы ограничимся лишь констатацией важнейших сведений «Бабур наме» о социально-политическом положении Маверауннахра и Хорасана конца XV -нач. XVI вв.

Сведения Бабура о политическом положении Маверауннахра и Хорасана в 80-90-х годах XV -нач. XVI вв. отличаются полнотой

и подробностью. Дело в том, что автор рассуждает о них, как очевидец, что делает мемуары Бабура бесценным источником. Что важно, причины распада государства Темуридов Бабур видит в отсутствии единства среди самих Темуридов и в усилившейся борьбе феодальных группировок за власть и влияние на общественно-политическую жизнь.

«Бабур-наме» содержит ценнейшие сведения о тюрко-монгольских племенах, населявших в XV-нач. XVI вв. Ферганскую долину, Ташкент и область, также области Ходженд, Самарканд, Хисар: дулдай, кипчак, бахрин (барин), чарас (чурас), могол, дулгат, бекчик, каучин, аргын, (аргун), уйгур, барлас, минг, чорак, мангит, утарчи и кара койлук, бахарлу, населявших область Туркестан; о нравах и обычаях этих племен. Сведения эти представляют большую ценность для этнографов, особенно для тех, кто занимается изучением этнической истории узбеков, казахов и других тюркоязычных народов Средней и Центральной Азии.

Большую ценность представляют географические сведения «Бабур-наме»: о караванных дорогах, о городах и укрепленных пунктах Маверауннахра, Хорасана, Афганистана и Бадахшана, о проживавших в них народах, об их занятиях. Значительное место в мемуарах Бабура занимает описание природы, сведения о растительном и животном мире, что делает сочинение универсальным.

Важны также сведения Бабура о государственном устройстве Маверауннахра при Темуридах, о строе армии Темуридов и др.

Словом, «Бабур-наме» является ценным источником по истории, географии, ботанике, экономике.

Староузбекский текст сочинения изданы И.Н.Ильминским (1857), затем А.Бевериджем (1905), С.Мирзаевым и П.Шамсиевым (1960). Памятник был переведен на фарси (1583), английский (1826, 1921), французский (1871, 1986), турецкий (1943, 1946), русский (1958) и современный узбекский языки (1960, 1982). Самым лучшим изданием «Бабур-наме» является издание А.Бевериджа (Лондон-Лейден, 1905).

Для изучения двора Амира Темура, существовавших в нем порядках и церемониале большой интерес представляет «Дневник» испанца Руи Гонсалеса де Клавихо, посла Кастильского короля Генриха III (1390-1407), побывавшего в Самарканде в 1404 году. Клавихо видел тогда жен, невест, внуков и дворцовую челядь, также встречался с самим Темуром; наблюдал за дворцовой жизнью и жизнью самого великого и сытного города, каковым тогда был Самарканд. Поэтому его «Дневник» играет большую

роль в изучении внутренней жизни государства Темура, связей его с европейскими государствами. В «Дневнике» встречаем также ценные сведения об общем положении стран и народов, оказавшихся под владичеством Амира Темура и его потомков, обычаях и нравах местного населения, о предках Темура и его происхождении и о возводимых, по указанию Темура, дворцах, мечетях, медресе, торговых рядах, мастерских, садах-парках.

«Дневник» Клавихо был издан (на староиспанском языке) в 1582 году в Севилье (Испания); спустя два столетия, в 1779 году, Амиролой второй раз, а через три года, в 1782 г., Антонио Санчесом. Самым надежным из них являются, однако, издания 1582, 1782 гг. Труд переиздан в 1943 году в Мадриде Ф.Лопес Эстрадой с обстоятельными комментариями.

Книга Клавихо была переведена на русский язык и издана в 1881 г. И.И.Срезневским, а в 1990 г. И.С.Мироковой. Последнее издание, основанное на староиспанском, снабжен обширными комментариями и надежнее.

Значительный интерес для изучения истории времени Темура, особенно политического положения Золотой орды, Турции и Балканских стран последней четверти XI начала XV вв., представляют путевые записки Баварского рыцаря-оруженосца Йоганна Шильтбергера.

«Путешествие» И.Шильтбергера пользовалось успехом в Европе в XV-XIX вв. и претерпело шесть изданий - четыре еще в XV веке, два последних в 1859 - 1868 г. на немецком и английском языках. Полезность труда Йоганна Шильтбергера в свое время была отмечена видными европейскими ориенталистами: Катрмером, Девизаком, Сен-Мартином, Хаммером-Пургшталлем и др. Тем не менее, ученый мир России, кроме академика Б.Д.Грекова и члена-корреспондента АН СССР А.Ю.Якубовского, не принял труд И.Шильтбергера. Более того, «Путешествие» встретило в России суровую и отчасти несправедливую критику со стороны Карамзина и Ключевского. Сочинение И.Шильтбергера действительно страдает серьезными недостатками. Признавал это и сам автор. Он писал: «Описание мое далеко не совершенное, потому что будучи в неволе, я не мог делать всего того, что желал»¹.

Внимательное изучение труда показало однако, что он содержит интересные сведения о сложной военно-политической обстановке в Малой Азии, на Балканах и Золотой орде в 80-90 гг. XIV и первой четверти XV века.

¹ «Путешествие Йоганна Шильтбергера», с.1.

Темуру и Темуридам посвящены XIV - XXIV главы сочинения (с.21-30). Особый интерес представляет XXIV глава, где автор рассказывает о том, как он попал в плен в руки царевича Абу-бекра, внука Темура, правившему с 1389 года Азербайджаном и Ираком (с. 29), о золотоординском царевиче Чекре, явившегося за помощью и жившего при дворе этого царевича и др.

В заключении хотели бы остановиться еще на двух ценных сочинениях: - «Муъизз ал-ансаб» («Генеология почитаемых лиц») и «Муджмал-и Фасихи» («Фасихов свод») Фасих Ахмада Хавафи. Первое сочинение представляет собой сокращенный вариант «Шуъаб-и панджгана» Рашид ад-Дина. Предполагаемый автор - Хафиз-и Абру- сократил предисловие «Шуъаб-и панджгана», опустил генеологию арабов, индийцев, китайцев и франков и добавил от себя последних Чингизидов, т.е. Чагатаидов (XIV в.), Темура и Темуридов. Словом, «Муъизз ал-ансаб» является генеологией Амира Темура и Темуридов.

«Муъизз ал-ансаб» дошел до нас в трех списках: 1) списки библиотеки Топканы-сарай (инв.№ 2152, неполный, с миниатюрами из «Альбома» Байсунгура-мирзы) 2) Парижской национальной библиотеки (инв. OR 467 с лакунами) и 3) Списка Британского Музея (с миниатюрами, XVIII в.).

На основе этих списков «Муъизз ал-ансаб» американским ученым Дж.Вудсом был составлен и опубликован очень ценный труд по генеологии Темура и Темуридов (Блумингтон, 1990).

Что касается «Муджмал-и Фасихи» Фасих Ахмада Хавафи (1375-1442), то он являет собой ценный компендиум по истории и биографии деятелей мусульманских стран от «сотворения» мира до времен автора. В настоящем труде кратко сообщается о важнейших исторических событиях, приключившихся в Иране и Маверауннахре, о жизни знаменитых ученых, поэтов, художников и государственных деятелей и сведения о сооруженных мечетях, медресе, караван-сараях, ирригационных сооружениях и др.

Сведения эти приведены по годам, в хронологической последовательности, что делает сочинение Фасих Ахмада Хавафи удобоиспользуемым.

Текст сочинения издан в 1961-1963 гг., а перевод на русский язык (только вторая часть) выполнен в Ташкенте в 1980 году Д.Ю.Юсуповой.

Использованы, помимо дневников путешественников и послов, и переписка Амира Темура и Мираншаха с верховными правителями Франции, Англии и Турции.

Монография состоит из четырех глав и написана коллективом авторов: академиками Б.А.Ахмедовым (гл. I-IV) и Г.А.Путаченковой

(гл.Ш) и доктором исторических наук Р.Г.Мукминовой (г.П.). В ней использованы материалы профессора И.И.Умнякова (Гл. IV), доктора искусствоведения Т.Гафурбекова о макомах, (в гл.Ш). Введение и заключение также написаны Б.А. Ахмедовым.

Авторы благодарят своих коллег за полезные советы при написании и подготовки к печати данного исследования . Поскольку данное исследование первая в своем роде работа, то авторы сознают, что она может содержать в себе ошибки и недочеты, и поэтому надеются на объективный отклик специалистов, что несомненно поможет устранить их затем при подготовке исследования ко второму полному изданию.

Политическая жизнь Маверауннахра при Амуре Темуре

С именем Амуре Темуре связано возникновение династии Темуридов, отдельные представители которых (до Султана Хусейна Байкары) в 1370-1506 годы управляли Маверауннахром, современным Афганистаном, Ираном, Азербайджаном и Ираком, а один из выдающихся представителей династии Захир ад-Дин Мухаммад Бабур и его потомки, вошедшие в историю под названием Бабуриды, на протяжении свыше 330 лет управляли Индией и внесли большой вклад в экономическое, духовное и культурное развитие этой великой страны.

Борьба за единство Маверауннахра

Амур Темур появился на исторической арене в период распада Чагагайского улуса, начинавшегося в 40-х годах XIV века вследствие усиления межфеодалных войн и династических распрей. Казан-хан (1338-1346) жестокими мерами пытался сломить влияние улусных беков, в первую очередь всемогущего эмира (амур ал-умара) Казагана. Как свидетельствуют современники, жестокость Казан-хана дошла до такой степени, что, когда кто-либо из эмиров направлялся в Карши ко двору хана, не надеялся возвратиться оттуда живым, и поэтому, прежде чем идти к хану, прощался со своей семьей и оставлял завещание. Вследствии этого многие из беков бежали в Сал-и сарай¹ к эмиру Казагану, который, также опасаясь крутого нрава хана, не покидал свою ставку, где он жил, фактически отделившись от Казан-хана.

Напряженные отношения между Казан-ханом и эмиром Казаганом превратились в открытую вражду, и в

¹ Сал-и сарай - местечко на правом берегу Амударьи (ныне селение Сарай Денауского района Сурхандарьинской области, Узбекистан), местопребывание эмира Казагана.

конечном итоге, вскоре привели к войне между ними. В 1339 г. Казан-хан выступил против эмира Казагана с единственной целью навсегда избавиться от этого непокорного эмира и его сторонников. Сражение между войсками хана и эмира Казагана произошло в местечке Дарайи занги, расположенного южнее известных Железных ворот и кончилось поражением эмира Казагана. Однако, почему-то хан не стал преследовать своего противника и сразу же после сражения возвратился в Карши.

Эмир Казаган не смирился однако с поражением и начал готовиться к новой схватке. Он долго ждал своего часа, который в конце-концов пробил. Зима 1345-46 гг. была суровой и многие, в том числе и Казан-хан, лишились большей части скота, особенно лошадей. Этим и воспользовались эмир Казаган и его единомышленники. Весной 1346 г. они повели войска на Карши против хана. Кровавое сражение между соперниками произошло около Карши и на этот раз эмир Казаган и его сторонники одержали победу над ханом. Сам Казан-хан был убит.

После этого власть над Чагатайским улусом, вернее его юго-западной частью, перешла в руки эмира Казагана, но, поскольку он не был чингизидом, то не мог занять престол, ибо, согласно бытовавшему тогда среди тюрко-монгольских народов обычаю, престол мог занять только представитель «белой кости», т.е. прямой потомок Чингиз-хана. Тем не менее, Казаган не упустил своего шанса. Он возвел на престол послушных Чингизидов, но посаженные им на престол ханы-чингизиды: Данишмандчи-хан (1346-1348) и Баянкули-хан (1348-1356) правителями являлись только номинально. Фактически же вся власть над улусом сосредоточил в своих руках эмир Казаган. Однако, зимой 1358 года, во время охоты на южном берегу Амударьи, Казаган был застрелен заговорщиками (очевидно, сторонниками убитого Казан-хана). Эмир Абдулла, сын и преемник Казагана, не смог удержаться у власти. Вскоре против него и подставного хана Баянкули выступили два влиятельных улусных эмиров: Баянсулдус, правитель области Хисар и Хаджи-барлас, правитель Кеша (Шахрисабза) и области. В сражении на подступах к

Самарканду, хан был схвачен и казнен, а эмир Абдулла бежал за Амударью и сошел с политической арены.

Темур-шах, посаженный на престол Баян-сулдусом и Хаджи - барласом, правил всего около двух лет (1358-1359). После этого, Чагатайский улус распался на множество мелких бекств, которые одно за другим объявили себя независимыми. Так, в Кеше Хаджи-барлас первым поднял штандарт независимости, за ним последовал правитель Ходжанда Баязид-джалаир. То же сделали в Балхе-Улджай Буга-сулду, в Шебергане-Мухаммад-ходжа Аперди найман, в Хутталане и Арханг сарае-эмиры Кайхусрау и Улджай Аперди, в Таткенте и Сарипуле - Хизр Ясаури, а в Кухистане - эмир Сатылмиш. Сепаратизм открыл путь к межфеодальным войнам. В борьбе за власть беки грабили владения друг друга, обрекая население на бедствие.

Нестабильным политическим положением Маверауннахра воспользовался моголистанский¹ хан Туглук-Темур (1348-1363). Он дважды (1360,1361) вторгнулся в Маверауннахр с целью объединить расколовшийся на части некогда единый Чагатайский улус. Как известно, в 1360 г. он не смог закрепиться в Междуречье (т.е. в областях, расположенных между Сырдарьей и Амударьей). Ему помешали бунты и беспорядки в самом Моголистане и, тем не менее, в 1361 году Туглук-Темуру удалось подчинить эту обширную территорию. Чагатайские беки не смогли объединиться и бежали кто куда, бросив свой народ и улус на произвол судьбы. Из них только Темурбек поступил иначе. Он остался в Маверауннахре, твердо решив отстоять страну от посягательств моголистанских феодалов. Темурбек взвесил все за и против и предпочел добровольно явиться к Туглук-Темуру и поступить к нему на услужение, за что моголистанский хан отдал ему в управление родной ему Кеш и прилегающие к нему районы (Кашкадарьинский вилайят). Этот свой поступок Темурбек впоследствии объяснял, как попытку оградить народ от грабежей и разбоя со стороны моголов. Не зря говорят: «лучше

¹ Моголистаном называлась восточная часть бывшего Чагатайского улуса, т.е. Семиречье, Притяньшанье и Кашгар после его распада (сер. XVI в.).

находиться среди врагов, чем наблюдать со стороны и переживать». Темурбек ради своего народа пожертвовал собой.

Власть моголистанского хана над Междуречьем длилась всего лишь два с половиной года. Осенью 1362 г. Туглук-Темур, оставив здесь своего сына Ильяс-ходжа-оглана и приставив к нему эмира Бекчика и Темурбека, возвратился к себе в Моголистан. Но молодой правитель был человеком безвольным, предался увеселениям и не занимался государственными делами.

Этим воспользовался искушенный жизненным опытом эмир Бекчик. Опираясь на поддержку своих единомышленников при дворе, он прибрал к рукам всю власть. Он плел интригу вокруг Темурбека и других эмиров. Этим Темурбек остался недовольным. Натянутые отношения между ним и эмиром Бекчиком изо дня в день обострялись. На сторону эмира Бекчика встал сам хан. В этих условиях Темурбек вынужден был покинуть дворец.

С данного времени свою судьбу Темурбек связал с таким же молодым и энергичным, как и он, эмиром Хусайном, внуком эмира Казагана. Оба бека в поисках удачи, отправились в поход в сторону Хорезма. Но своего они не достигли, а затем долго скитались по степям, пока в 1362 г., летом в местечке Махмудий, что в Махане (ныне Мары), они попали в плен к Алибеку Джани курбани¹, где находились в заточении в течение 62 дней, дожидаясь своей участи. Алибек намеревался продать их иранским купцам и ждал прибытия их каравана. К счастью, Темурбек и эмир Хусайн получили свободу с помощью Мухаммад-бека, старшего брата Алибека.

Темур и эмир Хусайн расстались в бухарском селении Зандана, договорившись о совместных действиях. Первый, по-видимому, для сбора ополченцев поехал к себе в Кеш, эмир Хусайн - на левый берег Амударьи с той же целью. Местом встречи была назначена область Гармсир, на берегу реки Гильменд. Каковы были их дальнейшие планы - судить трудно. Вскоре они, по приглашению Малик Кутб ад-Дина, отправились в Сеистан. Малик Кутб ад-Дин

¹ Племя из ойратов, переселившихся в Махан в XIII веке.

хотел воспользоваться их услугами в борьбе против своих недругов. За оказанную помощь Темурбек и эмир Хусайн получили большую награду, состоявшую из наличных денег, драгоценностей и других товаров. Но дорого обошлось все это Темурбеку - в одном из сражений он получил тяжелое ранение в правую руку и в правую ногу, вследствие чего рука почти отсохла, а на ногу он хромал всю жизнь.

Остаток 1362 и весь 1363 год прошли у Темурбека и эмира Хусайна в «партизанской» войне против монголов. Опорным пунктом им служило левобережье Амударьи (районы Кахмерда, Дерегеза, Арсифа и горные районы Балха). Оттуда, улучив момент, они переправлялись через Амударью и наносили внезапные удары по монгольским гарнизонам, расположенным в Термезе, Хисаре и других местах. Временами же их наездники доходили до пределов самого Кеша и Хузара. Бывали случаи, когда Темурбек и эмир Хусайн проявляли дерзость и нападали на превосходящие силы монголов. Так, в 1363-1364 гг. они трижды одержали победу над монголами. Первая имела место в Пул-и сангине, когда Темурбек со своими отрядами победил двадцатитысячное войско неприятеля. Вторая - также произошла в Пул-и сангине, после которой Темурбек направился в сторону Кеша и взял его малыми силами, применив военную хитрость. Он отобрал 200 лихих джигитов, велел им привязать по бокам своих коней краем доходившие до земли вязанки хвороста и построил их в длинный ряд по одному. Во главе с самим Темурбеком всадники поскакали галопом в сторону Кеша, поднимая пыль и создавая этим впечатление, что к городу приближается многотысячное войско. Монгольский гарнизон дрогнул и оставил город. Третью победу Темурбек и эмир Хусайн одержали над преобладающей силой монголов на Ташарыке (область Кеш) в том же 1364 году. Монголы были наголо разбиты. Более того их эмиры: Бекчик, Искандароглан, Хамид и Юсуф-ходжа попали в плен; тогда монголы были отброшены за Сырдарью.

По договоренности между Темурбеком и эмиром Хусайном последний прибыл в Джизак, а Темур остался в Ташкенте, где в течение трех месяцев вынужден был лечить

раны. Затем оба эмира съехались в Самарканд, пригласили одного из чагатаидов Кабул-шаха ибн Илчигидая ибн Дуванхана и посадили его на престол улуса.

Однако, стоявший у власти в Моголистане Ильяс-ходжа, сын Туглук-Темура, не смирился с потерей Маве-рауннахра и весной 1365 г. с огромным войском двинулся снова на Маверауннахр. К берегу Сырдарьи повели свои войска Темурбек и эмир Хусайн. Кровавопролитное сражение разыгралось на поле между Чинасом и Ташкентом ранним утром в начале месяца рамазан 766 года хиджри (22 мая 1365 г.). К полудню, когда победа уже склонилась на сторону Темурбека и эмира Хусайна (Темурбек смял правый флаг монголов), эмир Хусайн проявил нерешительность и не двинул свои полки на левый фланг неприятеля. К тому же в это время небо заволокли черные тучи, пронесся ураганный ветер, начался сильный ливень. В результате земля превратилась в топкую грязь до такой степени, что кони увязывали по колено и теряли устойчивость. В таких условиях трудно было всем: и пехоте, и коннице. Тем не менее, воины Темурбека упорно сражались и, может быть, битва была бы выиграна, прояви такое же усердие эмир Хусайн. Но он покинул поле битвы и отступил за Сырдарью. В этих условиях продолжать борьбу одному с превосходящими силами монголов не имело смысла, и Темурбек также покинул поле сражения. Тогда Темурбек и Хусайн со своими войсками отошли на южный берег Амударьи и укрылись в Балхской области. Таким образом, путь монголам в Самарканд был открыт. Ильяс-ходжа без всяких хлопот завладел Ходжендом и Самаркандом. Надо сказать, что последний не имел тогда ни стен, ни крепостных укреплений. Они были разрушены еще Чингизханом и, поэтому Ильяс-ходжа был уверен, что овладеет городом без кровопролития. Однако он ошибся в своих расчетах. Защиту Самарканда взял в свои руки народ, во главе которого встали Маулана-заде, преподаватель одного из самаркандских медресе, ремесленник (трепальщик хлопка) Абубакр Калави и меткий стрелок из лука Хурдек-и Бухари. Движение получило название восстания сарбадаров¹. Историки Абд ар-Раззак Самарканди и Мусави так описывают ход

событий: «В ожидании нашествия монголов жители Самарканда собрались в соборной мечети, но не могли прийти ни к какому решению. Тут выступил представитель ученого класса, принадлежавший по происхождению к знати, известный своей храбростью и искусством в стрельбе. Он был опоясан мечом. Медленными шагами подошел он к минбару и после обычного приветствия произнес такую речь: «О, мусульмане! Ныне толпа иноверцев в превосходящих силах пришла для разграбления дома мусульман, а правитель, взывавший с мусульман джизью², назвав ее пошпиной и хараджем³ и расходующий ее по своему усмотрению, при появлении врага оставил мусульман на произвол судьбы и бежал перед неверными. Даже, если жители этого города заплатят за себя выкуп и преподнесут дары, они этим не спасутся. В день страшного суда призовут к ответу вас, вельможи! Кто примет на себя защиту ислама и возьмёт на себя ответственность перед знатью и простолюдиной, чтобы мы также положили голову к его ногам и поступили к нему на службу?» Все вельможи сохранили молчание. Тогда Маулана-зада продолжал: «Так как никто не принимает ответственность, если я возьму ее на себя, то будете ли вы оказывать мне помощь и поддержку?» Все согласились и признали его своим предводителем и тут же ему присягнули еще десять тысяч хорошо вооруженных молодых людей⁴.

Самаркандцы, во главе с Маулана-заде, Абубакра Калави и Хурдека Бухари, в течение трех дней и ночей трудились, не покладая рук, и подготовили город к обороне: призвали всех, кто мог держать в руках оружие, поставили заграждения на всех улицах, за исключением главной магистральной улицы, но и там, в установленных местах, по обеим сторонам улицы расположили засады из лучников. Когда конница монголов во весь упор промчалась по этой улице, она была расстреляна, по другим же улицам проехать было невозможно,

¹ Сарбадары (от персидского, букв. "висельники") - участники антимонгольского и антифеодалного движения XVI века.

² Джизья - подушная подать.

³ Харадж - основной поземельный налог.

⁴ Цитируем по В.В.Бартольд. Народные движения в Самарканде в 1365г., - Соч., т.П, ч.2, Москва, 1964, с.371.

а пешие воины были встречены ураганным огнем лучников. Потеряв много убитых и раненых, войско Ильяс-ходжи отступило из города. В дополнение ко всему, в табунах Ильяс-ходжи вспыхнула эпидемия моровой язвы и большая часть лошадей погибла. В таких условиях идти еще на один приступ города монголы не решились, и Ильяс-ходжа приказал трубить отступление.

О каких-либо демократических мероприятиях, проведенных сарбадарами, источники ничего не сообщают. Но заслуживают внимание следующие слова Шараф ад-Дина Али Йазди: «О Аллах, да будет то, чтобы нищий стал почтенным человеком!» Если поразмыслить над этими словами ученого, то сарбадары провели конфискацию части имущества у состоятельных лиц и поделили его между неимущими. По-видимому, они отменили и джизью.

Весть о победе сарбадаров Самарканда распространилась быстро. Первым об этом узнал Темурбек, стоявший тогда отрядом под Балхом. Эту весть сообщил ему Аббас-бахадур, направленный им ранее с отрядом разведчиков на правый берег Амударьи. Заслуживают внимание также сообщения летописцев о том, что о победе сарбадаров над монголами Темурбека известил будто бы сам Маулана-заде. Так или иначе, после получения этих известий, Темурбек немедленно поехал в Шеберту, к эмиру Хусайну. Оба бека приняли решение выступить на Самарканд весной следующего 1366 года, а пока стали сосредотачивать свои силы на правом берегу Амударьи, а затем решили перейти в Маверауннахр и завершить там всю подготовительную работу к походу на Самарканд. Эмир Хусайн обосновался у себя в Сал-и сарае, а Темурбек - в Карши.

Как только прошла зима, оба бека выступили с войсками из своих зимовьев и направились в сторону Самарканда. Они разбили лагерь в Кан-и гиле, расположенном к западу от города. По дошедшим до нас сведениям, Темурбек и эмир Хусайн сразу же дали знать предводителям сарбадаров, что они одобряют их действия и выразили пожелание встретиться с ними. Положившиеся на доброе намерение беков, те прибыли в Кан-и гил с дарами. Поначалу

им были оказаны всяческие почести, но уже на второй день от этого внимания не осталось и следа. На предводителей сарбадаров внезапно обрушились жестокие кары. Этот эпизод до сих пор не нашел в среде историков своего точного и единодушного истолкования. Предводители сарбадаров Абу-бакр Калави и Хурдек Бухари сразу же были отправлены на виселицу, а за Маулана-заде заступился Темурбек и спас ему жизнь. По-видимому, между Темуром и эмиром Хусайном имели место разногласия о судьбе предводителей сарбадаров. Есть основания полагать, что Темур имел с некоторыми из них, особенно с сарбадарами из среды знати старые связи¹. Как бы то ни было, руками сарбадаров эмиры Темурбек и Хусайн завладели Самаркандом. Произошло это в конце 1365 года. Однако, беки не поделили власть. Немаловажную роль в этом сыграло алчность и коварство эмира Хусайна. Дошло до того, что после изгнания монголов, он начал посягать на имущества эмиров не только своих, но и Темурбека. Так, например, от эмиров Джаку барласа, Хаджи Сайф ад-Дина, Ак-Бути, Ильчи-бахадур и Давлат-шаха-бахши эмир Хусайн потребовал большую сумму денег за компенсацию ущерба, который он понес в «Грязевой войне». Но они не в состоянии были внести требуемую сумму. Начались бесконечные допросы и притеснения. Темурбек, не желая оставить своих сподвижников в беде, уплатил их долг из своей казны. Более того, как сказано у Шараф ад-Дина Али Йазди, он продал украшения жены в счет недостающей суммы. Этим актом щедрости Темурбек приобрел в среде своих соратников и эмиров Хусайна большой авторитет. Хусайн же, напротив, нажил себе немало недругов среди эмиров и вельможных людей.

Оставив своих доверенных вельмож при подставном хане, эмиры разошлись по своим владениям: эмир Хусайн - в Сал-и сарай, Темурбек - в Кеш.

Отношения между эмирами окончательно испортились после фальшивки, в которой была предпринята попытка обесчестить дочь Урда-хатуна (вдовы Тармаширин-хана)

¹ Якубовский А.Ю. Темур (опыт краткой характеристики), «Вопросы истории», М., 1946, № 8-9, с.58.

и навредить Темурбеку. Дело в том, что лазутчики эмира Хусайна в Самарканде пустили слух о том, что все это дело рук Темурбека. В действительности же, как это было установлено позже, автором фальшивки был никто иной, как сам эмир Хусайн. Словом, начиная с 1366 г., вражда между ними переросла в открытую борьбу. Эмир Хусайн, укрепив Балхскую крепость, начал накапливать войска для решающей схватки. То же делал Темурбек в Кеше и Карши. Эмир Хусайн несколько раз попытался заманить и уничтожить его. В 1370 г. эмир Хусайн начал собирать дополнительные войска из Балха, Кундуза и Бадахшана. Его наездники то и дело появлялись на правом берегу Амударьи - в районе Термеза и около Железных ворот.

Темурбек решил предупредить эмира Хусайна и весной 1370 г. со всем войском выступил из Кеша. Отряды Сургатмыш-оглана и видных эмиров выступили в авангарде (манглай). Когда Темурбек разбил лагерь в местечке Бийа, что в трех фарсах от Термеза, к нему прибыл саййид Барака, один из видных вельмож Андхуда. Он вручил Темурбеку барабан и знамя - символ власти и царствования и предсказал ему великое будущее. С этого времени вплоть до своей смерти (1404) саййид Барака неотлучно находился при Темуре, являясь одним из его духовных наставников.

Темур решил переправиться через Джайхун не у Термеза, а чуть выше-через переправу Убадж и направился вверх по Чаган-руду. Здесь с ополченцами из Каркары прибыл к нему эмир Джаку-барлас. С Темуром объединился здесь и эмир Кайхусрау, до того бежавший из Хутталана в Алай, опасаясь эмира Хусайна. Следующую остановку Темур сделал уже на правом берегу Амударьи, в местности Элбурз-кальа. Здесь, в начале рамазана 771 г. хиджри (29 марта 1370 г.), по предложению Темура, был создан курултай и Сургатмыш-оглан был объявлен верховным ханом. По мере приближения к Балху силы Темура увеличивались. В пути к нему примкнули, например, Зинда Чашм Аперди с ополченцами из Шебергана, хазарейцы хульма, правитель Бадахшана Шах Мухаммад и другие.

Балх пал II рамазана 771 г.х. (10 апреля 1370 г.) после

двухдневных осадных боев. Эмир Хусайн, спрятавшийся в минарете соборной мечети в старой части города, был схвачен и доставлен в лагерь Темурбека. Последний не противодействовал Кайхусрау осуществить над эмиром Хусайном кровавую месть.

Так закончилась многолетняя борьба обеих эмиров за обладание властью над Маверауннахром, и победителем из нее вышел Амир Темур.

Судя по тому, что на курултай, созванном Амиром Темуром в Самарканде летом 1370 года, собрались все улусные эмиры и предводители племен, за исключением Зинда Чашма, правителя Шебергана, можно сказать, что собрание земель, расположенных между Амударьей и Сырдарьей, прошло без особых хлопот между 1366-1370 гг.

В том же 1370 году, после курултая, Амир Темур взялся за Шеберган и сам возглавил поход на эту стратегически важную область Чагатаева улуса, но дошел только до Термеза. Зинда Чашм, через эмира Ульджайту, принес извенения Амиру Темуру и просил свидания с ним. Амир Темур внял его просьбе, однако Зинда Чашм, сразу же после ухода войска Амира Темура из Термеза, вновь встал на путь сепаратизма и более того, продолжал грабить районы Балха и Термеза. После этого, Амир Темур был вынужден послать против него войска под предводительством Джаку барласа. В конечном итоге Шеберган был взят, а Зинда Чашм доставлен в Самарканд в цепях. Амир Темур сам учинил над ним допрос, но, проявив политическую гибкость, внял просьбам Джаку барласа и других эмиров, простил прегрешения Зинда Чашма и даже принял его на службу.

Образование централизованного государства

Фундамент своего государства Амир Темура заложил на курултае (съезде племенных вождей, государственных сановников и духовенства), созванном им в Самарканде-новой столице государства летом 1370 года.

Прежде чем перейти к изложению устройства государства Амира Темура, коротко скажем о некоторых его принципиальных особенностях.

Первое. Это было государством не одного или двух господствующих классов - к примеру феодалов и купцов, а наоборот, государством всех существовавших классов и общественных прослоек: духовенства, феодалов, ремесленников, торговцев, землепашцев, воинов, простолюдины. Оно опиралось на них и защищало их интересы.

Второе. Это государство управлялось на основе ислама, шариата и закона. «Я построил здание своего государства, согласно исламу, - говорил Амир Темура, - управлял на основе закона (туры и тузуков) и все, что делал в повседневной деятельности, делал, основываясь на закон». Амир Темура обеспечил в своем государстве силу и действенность закона. В его государстве все: будь он высший чиновник, визирь, царевич, торговец или простой человек - были равны перед законом. Никто не оставался без поощрения за заслугу или наказания за проступки. Чтобы не быть голословным, приведем два примера. Царевич Мираншах, третий сын Амира Темура и правитель Западного Ирана, Азербайджана и Ирака (1393 -1398), в последние годы отстранился от государственных дел, предавался увеселениям и пьянству, за что был подвергнут наказанию и отстранен от власти. То же постигло и Пирмухаммада, сына Умар-Шайха, правителя Фарса (1394-1404), который пытался уклониться от участия в семилетнем походе Амира Темура на запад (1399-1404). Другой пример. По свидетельству Руи Гонсалеса де Клавихо, посла Кастильского (Испанского) короля Генриха III, побывавшего во дворце Амира Темура в Самарканде в 1404 году, Амир Темура подверг публичной казни (9 октября 1404 г.) двух

своих визирей, Мухаммада Дауда и Мухаммада Джельды, за злоупотребление служебным положением. Тогда же были подвергнуты наказанию мясник и сапожник, сбывавшие свой товар по завышенным ценам. Амир Темура требовал от правоохранительных органов и их руководителей (судей, стражников и др.), чтобы они, при разборе вины провинившего, соблюдали закон, чтобы никто не пострадал от клеветы и доносов. Он, в частности, требовал, чтобы провинность человека расследовалась со всей тщательностью и тот подвергался наказанию в том случае, если виновность его была доказана в присутствии четырех свидетелей. Установленный Амиром Темура закон оберегал и простолюдина (раията). В «Уложениях» Амира Темура читаем: «Если местные правители и старосты притесняли простолюдина и наносили им ущерб, то следует взыскать сей ущерб с них и вернуть притесненному». И еще: «Если сельские и квартальные старосты притесняли народ, то их следует подвергать штрафу».

Третье. Амир Темура придавал большое значение советам (кенгаш), устраиваемым для решения важных государственных дел "... девять частей своих дел решал я на основании решений советов (старейшин, эмиров, визирей, умных и умудренных опытом людей) и лишь одну часть - при помощи меча», - говорил он. Без решения совета Амир Темура ничего не предпринимал.

Четвертое. Как известно, судьба государства, его величие или распад, во многом зависит от функционирования государственных учреждений и деятельности чиновников (визирей, эмиров и др.) Поэтому Амир Темура государственные учреждения как в центре, так и на местах, комплектовал людьми компетентными, честными и добросовестными. По его мнению, государственные служащие, особенно визири, должны обладать четырьмя необходимыми качествами: 1) благородством и величием; 2) умом и проницательностью; 3) осведомленностью о положении народа и войска; 4) воздержанностью, терпимостью и миролюбием. Амир Темура не принимал на государственную службу корыстолюбивых, развращенных, завистливых людей и клеветников. Он предупреждал своих потомков относительно подобных людей.

Он говорил: «Люди злые и мстительные, изменники и завистники должны быть исключены из государственных концелярий (диванов), потому что их участие в управлении делами [царства] приведет к ослаблению государства».

Как свидетельствуют источники, Амир Темур четко определил права и обязанности каждого государственного служащего, работающего в центральном аппарате или в канцелярии местного правителя. Он требовал, например, от последних постоянно проявлять заботу о благоустройстве малых и больших городов и селений: строить в них мечети, медресе, дервишские обители (ханакахи, завие), бани, постоялые дворы (караван-сарай) и лечебницы; чинить мосты и строить новые; обеспечить безопасность торговых караванов и путешественников; защищать посевы и огороды от воров и грабителей.

Пятое. Прочность государства и его процветание зависит также от состояния казны. Основным источником пополнения казны являются налоги, повинности и таможенные сборы. Амир Темур не допускал, чтобы чиновники финансового ведомства и местные правители самовольно завышали размер налогов и повинностей или вводили новые. Он прежде всего упорядочил систему налогообложения населения. Так, например, при обложении и взимании хараджа, основного поземельного налога, прежде всего учитывались плодородие земли, состояние водообеспечения и близость или отдаленность земельного участка от города. Важно отметить, что харадж взимался только после созревания и снятия урожая и составлял одну треть или четвертую часть урожая. Были уточнены размеры и порядок взимания других налогов и повинностей (тагара, ихраджата, тамги, сар-и шумара, коналга, шилан пули, даругаги, мирабана, пишкеша, савари, баджа и др.). При этом был установлен жесткий контроль над деятельностью налоговосборщиков. «При сборе налогов и подати, - указывал Амир Темур, - следует оберегаться обременять народ налогами и податями или опустошать области, ибо разорение народа приведет к истощению государственной казны, а это, в свою очередь, приведет к

рассеиванию войска, а это ведет к ослаблению государства».

Теперь коротко об устройстве государства Амира Темура, включавший Туркестан, Афганистан, Иран, Азербайджан и Ирак. Амир Темура управлял своей огромной империей (с 1393г.) при помощи сыновей, внуков, близких себе лиц и беспрекословно подчиняющегося ему слаженного государственного аппарата. Вся эта огромная империя, за исключением Туркестана, была разделена между ними на улусы. Так, например, Кабул, Газни и Кандагар, вплоть до земель, простирающихся до реки Синд, он пожаловал старшему сыну Джахангиру, а после его смерти (1376), присоединив к ним Балхскую область, отдал сыну его Пирмухаммаду. Второму сыну своему Умар-Шайху Темура отдал в улус сначала Фергану, а затем, в 1393 году, перевел его в Фарс. В 1380 году Амир Темура во главе девяти тысячного войска послал своего третьего сына Мираншаха в Хорасан, который по истечении тринадцати лет, в 1393 г., получил от отца новый удел - престол Хулагу-хана т.е. Западный Иран, Азербайджан и Ирак. После перевода Мираншаха, Хорасан стал уделом Шахруха, младшего сына Амира Темура.

Согласно сведениям исторических источников, Амир Темура создал компактный государственный аппарат, состоящий всего из семи ведомств: 1) канцелярия главного визиря (называлось министерством по делам страны и народа); 2) военное министерство (министерство по делам войска); 3) министерство по делам финансов; 4) министерство двора; 5) министерство юстиции (диван верховного казая); 6) министерство государственной безопасности (диван-и мушриф); 7) министерство по делам внешних сношений (диван-и расаил).

К диванам были прикреплены чиновники разного ранга и положения: диван-беги (начальник дивана, министр), мунший (секретарь), арзбеги (лицо, доставляющее жалобы граждан верховному правителю), алам (лицо рассматривающее и утверждающее решения судьи, т.е. высшая судебная инстанция), ахтабеги (царский конюший), бакаул-баши (кухмейстер), таваджи (чиновник, отвечающий за сбор и устройство войска), хазинадар (казначей), мушриф

(чиновник, следящий за действиями царевичей и государственных служащих), мухандис (инженер-строитель), факих (законовед), чухра-агаси (начальник пажей), кази аскар (войсковой судья), кази ахдас (гражданский судья), мухасил (сборщик дани), кушбеги (сокольничий) и др.

Тогда же на курултае (июль 1370 г.) был решен вопрос об устройстве армии. Во главе войсковых соединений были поставлены проверенные эмиры: Джаку - барлас, Хаджи Сайф ад-Дин, Аббас-бахадур, Алейка - каучин, Ардашир-таваджи, Кары - инак и др.

Во главе местных управлений стояли хакимы (гражданский правитель), даруга (военный правитель), кадхуда (сельская староста), калантар (квартильная староста), закатчи (налогосборщик), кутвал (комендант крепости), казий (судья) и др. Устройство государства Амира Темура требует специального исследования. В рамках же небольшого раздела (главы) раскрыть весь механизм этого сильного и централизованного для своего времени государства вряд ли возможно.

Изучение жизни и деятельности Амира Темура и его эпохи только начинается. Мы уверены, что в ближайшем будущем у нас в Узбекистане или же в странах Европы, где изучение Амира Темура и его эпохи ведется с XVI века, такое исследование обязательно появится.

Здесь можно сказать еще и о том, что государство Амира Темура, как всякое феодальное государство, имело и свои слабые стороны. Это рост феодальной собственности и, что самое главное, удельной системы, которая постепенно приводила к сепаратизму, а это, в свою очередь, вело к ослаблению центрального государственного аппарата. Уделы, хотя и подчинялись центральному правительству, но, в действительности, были независимыми. Удельные правители имели собственный государственный аппарат (диваны, казну и войско). Зависимость же их от центрального правительства выражалась в регулярном отправлении части дохода в главную казну и обязанность явиться в ставку верховного правителя с указанным числом войска по первому же зову падишаха и принятие участия в его военных походах. Но, тем не менее,

скрытый сепаратизм у них наличествовал, примером чему служит случай с царевичами Мираншахом и Пирмухаммадом, о котором мы упомянули выше. Государство это держалось благодаря предприимчивости и воли такого сильного человека, каким был Амир Темур. А после его смерти (18 февраля 1405 г.), как известно, усилился сепаратизм феодальных владык по всей стране.

Борьба за Хорезм

Балх, Карши, Самарканд, Бухара, Ташкент и Фергана без особых хлопот подчинились Суюргатмыш-хану и Амиру Темуру, но Хорезм доставлял много хлопот и пришлось вести упорную борьбу для его объединения с Маверауннахром. Подчинить Хорезм окончательно удалось лишь после пятого похода, в 1388 году.

Как известно, Хорезм был разделен еще Чингиз-ханом в 1227 году. Тогда северо-западная часть его с городом Гурганджем отошла к улусу Джучи, а его юго-восточная часть, с городами Кятом и Хиваком, в состав улуса Чагатая. Но, в 60-х гг. XIV века, пользуясь неурядицами в бывшем Чагатайском улусе и в Улусе Джучи, Хорезм захватили потомки всесильного золотоордынского эмира из племени конгурат Нангадая (убит в Сарае-Барке в 1361 году). После Самаркандского курултая Суюргатмыш-хан и Амир Темур решили восстановить прежний статус Хорезма. Поначалу пытались сделать это мирными средствами-путем переговоров, и в марте 1371 г. в Гургандж было отправлено посольство во главе с Алафа-таваджием с заданием завязать отношения дружбы и согласия. Но Хусайн-суфи, правитель Хорезма, не внял советам Амира Темура. Его ответ гласил: «Вилайет этот я подчинил мечом и поэтому отнять его смогут только при помощи оружия». Второго посла Амира Темура - шейхулислама Джалал ад-Дина Кеши он посадил под арест, что и привело к войне.

Первый поход Амира Темура на Хорезм состоялся весной 773 г.х.(в июле 1371 г.). Тогда его войска взяли Кят и осадили столичный город Гургандж. Хусайн-суфи умер во время

осады, а Юсуф-суфи, брат и преемник его, запросил мир. Амир Темур, заключив мир, возвратился в Самарканд. По условиям договора Юсуф-суфи признал власть Суюргатмыш-хана и Амира Темура.

Второй поход в Хорезм состоялся в месяце рамазан 774 г.х. (февраль - март 1373 г.). Причиной тому послужило бегство ряда вельмож Амира Темура: Султан Махмуда, сына Кайхусрау Хутталани, Абу Исхака, сына Хизра Ясаури, некоего Мухаммад-шаха Бухари в Хорезм к Юсуфу-суфи. Он не только приютил их, но аннулировал ранее заключенные договора. Поход был прерван в Бухаре, так как Юсуф-суфи покаялся о содеянном.

Не был доведен до конца и третий поход, начавшийся в начале весны 777 / 1375 г., прерванный вследствие бунта Сар-Буги и Али-шаха против оставленных в Маверауннахре эмиров Темура.

Причиной четвертого похода Амира Темура на Хорезм послужило новое нарушение Юсуфом-суфи условий заключенного ранее мирного соглашения. Пользуясь тем, что Амир Темур был занят борьбой с Камар ад-Дином, одним из влиятельных улусных правителей Моголистана, и Урусханом, ханом Ак-орды¹, Юсуф-суфи организовывал систематические грабительские набеги на владения Амира Темура, особенно в окрестности селения Чарджоу и Бухары. Этот поход, начавшийся в месяце шаввал 780 г.х. (январе-феврале 1379 г.), также закончился заключением еще одного мирного договора.

Однако, Сулайман-суфи, новый правитель Хорезма, объединившись с ханом Золотой орды Тохтамышем, продолжал опустошать приграничные с Хорезмом области Маверауннахра. Этим был вызван пятый поход Амира Темура на Хорезм в 790 / 1388 году, завершившийся бегством Сулаймана-суфи и взятием Амиром Темуром Гурганджа.

После этого на имя Суюргатмыш-хана и Амира Темура была прочитана Хутба и чеканена монета, а юго-восточная часть Хорезма, принадлежавшая ранее улусу Чагатая и

¹ Ак-орда - государство, возникшее в восточной части улуса Джучи в XIII веке.

насиленно отторгнутая в свое время Хусайном-суфи, и юго-восточная часть была присоединена к государству Суюргатмыш-хана и Амира Темура.

В заключении хотелось бы вкратце остановиться на одном немаловажном вопросе. По утверждениям некоторых историков, после пятого похода, якобы по приказу Амира Темура, Гургандж, столица Хорезма, был полностью уничтожен, распахан и засыпан солью. Однако, как показало тщательное изучение исторических источников и анализ произошедших несколько позже событий, это утверждение не соответствует действительности. Обратимся к фактам.

1) По сведениям Шараф ад-Дина Али Йазди, Амир Темур спустя три года после пятого похода на Хорезм (1391 г.), возвращаясь из Поволжья, после похода против Тохтамышша, послал в Гургандж эмира Муса-ака с поручением восстановить разрушенные здания (подчеркнуто нами - Б.А.) Гурганджа. Муса - ака за короткое время вернул городу его прежний вид. Если хорошенько подумать, то можно ли было восстановить за короткое время такой огромный город, каким тогда являлся Гургандж? Во-вторых, в «Зафар-наме» ясно сказано: «Разрушенные здания города», а не весь город.

2) Спустя тринадцать лет (после похода Амира Темура на Хорезм) всемогущий золотоордынский эмир Едигей, поссорившись с Пулад-ханом, (1407-1411), бежал в Хорезм. Посланные Пулад-ханом войска во главе с Учук-бахадуром и Газаном долго осаждали Гургандж, но не смогли взять его и, заключив с Едигеем нечто вроде мира, возвратились обратно. Как видно, Гургандж за весьма короткое время обрел свой прежний вид и стал крепко укрепленным городом.

3) В 1431 году с многочисленным войском в Хорезм вторгся хан Узбекского улуса Абу-л-Хайр (1428-1468): долго осаждал Гургандж, но взять не смог.

Как видно из приведенных фактов, Амир Темур не сравнивал Гургандж с землей, а приказал разрушить только отдельные его здания, представляющие оборонительное значение, и дворец правителя.

Борьба с Моголистаном и Улусом Джучи

Благодаря усилиям Амира Темура и сплотившихся вокруг него эмиров-патриотов, Маверауннахр обрел долгожданный мир, разрозненные и враждующие между собой улусы были объединены в единое централизованное государство. Но с севера и северо-востока продолжала существовать опасность со стороны Белой орды и Моголистана. Присырдарьинские города (Сайрам, Туркестан, Сыгнак, Отрар и др.) и Восточная Фергана жили в постоянной тревоге и опасении со стороны Дашт-и кипчака и моголистанских феодалов.

Несколько слов о предыстории. Как свидетельствуют средневековые историки, в начале XIV века Моголистан, т.е. восточная часть улуса Чагатай, был охвачен феодальной раздробленностью, династической распрей и межфеодальной войной. После Кайду, началась бескомпромиссная война между царевичами Байаном, а затем между Чапаром и Кааном. Борьба между Кунчеком и другими Чагатаидами (Курсаба и другими) причинила большие разрушения городам Моголистана, особенно городам Семиречья. Словом, к началу 70-х гг. XIV в. Моголистан распался на несколько мелких частей. На востоке его свою власть установил влиятельный дулгатский эмир Камар ад-Дин, в Семиречье и долине реки Чу господствовал Анка-тюра, в районах Иссыккуля хозяйничал Мир Каримберди, а на юго-западе страны господствовал эмир Хаджибек. Самым сильным и опасным среди них был Камар ад-Дин. В 1369 году он восстал против Ильяс-ходжа-хана (1363-1369), организовывал нападение на Алмалык и Бешбалык¹, в том же году убил хана и объявил себя владетелем Моголистана. По свидетельству автора «Тарихи Рашиди», Камар ад-Дин умертвил тогда всех мужчин из ханского рода.

¹ Крупные средневековые города Моголистана. Алмалык находился в Чуйской долине, был столицей Чагатайского улуса до его распада на две части; разрушен в конце XV века во время вторжения калмыков, а Бешбалык - северная столица Уйгуристана, развалины которого находятся около города Джимисар Синьцзянь - Уйгурского автономного района КНР.

Камар ад-Дин не остановился на этом. Он готовился и к захвату Ферганы, всего Маверауннахра; задался целью объединить обе части Чагатайского улуса и стать его единоличной владыкой.

Упомянутые выше моголистанские феодалы систематически организовывали грабительские набеги на Сайрам, Туркестан, Ташкент и Фергану и причиняли страдания его населению. Только в течение 1370-1376 гг. они трижды осуществляли грабительские набеги на Ташкент, города и селения Ферганской долины. Ощутимый удар нанес Камар ад-Дин Фергане в 1376 году и захватил большую часть долины. Умар - Шайх, правитель Ферганы, не устоял и бежал в горы.

Амир Темура понял, что не покончив с сепаратизмом и узурпацией моголистанских эмиров, особенно Камар ад-Дина и Анка-тюры, обеспечить мир и нормальную жизнь в Маверауннахре, особенно его северным и восточным областям, невозможно. Поэтому в течение двадцати лет (1370-1390) он организовал против них семь походов, но лишь в последнем ему удалось одолеть Анка-тюру и Камар ад-Дина. Тогда темуридские войска дошли на севере до реки Иртыш, а на востоке - до Балык-юлдуза¹, главной ставки моголистанских ханов. Но подчинить Притяньшанье и Кашгар ему так и не удалось.

Если борьба Амира Темура с Моголистаном преследовала цель не только обуздать своеволие его эмиров и объединить обе части Чагатайского улуса, то борьба его с Улусом Джучи не преследовала цель подчинения этой огромной страны. В этой связи мы согласны с мнением выдающегося русского историка, специалиста по истории Средней Азии А.Ю.Якубовского, который, в частности, говорил: «Войны Темура с Тохтамышем не преследовали цель захвата земель, за исключением небольших сырдарьинских городов, лежащих ниже Саурана. Темура стремился лишь к полному ослаблению Улуса Джучи, так как видел в могущественной Золотой орде постоянную угрозу создаваемому им в Средней Азии

¹ Балык-юлдуз - город, расположенный на восточном склоне Тяньшаня.

государству»¹.

Прежде чем перейти к изложению существа вопроса, хотелось бы сказать следующее. Как известно, до 1376 года Улус Джучи не был единым и состоял из двух независимых государств: Золотой и Белой орды. Золотая орда (столица Сарай-Берке) осуществляла власть над северо-западной частью Хорезма, Северным Кавказом, Булгаром, Крымом и Западной Сибирью и составляла правый фланг Улуса Джучи. Белой же орде (столица Сыгнак) были подвластны низовья Сырдарьи до Саурана, центральный Казахстан от Улу-тау, Сенгир йагача и земли от Каратала до Сибири. Ак-орда составляла левое крыло улуса Джучи. Хан Белой орды Урус-хан (1361-1375) приложил немало усилий, чтобы объединить оба части Улуса Джучи, но это ему не удалось. Он не смог сломить сопротивление сидевших в улусах Джучинских царевичей. Не желал объединения обеих улусов и Амир Тему́р, так как объединенный улус представлял для Средней Азии большую опасность, чем разрозненный. Амир Тему́р хорошо знал времена Бату-хана, Берка и Узбек-хана (XIII - перв. полов. XIV в), когда Маверауннахр подпал под господство Золотой орды. Поэтому Амир Тему́р с первых же дней после прихода к власти внимательно следил за событиями в Дашт-и кипчаке и старался не допустить объединения обоих улусов - Золотой и Белой орды. Так было спокойнее.

Для осуществления намеченной цели Амир Тему́р умело использовал межфеодалную борьбу и династические распри в Улусе Джучи. Такой случай представился в 1376 г. На курултае, созванном Урус-ханом по поводу объединения Белой и Золотой орды, оказались и противники. Среди них был один из узбекских огланов Туй-ходжа, отец Тохтамышша и правитель Мингкишлака, за что он был убит Урус-ханом. После трагедии его сын (Тохтамышш-оглан), опасаясь за свою жизнь, бежал из Белой орды и прибыл в Самарканд. Амир Тему́р предоставил ему убежище, оказал почести, а спустя некоторое время, снабдив его всем необходимым для организации войска, вручив знамя и барабан-символ

¹ Якубовский А.Ю. Тему́р (опыт краткой характеристики), - "Вопросы истории" 1946г., № 8-9, С. 63.

верховой власти и предоставив ему все необходимое, чтобы отвоевать у Урус-хана престол Белой орды, проводил его в путь. Амиру Темуру было выгодно иметь в Золотой орде своего наставника и союзника. Однако Тохтамыш на этот раз не добился цели - был разбит сыном Урус-хана Кутлук-Бугой и возвратился в Самарканд. Амир Темур вновь помог ему войском для еще одного похода на Белую орду. Но и на этот раз счастье отвернулось от Тохтамыш-хана. В Сауране он потерпел поражение от старшего сына Урус-хана Токтакии, выступившего против него в союзе с некоторыми Джучидскими огланами. На этот раз Тохтамыш потерял все имущество, семью, слуг и с большим трудом добрался до берега Сырдарьи и, спасаясь от преследования, бросился в реку. Но преследовавший его по пятам Казанчи-бахадур догнал его и пущенная им стрела ранила Тохтамыша в руку. Истекая кровью, Тохтамыш с трудом выбрался на левый берег реки, где потерял сознание. Но, к счастью, как раз в это время здесь оказался возглавляемый Идику барласом темуридский отряд, направлявшийся на помощь к нему. Они подобрали полуживого Тохтамыша, оказали первую помощь и доставили в Самарканд. Лучшие лекари Амира Темура сделали все возможное и вылечили его. Но и на этот раз он не остался один на один с Урус-ханом и его сыновьями, потому что в борьбу с Урус-ханом активно включился сам Амир Темур. Это событие в источниках излагается так: в это время, когда Амир Темур собирал Тохтамыша в дорогу, в Самарканд прибыл Идику (Едигей), влиятельный золотоордынский эмир, тоже бежавший из Дашт-и кипчака. Он сообщил Амиру Темуру, что Урус-хан, требуя выдачи Тохтамыша, вышел из Сыгнака и с большим войском движется к берегам Сырдарьи. Весть эту подтвердил и посол самого Урус-хана, прибывший в Самарканд вслед за Индику. Как свидетельствуют летописцы, в письме Урус-хана к Амиру Темуру говорилось: «Тохтамыш убил моего сына и бежал к Вам. Выдайте его нам или придется скрестить мечи». Ответ Амира Темура гласил: «Пришел он сюда в поисках защиты, поэтому мы его не выдадим». После этого отношения Белой орды с государством Амира Темура окончательно испортились, и

началась война между обоими государствами. Амир Темур расположился лагерем около Отрара, а Урус-хан в Сыгнаке на расстоянии 24 фарсах друг от друга. Так они без движения простояли три месяца. Почему-то не было решимости ни у Урус-хана, ни у Амира Темура начать сражение первым. Стороны ограничивались только отдельными стычками и схватками между караульными частями и разведкой друг друга. С истечением трех месяцев, Урус-хан оставил Сыгнак и подался в глубь Дашт-и кипчака. Войска Амира Темура преследовали его в течение пятнадцати дней, но, когда он добрался до местечка Джайран-камыш, было получено известие о кончине Урус-хана и избрании на ханский престол его сына Койричак-оглана. Амир Темур прогнал его и, вручив престол Белой орды Тохтамыш-оглану, возвратился в Самарканд. Событие это, по сведениям Шараф ад-Дина Али Йазди, имело место в начале 778 г.х. (21 мая 1376 г.) Так Тохтамыш, при активной помощи Амира Темура, завладел престолом Белой орды.

К сожалению, Тохтамыш и на этот раз не удержался на престоле. Вскоре он был разбит Темур Маликом (1375-1376) и снова бежал под крылышко Амира Темура. Последний и на этот раз оказал ему необходимую поддержку и помощь. Его сопровождал до Сыгнака темуридский отряд под командованием Гияс ад-Дина тархана и Ники-каучина. Престол Белой орды был отвоеван у Койричак-оглана, и на сей раз Тохтамыш прочно утвердился на престоле Белой орды.

Амир Темур остался довольным случившимся и надеялся, что Тохтамыш останется его верным вассалом и будет проводить в Дашт-и кипчаке его политику. К сожалению, тот не оправдал его надежд и, более того, соединив вскоре Белую орду с Золотой (т.е. объединив оба части Улуса Джучи), повел враждебную политику по отношению к своему вчерашнему покровителю и благодетелю. В этих условиях из года в год усиливались противоречия между Амиром Темуром и его вчерашним ставленником. Стремясь расширить пределы Золотой орды, Тохтамыш предпринял ряд походов в Закавказье, направил большое войско в 1385 г. для захвата подвластного Амиру Темуру Гебриза. В 1386 году Тохтамыш-

хан, пользуясь отсутствием Амира Темура в Маверауннахре (он находился тогда в Иране), вторгся в глубинные районы Маверауннахра и учинил невероятные грабежи и разбой. Дашт-и кипчакцы дотла сожгли тогда зимний дворец Казан-хана на Кашкадарье-Занжир-сарай. Тохтамыш подстрекал и правителя Хорезма Сулеймана-суфи против Амира Темура, в результате чего тот послал войска в пределы Бухары и оседлых районов Маверауннахра.

Все это вместе взятое привело к большой войне между Улусом Джучи и государством Амира Темура, доставив-ший невероятные лишения и невзгоды народам обеих стран. Три раза (1389, 1391, 1395 гг.) водил Амир Темур войска против Тохтамыша. При этом, как сказано выше, он не ставил цель установить свою власть над Улусом Джучи, а стремился только подорвать военно-политическую мощь этого государства и тем самым обезопасить свои владения как в Маверауннахре, так и в Закавказье от вторжения золотоордынских войск. В ином случае он не упустил бы свой шанс в 1395 году, когда Сарай-Берка, Астрахань и вообще вся Золотая орда лежала у его ног, а Амир Темур отдал престол Золотой орды Койричак-оглану, сыну Урус-хана.

Упорными и кровопролитными были три похода Амира Темура против Тохтамыша.

В конце 790 г.х. (в конце декабря 1388 г.) Тохтамыш послал многочисленное войско на Маверауннахр под общим командованием Ильйигмиш-оглана. Последний переправился через Сырдарью и разбил лагерь в Ачике Дизака. Амир Темур, через несколько дней после получения известия об этом, несмотря на сильный мороз и обильный снегопад и не дожидаясь сбора всего войска, выступил ему навстречу. В Ходженде к нему присоединился мирза Умар-Шайх, правитель Андижана. Тогда войско Ильйигмыш-оглана было окружено с двух сторон и разгромлено.

В месяце сафар 791 г.х. (феврале 1389 г.) Амир Темур прибыл в местечко Секар. Здесь он провел остаток зимы и раннюю весну и, когда собрались войска со всех областей Маверауннахра, в месяце раби 791 г.х. (в марте 1389 г.) переправился через Сырдарью и, нанося Тохтамышу пора-

жение за поражением, преследовал его до Ауранг-джакала и Алтагми. Поход был прекращен вследствие активизации моголистанских феодалов на границах Маверауннахра.

Поход против Тохтамыша был продолжен два года спустя, в 1391 г. К нему Амир Темур готовился тщательно. Еще осенью 792 г.х. (сентябрь-октябре 1390 г.) он перенес верховную ставку в район Чинаса и объявил всеобщую мобилизацию. Здесь же он провел зиму 1390-91 гг., а в начале весны 1391 г. повел войска на Золотую орду. Но в Карасамане¹ к нему прибыл посол Тохтамыша. Последний выразил сожаление о содеянном и просил прощения за свои поступки, обещал впредь соблюдать дружеские отношения. Но на этот раз Амир Темур не поверил ему: задержал его посла и продолжил поход. Поход длился шесть месяцев и завершился полным разгромом Тохтамыша в битве 18 июня 1391 г. в местности Кундузча, расположенной между Самарой и Чистополем. Амир Темур возвратился из этого похода с большой добычей и пленными. В память об этом походе Амир Темур оставил надпись, высеченную на горе Улу-тау, хранящуюся в настоящее время в Государственном Эрмитаже (Санкт-Петербург).

Тем не менее, Тохтамыш еще не был сломлен окончательно. Вскоре он сумел восстановить военно-политическую мощь Улуса Джучи и вновь начал угрожать своим соседям, в том числе и владениям Амира Темура. К борьбе с Амиром Темуром Тохтамыш пытался привлечь даже Малик аз-Захира Баркука, мамлюкского правителя Египта (1382-1399). В 1394 г. Тохтамыш совершил набег на Азербайджан, его войска заняли тогда некоторые области Ширвана и учинили там разбой и грабеж. Однако, вступить в открытое сражение с Амиром Темуром он не осмелился, и с появлением передовых частей его войска отступили к себе в Дашт-и кипчак, Амир Темур решил выступить против него и покончить с ним навсегда, но с наступлением зимы отложил поход на следующий 1395 год.

Последний и решающий поход Амира Темура против

¹ Карасаман - местность на левом берегу реки Арысь, современный Караасман.

Тохтамыш начался 7 джумада II 797 г.х. (28 февраля 1395 г.). По дороге в Дербенд он еще раз попытался уладить дело мирным путем. К Тохтамышу было направлено посольство во главе с Шамс ад-Дином Алмалики. Послу Амира Темура, казалось, что удалось склонить Тохтамыша к миру, но последний хитрил и разговорами о мире пытался отвлечь его внимание. И в то же время продолжал готовиться к войне.

22 джумада II 797 г.х. (16 апреля 1395 г.) обе армии, численность которых была не менее 400 тысяч человек, вступили в решающее сражение на берегу реки Терек, которое велось на большом пространстве - на площади 30-35 км, и с большим ожесточением. Обе стороны сражались упорно, не щадя сил и средств. В конечном итоге Амир Темура вышел из него победителем. Тохтамыш с остатком войска бежал и затерялся в Булгарских лесах¹. Победа Амира Темура во многом была обеспечена благодаря применению им новой тактики ведения войны. Перед сражением он разбил войска на семь корпусов (кул) и образовал мощный резерв из двадцати семи полков (кошунов). Эти корпуса образовали мощный центр с фланговым охранением, а резервные полки давали возможность Амиру Темуру в нужный момент поддержать или усилить те или иные подразделения. Теперь Амир Темура был спокоен относительно левобережной части Улуса Джучи, но оставалась еще другая, богатая ресурсами правобережная часть его - земли, лежащие от Волги до Днепра. Поэтому он решил нанести удар и по этим землям, обезопасив тем самым Азербайджан и Иранские владения. Войска под начальством Шамс ад-Дина Аббаса и царевича Пирмухаммада были направлены на правобережные владения Улуса Джучи. Войско Амира Темура дошло тогда до левобережья Днепра, взяло Анкерман (Манкерман), вступило в некоторые придонские и кубанские районы; овладело Азаком (Азовом) в устье реки Дон. Привлекает внимание сообщение одного из источников об узбеках, обитавших тогда в районе упомянутого Анкермана. Воины Амира Темура в районе Анкермана обнаружили обитавший там некий "улус узбеков". Большая часть их была

¹ Тохтамыш был еще жив в 1404 году и умер после 1407г. в Западной Сибири.

схвачена и переселена в другое место. Известно, что улус узбеков издавна кочевал на левом берегу Волги, между Аральским морем и Тюменью, но об анкерманских узбеках источник (сочинение Шараф ад-Дина Али Йазди) сообщает впервые. Когда и по какой причине они оказались в районе Анкермана, в источнике ничего не сказано. После этого Амир Темур повел войска на владения Московского государства, дошел до Рязанской земли, взял Елец и направился в сторону Москвы. Летописцы Амира Темура утверждают, что когда он достиг Москвы (Машков), то “разграбил всю область, начиная от самого города до его пригородов”. Однако русские летописи, фиксируя, как обычно, все события, связанные с историей Руси, не только по годам, но даже по месяцам и дням, о взятии Амиром Темуrom Москвы ничего не говорят. Случись это в действительности с таким крупным городом, как Москва, это, безусловно, было бы зафиксировано на страницах русских летописей. Согласно “Никоновской летописи”, Амир Темур вторгся тогда на Русь огромным войском, взял Елец, пленил и убил часть людей Рязанского княжества. Великий князь Василий Дмитриевич, узнав об этом, собрал множество полков, выступил в сторону Коломны и занял переправу через р. Ока. Амир Темур же, разграбив Рязанскую землю, удалился на юг.

После взятия Азака (Азова) Амир Темур вторгся и в земли черкесов, а затем повел войска на Дагестан и взял укрепленные крепости Кула и Таус. Зимой 1395-96 гг. был взят и сожжен Астрахань, в отместку за сожжение Тохтамышем Занжир-сарая.

Разгромив Тохтамыша, Амир Темур укрепил не только внутреннее, но и международное положение своего государства. Разгром Тохтамыша на Тереке и опустошение Сарая-Берка нанесли Золотой Орде непоправимый удар. Хребет государства, причинившего столько бед и зла древней Руси, был переломлен. Золотая Орда, после 1395 года, начала клониться к упадку. Амир Темур вел борьбу с Золотой ордой ради среднеазиатских интересов и Азербайджана, совершенно не думая о Руси, но объективно сделал великое дело не только для Средней Азии, но и для Руси, ускорив намного освобождение России от монгольского ига.

Войны Амира Темура на юге и западе Средней Азии

Если борьба Амира Темура с Моголистаном и Улусом Джучи имела в какой-то степени оборонительный характер и была направлена на защиту созданного им государства от посягательств правителей Моголистана и Дашт-и кипчака, то войны в Иране, Азербайджане, Ираке, Сирии и Индии носили в какой-то степени завоевательный характер. Свои действия сам Амир Темура, как сын своей эпохи, обосновывал необходимостью укрепления и распространения ислама, желанием положить конец беззакониям и самочинству местных правителей, защищать торговые караваны и паломников от посягательств воров и грабителей и тем самым содействовать развитию торговли и культурного общения народов Востока и Запада. Но как бы там ни было, войны Амира Темура, которые он вел на протяжении четверти века, привели к разрушениям и человеческим жертвам с обеих сторон. Таковы законы войны как в прошлом, так и в настоящем, в условиях же классового общества для того, чтобы существовать и быть независимым и сильным, нужно было распространять свое военно-политическое влияние на другие страны. В этом Амир Темура был не одинок. Так поступили до него и после все великие правители: Дарий и Александр Македонский, Юлий Цезарь и Наполеон, Махмуд Газнави и великие Сельджуки, Чингизхан и Батый, Иван Грозный и Петр Первый и др.

Первый поход Амира Темура был направлен против Мелик Гияс ад-Дина Пир Али II, правителя Герата (1370-1381). Зимой 781 г.х (январе-феврале 1380 г.) Амир Темура отправил в Герат Хаджи Сайф ад-Дина и пригласил Гератского правителя на курултай. Мелик Гияс ад-Дин принял посланца Амира Темура с почестями, но задержал его и занялся укреплением Герата и его крепостных сооружений, начал запасаться фуражом и провиантом. Словом, начал готовиться к войне со своим могущественным соседом. Весной 782 г.х. (в апреле 1380 г.) Амир Темура направил в Хорасан с 50 полками (кошуном) эмирзаде Джахангира вместе с эмирами Хаджи

Сайф ад-Дином, Ак-Бугой и другими. Они прошли через Балх и Шеберган и разбили лагерь в Бадгисе, а в феврале 1381 г. выступил на Хорасан сам Амир Темура. Мелик Мухаммад, брат Мелик Гияс ад-Дина Пир Али II, находившийся тогда в крепости Серахса, не оказал сопротивление Амиру Темуру и вручил ему ключи от крепостных ворот. Не встретил сопротивления Амир Темура и в других местах по пути к Герату и разбил лагерь в местечке Джигдалик, расположенном в II фарсах от столицы Хорасана. Однако, осаждать Герат Амир Темура не стал. Как опытный военачальник, он решил сначала отрезать Герат от коммуникации и поэтому главный удар направил на другие укрепления области: на Джам и Кавсия, которые также сдались без боя, лишь Фушендж оказал серьезное сопротивление. Герат же был взят после тяжелых осадных боев. Убитых было много, 2000 человек попали в плен, но Амир Темура велел отпустить всех их до единого. Тогда же были взяты Тус и Келат. На пути в Тус, в мазаре Абу Муслима¹, к Амиру Темуру с выражением покорности явились предводитель хорасанских сарбадаров Али Муайяд и маханский правитель Алибек Джаникурбани. Некоторые историки, исходя из того, что Али Муайяд добровольно передал власть Амиру Темуру в 1381 г., предполагают наличие каких-то близких связей последнего с хорасанскими сарбадарами. Однако, факт этот источники не подтверждают. Из рассказа Шараф ад-Дина Али Йазди явствует, что сарбадаров Сабзеvara уничтожил Мелик Гияс ад-Дин, поэтому укрывавшийся до этого в Тусе или Келате Али Муайяд вынужден был явиться к Амиру Темуру с изъявлением покорности.

В 783 г.х. (1381-82 году) состоялся второй поход Амира Темура на Иран, когда были подчинены Келат, Туршиз, Сабзеvar, (однако Амир Темура вернул его Али Муайяду) и Мазандеран.

785 г.х. (1383 г.) он выступил на Сеистан и подчинил его важнейшие города-крепости: Зирех, Заве, Фарах, Буст и другие.

В 786/1384 году Амир Темура совершил поход на Астрабад,

¹ Абу Муслим (727-755) - предводитель антиомейядского восстания в Хорасане и Маверауннахре (747-749).

Азербайджан и завладел городами Амул, Сари, Султания и Тебриз.

В дальнейшем Амир Темур совершил три больших похода на Иран, Азербайджан, Ирак, Сирию, вошедших в историю как трехлетний, пятилетний и семилетний походы.

Во время третьего похода (1386-88) были взяты Азербайджан и Фарс, совершены рейды на владения Кара Юсуфа туркмена¹, на Гуржистан и Армению (область озера Ван). В этом походе, как пишет Шараф ад-Дин Али Йазди, происходили тяжелые, кровопролитные сражения с большими людскими потерями, разрушениями городов и селений. Амир Темур сдавшихся и добровольно согласившихся уплатить контрибуцию (мал-и аман) городов не трогал, воинов своих в город не пускал, посылал туда только сборщиков дани (мухассилан). Подвергал разграблению и разрушению только оказавших упорные сопротивления города-крепости, при этом, та часть населения, которая сражалась с оружием в руках, подвергалась наказанию, мирных же не трогали. Не трогали и саййидов, ученых, поэтов и ремесленников. Для примера возьмем Исфahan. По словам автора "Зафар-наме", жители Исфahана поддались на подстрекательство некоего Али Кучана, напали ночью на сборщиков дани и гарнизон и вырезали всех до единого. Был истреблен и трехтысячный гарнизон, оставленный Амиром Темуром для защиты города и области. Темур узнал о трагедии в пути на Фарс, остановил поход и повернул войска на Исфahan и в пылу гнева отдал приказ об убиении всех, кто был виновен в этом. Исфahanцы в целях самозащиты взяли за оружие, но были подавлены. Шараф ад-Дин Али Йазди говорит о сооруженной тогда Амиром Темуром башни из 70 тысяч голов убитых. Здесь, на наш взгляд, цифра явно преувеличена.

Пятилетний поход (1392-1396) на Иран был вызван происходившими там волнениями и сепаратистскими устремлениями правителей Мазандерана, Южного Ирана (Музаффаридов), Джалаиридов и правителей Малого и

¹ Кара Юсуф туркмен - второй правитель (1389-1420) из династии Кара-коюнлу, правившая в 1386-1468 гг. Азербайджаном и частью Ирака.

Большого Лура¹. Главным итогом этой компании было искоренение династии Музаффаридов (1314-1396), Джалаиридов и правителей Большого Лура. Что же касается Султана Ахмада, одного из выдающихся представителей Джалаиридов², то он не смог оказать сопротивление и, оставив Багдад, бежал в Египет, где нашел приют у Мамлюков.

Дело в том, что до 1393 года Амир Темур не включал Иран, Ирак и Азербайджан в состав своего государства, и только после 1393 года он сделал это и назначил туда своих наместников.

Семилетний поход Амира Темура на Ближний Восток (1399-1404) и поход на Индию были также тяжелыми и кровопролитными.

Сначала о походе на Индию. Он, на наш взгляд, был беспочвенным, так как особых причин для этого мы не видим. Современные историки объясняют данное событие ослаблением там устоев ислама - якобы мусульман окружают гебры (язычники), а мусульманские правители ничего не делали для распространения и укрепления устоев ислама. Довольствовались они только взиманием налога и податей с населения, а язычникам представили полную свободу действий и, поэтому Амир Темур решил "объявить священную войну против них и усердствовал, чтобы и там возобладали мусульманская религия".

Огромная армия Амира Темура огнем и мечом прошла по всей Индии, искореняя еретичество. Была захвачена и доставлена в Самарканд и Кеш огромная добыча, среди которой было 120 боевых слонов, использовавшихся затем Амир Темуром как в войне, так и на строительной работе.

Семилетняя война кончилась в мухарраме 807 г.х. (в июне 1404 г.) завоеванием Сирии и большей части Турции, налетами армии Амира Темура на Грузию. Самой же крупной победой явилась победа Амира Темура над могущественным

¹ Большой Лур - часть Луристана (одна из западных областей Ирана, расположенная на севере его). Другая часть области (Малый Лур) была расположена на севере-западе ее.

² Султан Ахмад Джалаир - четвертый представитель (1382-1432) из династии Джалаиридов, управлявший в 1336-1432 гг. Ираком и Южным Азербайджаном.

султаном Турции Баязидом Йилдиримом I (1389-1402) под Анкарой на равнине Чибукабад в пятницу 19 зу-л-хиджа 804 г.х. (20 июля 1402 г.). Сражение было ожесточенным и шло с переменным успехом. Но исход битвы решила излюбленная тактика Амира Темура - отвлекающий маневр. Уже было за полдень, и в разгар ожесточенных схваток он послал Мухаммад Султана с отборными полками центра (кул) и резерва на господствовавшую стратегическую высоту, расположенную в середине Чибукабада, занятой стрелками султана Баязида. Мухаммад Султан выбил оттуда стрелков и занял эту высоту, создав тем самым угрозу полкам Баязида. Последний решил выбить с высоты темуридские войска, вернуть эту важную стратегическую высоту и ударил всем центром своего войска. Мухаммад Султан действовал по заранее разработанному плану и не оказал ему особого сопротивления, ибо главная цель была уже достигнута - армия Баязида была расчленена, а фланговые части оказались без резерва. Этим воспользовался Амир Темура и окружил оба фланга турецкой армии. Полки Шахруха и Мираншаха быстро расправились с левым и правым крылом турецкого войска и затем, все вместе, направились на помощь Мухаммад Султану против окружавшего его Баязида. Баязид яростно отбивался, но к закату солнца все было уже кончено. Баязид вынужден был, оставив высоту, отступить по специально образованному войсками Амира Темура коридору, подвергаясь сильному обстрелу с обеих сторон. Спаслись тогда лишь немногие во главе с самим Баязидом. Султан был схвачен и доставлен в стан Амира Темура. Последний обошелся с ним милостиво, даже одарил его дорогой одеждой и другими дарами и, более того, отпустил султана. Баязид умер спустя восемь месяцев в Ак-сараяе 14 шаъбана 805 г.х. (9 марта 1403 г.).

Получив сведение о смерти Баязида, Амир Темура прибыл в Ак-сарай для выражения соболезнования и передал сыну Баязида Мусе управление Турецкой империей.

Амир Темура возвратился в Самарканд в м-це мухаррам 807 г.х. (в июле 1404 г.) и сразу же приступил к подготовке к войне против Китая, правители которого постоянно высту-

пали с притязаниями на сюзеренитет над Маверауннахром. После трехмесячной подготовки, 23 джумада I 807 г.х. (27 ноября 1404 г.) он вышел из Самарканда во главе двухсоттысячного войска, но поход был прерван вследствие смерти Амира Темура, последовавшей в Отраре 17 шаъбана 807 г.х. (18 февраля 1405 г.).

Войны Амира Темура, как и всякие войны, которые вели феодальные властители, принесли бедствия как собственному народу, так и народам завоеванных стран. Многие некогда процветавшие города были превращены в руины. Из покоренных стран военачальники Амира Темура вывезли огромную добычу. В Самарканд, Кеш, Бухару и другие города Маверауннахра были переселены видные ученые, искусные ремесленники и строители. Все это Амир Темура направлял на развитие и укрепление своего государства, созданного его волей, энергией, умением. Заслуживает при этом внимание тот факт, что Амир Темура осуществлял строительство не только в Маверауннахре, в своем особо привилегированном уделе, но пусть и в меньшей степени, и в завоеванных странах. Источники сохранили сведения о восстановлении ряда городов: Багдада, Дербента, Байлакана, Гурганджа и других городов. Войны Амира Темура, да вообще всякая война - явление отрицательное в общественной жизни, ибо причиняют обществу невероятные испытания, большие разрушения и человеческие жертвы. Тем не менее, войны Амира Темура имели и положительные последствия. Они следующие:

1) Как известно, после распада государства Ильханидов (1336)¹, Иран, Азербайджан и Ирак оказались в тисках общественно-политического кризиса, в результате которого до того единая страна оказалась раздробленной на части. Так, например, один только Хорасан был разделен между тремя правителями: сарбадарами, картами и племенными вождями джаникурбани; в Южном Иране выдвинулась местная династия Музаффаридов; над Ираком и Курдистаном свою власть установили Джалаириды; Луристан был подчинен хазараспидами и династией Инджу; Азербайджан был

¹ Государство Ильханидов - монгольское государство, основанное в 1226 году Хулагу-ханом, внуком Чингиз-хана, включавшее Иран, Азербайджан и Ирак и существовавшее в 1256- 1336гг.

захвачен туркменами Кара-коюнлу и т.д. Феодалная раздробленность вызвала межфеодалные войны, наносившие большой урон не только миру и экономике самих стран, но и по связям стран Дальнего Востока, Средней и Центральной Азии со странами средиземноморья и Европы, которые осуществлялись испокон веков по древнему Шелковому пути. Теперь, с ликвидацией феодальной раздробленности на Ближнем и Среднем Востоке, были восстановлены эти столь необходимые для народов мира экономические и культурные связи.

2) Амир Темура в результате военной кампании 1391 и 1395 гг. против Тохтамыша нанес непоправимый удар военно-политической мощи Золотой орды, которая в течение полуторастолетия держала под страхом Россию и Восточную Европу. Разгром Тохтамыша и Золотой орды избавил народы Европы от постоянной тревоги и опасений и значительно приблизил освобождение России от господства монголов.

3) Прогрессивное последствие для Европы и стран Балканского полуострова имел разгром Амиром Темуром могущественного турецкого султана Баязида Йилдирима I под Анкарой 20 июля 1402 г.

Рассуждая о войнах Амира Темура на Среднем и Ближнем Востоке 1381-1404 гг., необходимо иметь ввиду и существовавший тогда военно-политический союз между Золотой ордой и Мамлюкским Египтом. Союз этот оформился еще в самом начале 60-х гг. XIII века при хане Берке (1257-1267) и султানে Малик аз-Захире Бейбарсе I (1260-1277) и упрочился при Бердибеке (с 1357 г.) и небезызвестном Тохтамыше (1376-1395). Как видим из свидетельств арабских историков (Ан-Нувейри, Ибн ал-Дина Бейбарса и др) Золотой орде нужен был Иран и Азербайджан, мамлюкскому Египту-Сирия и Ирак. В 80-х гг. XIV века к этому союзу были втянуты Джалаириды Ирака, Турция и правители Южного Азербайджана из династии Кара-коюнлу.

При оценке войн Амира Темура 1381-1404 гг. необходимо учесть и это обстоятельство.

Амир Тему́р - крупный военный и государственный деятель, покровитель науки и культуры

Амир Тему́р прославился в истории, как выдающийся полководец своего времени. Он создал самую крупную и мощную как в строевом, так и тактическом отношениях армию. Правда, состав и строй ее остались в основном такими же как у древних тюрков, Огуз-хана и Чингиз-хана. В основе своей она была ополченческой и состояла из конницы и пеших воинов, собираемых перед самым началом похода из областей, улусов и туменов. В армии Амира Тему́ра преобладала конница. Сбором и размещением войск на привалах во время марша и перед сражением занимался специальный чиновник-таваджи. В поход каждый воин приводил с собой две лошади, приносил лук со стрелами, пику, саблю, палицу, боевой топор, копье и продовольствие на один месяц, палатку на восемнадцать человек, котел для десятерых, так же пилу, лопату, серп, иглы, кожаный мешок для воды.

Если говорить о боевом строе, то армия Амира Тему́ра состояла из кула (центра), манглая (авангарда), барангара (правый фланг), джавангара (левый фланг), канбула (фланговые охранения) и хираула (арьергарда). Делилась она на десятки, сотни, тысячи и туменов (десять тысяч). По свидетельству источников, Амир Тему́р внес серьезные изменения в боевой строй армии, в ее стратегию и тактику. Они следующие:

1) Изменения были внесены, в основном, в боевой порядок армии. Недостаточен был и резерв. Поэтому очень часто неприятель собирал в кулак мощную силу и прорывался через фланг или центр и получал возможность атаковать сзади или с фланга. Амир Тему́р построил ее теперь из семи кулов (корпусов), обеспечил достаточным резервом как центр, так и фланги, чем и предотвратил возможность прорыва неприятеля через боевой строй или обхода его с фланга.

2) Амир Тему́р вооружил свою армию достаточным количеством специальных установок - "артиллерией",

именуемый манжаник, райд андаз и нафт андаз, стреляющих камнями, древесиной, зажженной нефтью и вообще твердыми предметами. “Артиллерия” использовалась при осадных боях для разрушения крепостных стен и иных оборонительных сооружений неприятеля.

3) Были значительно усилены караульные подразделения, предназначенные охранять ставку и лагерь верховного правителя. Численность их, по сведениям исторических источников, была доведена до двенадцати тысяч человек.

4) Амир Темур создал регулярное войско специального назначения, именуемое в источниках “Сонсиз” (букв. бесчисленное), с общей численностью десять тысяч человек, хорошо обученное и лучше вооруженное. Оно постоянно находилось при верховном правителе и при экстремальных случаях вводилось в сражение.

5) Был организован и другой род войска, который назывался “экинчи” (“землепашцы”), и использовался он во время длительных и дальних походов в сельскохозяйственной работе. Он по пути следования армии обрабатывал пригодные для посева земли, сеял зерно и выращивал овощи, чем способствовал пополнению продовольственного запаса армии.

Здесь же следует сказать, что самим Амиром Темуром твердо было установлено жалованье каждому воину, начиная от рядового и кончая бекларбеги (верховного бека). В “Уложениях Темура” об этом написано: “Жалованье рядового воина, храброго и деятельного, равнялось стоимости его лошади; оклад бахадура (витязя) был равен стоимости двух-четырех лошадей; десятник получал в десять раз больше рядового воина; жалованье сотника было в два раза больше оклада десятника; тысячник получал тройной оклад сотника”. Кроме того, перед сражением воина одаривали подарками (укулка); они получали и часть добычи и, что важно, перед отправлением на войну им оплачивали жалованье за шесть-семь месяцев сразу.

Изменения, которые внес Амир Темур в тактику своей армии, следующие:

1) Перед началом военной кампании основные силы армии были передвинуты к рубежам противной страны.

2) Была усилена и разведка в неприятельском стане, городах и селениях его. В этой работе, помимо специальных разведчиков (хабаргир), использовались дервиши, путешественники, купцы.

3) Амир Темур широко применял блуждающие маневры: засаду и методы “партизанской” войны и др.

Надо сказать, что военное искусство Амира Темура хорошо освещено в сочинениях его современников, специально изучена французским ориенталистом М.Шармуа (см. его работу “Война Тамерлана против хана Улуса Джучи Тохтамышша в 1391 г”., С-Пб., 1836) и русским военным историком генералом М.И.Иваниным. Военному искусству Амира Темура он посвятил, например, специальную книгу (“О военном искусстве монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингиз-хане и Тамерлане”, С-Пб., 1875). Повидимому военное искусство Амира Темура изучали тогда в военных академиях Европы и России.

Амир Темур прославил свое имя как строитель и покровитель науки и культуры. Как известно, в результате феодальной раздробленности и монгольского нашествия 1218-1220 и 1360, 1361, 1365 гг. Маверауннахр и Туркестан оказались разоренными и разрушенными. Многие города, такие, например, как Самарканд, Бенакет, Гургандж и др. лежали в развалинах. Больших разрушений претерпели Бухара, Карши, Кеш и другие. Амир Темур взялся за восстановление городов и разрушенной экономики сразу же после прихода к власти. Так например, в течение 1371-72 гг. были восстановлены стены (протяженностью 7 км.), крепость и другие оборонительные сооружения Самарканда. По приказу Темура в хисаре Самарканда были возведены два великолепных дворца: Кок-сарай и Бустан-сарай, были благоустроены улицы, площади и базары города; восстановлены благотворительные и почитаемые места и усыпальницы мусульманских святых; построены новые мечети и медресе, парки, бани, каравансарай с дворцовыми сооружениями, каналы, рабаты и др. В Самарканде с именем Амира Темура

связаны постройки, воздвигнутые над могилой Улджа-айим, Туглук-текин, Кутлуг Туркан-ага и Ширин-бики, мечеть, ханака и др. в Шах-и зинда; крытый базар (тим) в Чар-су Самарканда, широкая магистральная улица с лавками и мастерскими по обеим сторонам улицы, пересекавшая город с одного края до другой, усыпальница Рухабад, Гур-и эмир, соборная мечеть и медресе Биби-ханум и многие др.

Вокруг Самарканда Амир Темура построил несколько красивых городов-спутников: Миср (Египет), Димишк (Дамаск), Багдад, Султания и Шираз и двенадцать прекрасных садов-парков с великолепными дворцами внутри: Баг-и дилкуша, Баг-и шамал, Баг-и бихишт, Баг-и булди и др.

Амир Темура восстановил и благоустроил и родной Кеш. Были восстановлены, например, стены и крепостные сооружения города, мазары мусульманских святых, мечети и медресе. Самыми крупными постройками Амира Темура в Кеше были знаменитый Ак-сарай (1380-1404) и Дар усаадат (1380), усыпальница царевича Джахангира.

Амир Темура благоустроил также Яссы (Туркестан) и Шаш (Ташкент). Великолепные постройки над могилами ходжа Ахмада Ясави (1041-1167) в Туркестане и Занги-ата под Ташкентом из построек его в этих городах.

По свидетельству современников, он строил и в других странах. Так, например, дважды восстанавливал он Багдад, застроил и укрепил Дербенд, заново построил из камня город Байлакан в Южном Азербайджане, провел каналы и оросил Карабах и Муганскую степь в том же Азербайджане; восстанавливал крепости и каравансарай на пути из Средней Азии в Индию. Шараф ад-Дин Али Йазди говорит, что он оставлял в память о себе что-либо из построек во многих подчиненных ему странах.

Короче говоря, Амир Темура все, что имел под рукой, расходовал на строительство, благоустройство страны. В этой связи уместно привести здесь высказывания двух историков: Доулетшаха Самарканди и А.Ю.Якубовского (1886-1953). Доулетшах Самарканди, например, писал: "Шахрух султан, после овладения Самаркандским престолом (в 1409 году),

посетил Кок-сарай и зашел в казну Амира Темура, однако нашел ее пустой от богатства. И случайно кончиком посоха задел лежавший на полу дирхем. Поднял его, потер о пол халата, поцеловал и, спрятав его в карман, сказал сопровождавшим его мулязимам: "Мы благодаря сему дирхему, стали обладателем отцовской казны и наследства". А.Ю.Якубовский, сравнивая двух выдающихся правителей Востока: Махмуда Газневи (998-1030) и Амира Темура, писал: "Огромные богатства, которые проходили в качестве добычи через руки Махмуда, не оплодотворялись в хозяйственной жизни Газневидского государства. Иное дело - Темур. Он как хороший, расчетливый хозяин, все, имеющее ценность, тянул в Маверауннахр, в центр своего обширного царства, которое он один держал в руках. Сюда он свозил не только разнообразные материальные ценности, но в еще большей мере использовал пленных специалистов-ремесленников, художников, архитекторов, ученых и не потому, что Маверауннахр был беден этими специалистами, а полагая, что чем больше будет приток культурных сил, тем богаче станут ремесла, тем выше будет искусство и наука".

В XIV - XV вв. в Самарканде развивались изобразительное и миниатюрное искусство. Настенные рисунки дворцов Тахт-и карача (Тахт-и Караджар), Баг-и Давлатабад и других садов-парков Амира Темура, также миниатюры рукописного дивана Фирдауси "Шах-наме" и "Анталогии персидских поэтов" (конец XIV в) свидетельствуют о высоком мастерстве Маверауннахрских художников и каллиграфов. История сохранила нам имена некоторых из них: уста Абдулхая, Пир Ахмада Баг-и шамали, Бангира Табризи и др.

В эпоху Амира Темура и Темуридов в городах Маверауннахра и Туркестана получило широкое развитие и прикладное искусство. Золотошвей, чеканщики по золоту, серебру, бронзе и иным металлам и предметам, каменотесы и резчики по дереву и слоновой кости и их творчество были известны далеко за пределами нашей родины. Искусство этих мастеров запечатлено на сооружениях Шах-и-зинда, Гур-и эмир Самарканда, монументальных памятниках Кеша, Бухары, Яссы и других городов Средней Азии. Часть их

сохранилась в музеях наших городов, городов Европы, стран Востока и особенно России.

Амир Темур внес большой вклад в развитие науки (об этом подробно см. главу III настоящего исследования). При нем большое развитие получили богословие, хадисоведение, юриспруденция, математика, астрономия, медицина, история, философия, литература, музыковедение, поэтика и др. науки. До нас дошли, например, имена многих представителей этих наук, а именно: богослова Джамал ад-Дина ал-Хоразми (ум. в 1427-28 гг.), юристов-законоведов Абд ал-Малика, Исам ад-Дина Джазаири (ум. 1389 г.), астронома маулана Ахмада, музыковедов Абд ал-Кадыра Мараги, Сафи ад-Дина и Ардашира Чанги, философов Саъд ад-Дина Тафтазани (ум. в 1389 г.) и Мир Саид Шарифа Джурджани (1339-1413), также знаменитых историков Низам ад-Дина Шами (ум. 1409 г.), Хафиз-и Аbru (ум. 1430 г.), Ибн Арабшаха (1389-1450), Шараф ад-Дина Али Йазди (ум. в 1454 г.) и др.

В заключении хотелось бы сказать следующее. История государства Амира Темура и Темуридов, составляющая 468 лет, не только история Амира Темура и его потомков, но, прежде всего, это история народов Средней и Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока и Индии. Изучение этой истории по-настоящему начинается у нас только теперь, после обретения нашей республикой политической независимости. Правда, в странах Европы и Америки изучение эпохи Амира Темура и Темуридов ведется с XVII века и ни на минуту не прекращалось. Тем не менее, ни личность этого великого человека, ни его жизнь и общественно-политическая деятельность не получили еще должной оценки. Причина тому, как нам представляется, - недостаточное изучение письменных памятников и переписки, которые вел Амир Темур с правителями Италии, Испании, Франции, Англии, Китая и др. стран. В восполнение этого пробела большой вклад должны внести историки суверенного Узбекистана. Это, выражаясь словами уважаемого Президента Республики Узбекистана И.А.Каримова: "Наш долг перед историей и мировым сообществом"¹.

¹ Каримов И.А. Узбекистан на пути углубления экономических реформ, Ташкент, 1995г.

Использованные источники и литература¹

1. Источники

Гияс ад-Дин Али. Дневник похода Темура в Индию. Перев. с перс., предисловие и примечания А.А. Семенова, М. 1958.
Даулетшах Самарканди. Тазкират аш-шуара, ркп. ИВ АН Руз. инв. № 847.

Захир ад-Дин Мухаммад Бабур, Бабур-наме. Перев. со старо-узбекского М.А.Салье, Ташкент. 1958.

Ибн Арабшах. Аджабиб ал-макдур фи тарих-и Таймур. перев. на узбекский язык, введение и комментарии У.Уватова, Ташкент, 1992.

Натанзи Муъин ад-Дин. Мунтахаб ат-таварих. Изд. Ж.Обена, Техран, 1332/ 1957.

[Низам ад-Дин Шами]. Histoire des conquêtes de Tamerlan intitulée Zafarnamah, par Nizamuddin Sami... edit, critique par F.Tauer, t. I-II, Praha 1937, 1956.

Полное собрание русских летописей в 25 томах, С-Пб.-Ленинград, 1848-1949.

[Шараф ад-Дин Али Йазди]. The Zafarnamah by maulana Sharafuddin Ali of Yazd. Edit. by maulavi Jlahdad, vol. I-II, Calcutta, 1887-1888

Руи Гонсалес де Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Темура (1403-1406). Перев. со староиспанского И.С.Мироковой, Москва, 1990.

Абу-л-Фазл Рахимов. Некоторые замечания о взаимоотношениях Темуридов и Хуруфитов в Азербайджане, - "Известия АН Азербайджанской ССР". № 2-3, Баку, 1986, с.69-74, 52-57.

II. Исследования

Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков., Москва, 1956, с.109-148.

Ахмедов Б.А. Из истории взаимоотношений кочевых узбеков с Темуридами, сб. "История стран Востока", Ленинград,

1962 г. с. 79-93.

Ахмедов Б.А. К политической истории Хорезма XV века, ж. "Известия АН УзССР", Ташкент, 1960, с. 45-54.

Ахмедов Б.А. К изучению политической истории Киргизии XV века, ж. "Общественные науки в Узбекистане", Ташкент 1961, № 5, с.29-34.

Ахмедов Б.А. Улугбек и политическая жизнь Маверауннахра первой половины XV века, в кн. "Из истории эпохи Улугбека" Ташкент, 1962, с. 5-66.

Бартольд В.В. Народные движения в Самарканде в 1365 году, Соч. т. II часть 2, Москва 1964, с. 362-379.

Бартольд В.В. О погребении Темура, Соч. т. II, часть 2, Москва, 1964, с. 423-454.

Бартольд В.В. Улугбек и его время, Соч. т. II. часть 2, с. 25-196.

Иванин М.И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингизхане и Тамерлане, С-Пб. 1875.

Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая орда и ее падение, Москва-Ленинград, 1950.

Закиров С. Дипломатические отношения Золотой орды с Египтом, Москва, 1966.

Набиев Р.Н. Из истории политико-экономической жизни Маверауннахра XV века, в сб. "Великий узбекский поэт", Ташкент, 1948, с. 25-49.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен, кн. II, т.3-4. Москва, 1960, с. 396-370.

Умняков И.И. Малоизвестный французский источник о Темуре "Труды СамГУ", вып. 101, Самарканд, с. 173-199.

Умняков И.И. Международные отношения Средней Азии в начале XV века, Отношения Темура с Византией и Францией - "Труды Узбекского государственного университета им. Алишера Навои", новая серия, №61, Самарканд, 1966, с. 180-197.

Якубовский А.Ю. Темур (опыт краткой характеристики) - ж. "Вопросы истории" №8-9, Москва, 1946, с. 42-74.

Aubin J. Comment Tamerlan prendit les villes, - "Studia Islamica",

¹ Здесь и далес они даются по главам.

XIX, Paris, 1963.

Beatrica Forbes Manz. The rise and rule of Tamerlane, Cambridge, 1989.

Bloch E. Les inscriptions de Samarqand, - "Rome archeologique, Paris, 1897, p. 7-10.

Charmoy M. Expedition de Timour-lenk on Tamerlan contree Toqtamiche=khan de l'oulous de Djoutchy en 793 hegire on 1391 de notre ere, - "Memoires de l'Academie Imperiale des sciences de Saint - Petersbourg, SPb, 836, p-89-505.

Jean-Paul Roux. Tamerlan, Paris, 1994

Kehren L. La route de Samarqand au temps de Tamerlan, Paris, 1990. p.23-30.

Kehren L. Tamerlan L, empire du seigneur de Fer, Paris, 1978.

Sayed Jamaluddin. The state under Timur, New dehli, 1995.

Woods J. Timurid dynasty, Bloomington, 1990.

Социально-экономическая жизнь в Маверауннахре времени Амира Темура

Сельское хозяйство и аграрные отношения

Основой великой державы Амира Темура был Маверауннахр, где размещались города и селения с оседлыми жителями, а в соседствующих с культурными оазисами степях и предгорьях проживало кочевое и полукочевое население.

В результате ослабления центральной власти и усиления межфеодалных войн в Маверауннахре к середине XIV в. наблюдается очередной спад экономики. Затормозилось ремесленное производство, ослабли торговые взаимосвязи внутри и между городами, между селениями и городом, с сопредельными и отдаленными странами, с кочевой степью. Пришли в упадок оросительные сооружения, заметно снизился уровень сельскохозяйственного производства. Борьба за власть и феодальные междоусобицы сопровождались порой преднамеренным уничтожением посевов, особенно вокруг осажденного политическим противником города, конным войском вытаптывались молодые всходы на корню, созревшим урожаем на полях кормили лошадей. Алишёр Навои выступал с резким осуждением подобных грабительских действий военных отрядов. “Воины в походе, - это похоже на Гога и Магогга чудовища... Они чужие страны грабят и всё съедают, нивы от них словно от саранчи погибают. Человечность им чужда... Они без раздумья идут в любую страну... В зверстве они хуже всех созданий, в хищности хищнее всех зверей”.

С приходом к власти Амира Темура и созданием централизованного государства усиливается стремление к возрождению сельского хозяйства. Амир Темура и отдельные его преемники, в том числе Улугбек, принимали ряд мер для ограждения полей земледельцев от вытаптывания и

разорения во время прохождения через их поля и селения конных ополчений. Историки сообщают, например, о распоряжениях Амира Темура, согласно которым запрещалось предводителям войск устанавливать палатки и шатры рядом с посевными площадями, дабы тем самым уберечь урожай. Однако, в отдельных случаях, при отсутствии фуража, молодые всходы и даже готовый урожай могли быть использованы для корма лошадям и скоту. Один из таких случаев описывает испанский посол Руи Гонсалес де Клавихо: “Государь приказал, чтобы стравили (на корм) посеянные хлеба. А когда проходило войско, идущее за ним, то разграбило всё, что встретило на своем пути”.

Академик В.В.Бартольд так характеризовал противоречивую деятельность Амира Темура. “Темур был в одно и то же время беспощадным разрушителем и ревностным строителем: им воздвигались величественные постройки с великолепными садами, восстанавливались города и селения, устраивались и исправлялись оросительные системы. По выражению официальной истории, он не допускал, чтобы пропадали даром участки земли, где вообще была возможна культура”. Эту политику пытались продолжить его сын Шахрух и внук Улугбек. Абд ар-Раззак Самарканди приводит неоднократные указания представителей и властей, рекомендующие оберегать землевладельцев-дежкан от насилия и несправедливостей со стороны чиновников и военачальников.

Принимая меры к возрождению и развитию земледелия, Амир Темур хорошо понимал, что повседневная жизнь населения Средней Азии была тесно связана с искусственным орошением. По распоряжению Амира Темура было прорыто много каналов через город Самарканд и новые загородные сады, а также осуществлены работы, направленные на орошение земель Ангорского и других туманов. Значительные работы были проведены, по его указанию, в долине Мургаба. Заметную роль сыграло прорытие горного участка Иски-Ангорского канала. С деятельностью Темура было связано проведение оросительных мероприятий и в других регионах. Гийас ад-Дин Али сообщает, например, что при возвращении

из похода в Индию, Амир Темура остановился в Кабуле и провел “ночное время у устья Джу-и нау, который называют Бадам. Этот Бадам представляет собой большой канал, который был прорыт благодаря ханского усердия”. Значительно было улучшено снабжение проточной водой самого города Самарканда, как и Шахрисабза, где почти во всех дворах имелась проточная вода.

В отдаленных от текущих рек местах орошение осуществлялось с помощью кяризов. Часть садов и огородов получала воду из колодцев, как это было издревле, например, в Несефе (Карши), где умело использовали также и атмосферную влагу. В одном из сочинений сообщается о том, как бережно и расчетливо использовалась проточная вода, которой пользовались ташкентцы.

Земледелие. В плодородных долинах Маверауннахра высевались разные виды зерновых культур, основное место среди которых занимала пшеница. В зависимости от географического положения и времени года сеяли разные ее сорта: гандум-и оби (поливная пшеница), гандум-и сафидча (белая пшеница), гандум-и сурхаки бахори (весенняя красная пшеница), уштур дандон или туя тиши (верблюжий зуб), отличавшийся длинными крупными зернами. В горных районах сеяли морозоустойчивый сорт пшеницы.

Основным земледельческим районом Маверауннахра всегда оставалась Зарафшанская долина. Несколько уступала ей долина Кашкадарьи. Здесь из-за климатических условий плоды созревали раньше, чем в других областях, и обычно доставлялись в более северные города. Зерновые культуры высевались и в окрестностях Ходжента, но своего хлеба здесь не хватало и привозили его из Ферганы, где “производилось много зерна”. Возделанными полями отличались прилегающие к Шашу (Ташкенту) районы. Дешевым был хлеб в области Чаганиан. Письменные источники сообщают о хороших урожаях в Карши. “Хлеба и дыни (здесь) хороши”, - замечает один из авторов. В Сурхандарье одним из основных районов, где возделывались зерновые культуры, был Термез. Отсюда по Амударье пшеница поставлялась в Хорезм.

Наибольшие урожаи в Хорезме давала изменчивость к югу

от Вазира. Здесь, как и в отдельных районах Ферганы, культивировалась джугара, которая позже стала известна под названием кокан-джугара, а также кукуруза. Часть земель занимали посевы люцерны.

Культивировали также ячмень и просо. Три вида зерновых: пшеница, ячмень и просто, - согласно вакфным документам, в качестве довольствия выдавались преподавателям, студентам и обслуживающему персоналу вакфных учреждений. Зерно трех видов в количестве 24 манов по большому самаркандскому весу получал, например, муджавир-попечитель мавзолея Ишрат-хана, согласно вакфной грамоты 1464 г. Бедняки из ячменя и проса в чистом виде и с разными примесями пекли лепешки. Просо, которое в вареном виде ели, примешав в кислое молоко, сеялось и полукочевым населением. Повсеместными были бобовые растения - маш и горох.

Из распространенных культур в Средней Азии был рис, которого, как отметил современник Амира Темура, было "невероятно много" в окрестностях Самарканда. Из технических культур важное место в Маверауннахре при Амуре Темуре и Темуридах занимал хлопок. Историки отмечают, что он высевался на землях рядом с Самаркандом, вокруг Балха, на поливных землях Шахрисабза и других районах. О повсеместном распространении посевов хлопчатника косвенно свидетельствуют прежде всего выделка тканей из хлопка в селах и большинстве городов Маверауннахра, а так же специализация значительной части ремесленников на изготовлении разного вида хлопчатобумажных тканей. Часть этих материй даже сельчанами ткалась не только для удовлетворения нужд семьи, но и в целях продажи среди широкого круга потребителей-горожан и жителей степей. О распространении хлопчатника свидетельствует также наличие в крупных городах специальных складов для хранения и продажи хлопка, доставлявшегося с окрестностей города и близлежащих селений. Амир Темур содействовал распространению в Маверауннахре некоторых новых видов растений. Вероятно, впервые именно при Амуре Темуре появились посевы конопли и льна. Как явствует из сооб-

щения Руи Гонсалеса де Клавихо, коноплю и лен стали сеять в Маверауннахре в результате походов Амира Темура. Этих культур “ранее никогда не было в этой земле”, - пишет Клавихо. Туговые насаждения (шелковица) предназначались, в основном, для разведения и кормления шелколичных червей. Плоды этого дерева использовались в пищу как в свежем, так (в зимнее время) и в сушеном виде. Шелковица рассаживалась обычно на полях вдоль оросительных каналов. Шелк-сырец поставлялся в основном в город, где из него ткали разные виды тканей. В Самарканде и Бухаре были торговые места и лавки для продажи коконов, шелка-сырца. Культивировались растения, из которых изготовляли краски, в том числе марена (руйинас, руйан), использовавшаяся для получения красной и желтой красок. Хна применялась не только в косметике, но и имела промышленное значение и добавлялась при изготовлении чернил, а также для придания соответствующего оттенка бумаге. Хна имела применение и как лекарственное средство.

Ценная краска кермес (кирмиз), использовавшаяся для окрашивания самаркандского бархата и других тканей и писчей бумаги, возможно, также добывалась в Средней Азии. Она получалась из тел бескрылых самок червеца кошенили, который жил и питался на кошенильном кактусе. Родиной этого вида кактуса считаются тропические страны, и краситель этот привозился издалека. Согласно же сообщению более позднего источника, в Бухаре “одна дорогая краска, называемая кермес, родится из одного небольшого дерева в степи из червей”. Некоторые виды ароматических и лекарственных средств, продававшихся на городских базарах, доставлялись из самих Маверауннахрских земель, другие привозились из зарубежных стран. Значительную площадь занимали сады и виноградники; разнообразные сорта яблок, груш, гранат, персиков, орехов, произраставшие в садах, упоминаются авторами многих сочинений. Плотной стеной окружали сады города Самарканд, Ташкент, Шахрисабз, Термез и другие. Зайн ад-Дин Васифи восторженно говорит о прелестях цветов и деревьев, растущих в садах Ташкента.

Великолепные сады с водоемами и аллеями, обсажен-

ные тенистыми деревьями, пересекавшиеся журчащими ручьями, служили местом отдыха аристократической части населения. Здесь произрастали посаженные по специально разработанному плану плодовые и декоративные деревья, было множество цветников. Средневековыми авторами упоминаются цитрусовые. В разбитом по приказу Амира Темура саду росли, например, лимоны, которые, как показывает конкретный материал, культивировались и в другие времена. Так, спустя полтора столетия Бадр ад-Дин Кашмири также сообщал, что в Бухаре в местности Джуйбар росли лимоны, хурма и самшитовые деревья. В Маверауннахре выращивались различные сорта винограда. Подъезжая к Самарканду, Клавихо был поражен садами и виноградниками, окружавшими столицу государства Амира Темура. “Столько этих садов и виноградников, что, когда подъезжаешь к городу, то видишь точно лес из высоких деревьев и посреди его самый город”.

Виноградарство было развито и в других местностях, в том же Ташкенте, Андижане и др. Культивировались разные сорта в том числе сахиби, причислявшийся тогда к лучшим самаркандским и ташкентским сортам. Развито было виноделие: вина выдвельвались разной крепости, наилучшим среди них считалось бухарское. На пиршествах и торжественных приёмах, организовывающихся Амиром Темуrom, подавались вина разных сортов.

Считая, что Самарканд должен занять первенствующее место среди других городов, Амир Темур распорядился построить поселения, которые именовались названиями известнейших городов мира: Миср, Багдад, Султания, Шираз и др. Возникли также огромные сады-парки размером около одного квадратного километра. В них были посажены разнообразные деревья, разбиты цветники. Умело были подобраны растения в саду Баги майдан, получившем известность особенно при Улугбеке.

Разбивка, по приказу Амира Темура, подобных садов была связана не только с желанием создать место отдыха и увеселений, особенно после продолжительных военных походов. Их возникновение было обусловлено и причинами

политического характера. Здесь организовывались приёмы послов, прибывших из разных стран, которые при возвращении на родину распространили бы вести о красоте и могуществе империи Амира Темура.

Появление новых садов сопровождалось культивированием разных, в том числе до того не высевавшихся видов растений, расширением специализации и навыков по планировке садовых участков крупных размеров и многим другим, что положительно влияло на экономическое положение страны. Построенные по распоряжению Амира Темура селения и сады вокруг Самарканда усилили роль столицы государства, как центра экономических и политических связей с прилегающими к нему местностями и зарубежными странами.

Большая роль в сельском хозяйстве принадлежала бахчевым культурам: особое место среди них занимали дыни, которые считались самыми лучшими и самыми урожайными во всем мире. “Нигде в Маверауннахре не бывает так много дынь и таких отличных, как в Бухаре”, - писал несколько позже Бабур. Возможно, с именем Амира Темура было связано культивирование сорта дыни, называемого “мир-и Темури”, который считался вкуснее бухарских. “В области Ферганы в Ахси есть сорт дыни, называемый мир-и Темури, который слаще и нежнее бухарских”, - отмечает Бабур. Великолепны были и хорезмские дыни, особенно сорт кук-тарнай.

Животноводство. Самым развитым в Маверауннахре было овцеводство, в основном, каракульных и курдючных пород. Полукочевая часть населения владела огромным количеством баранов. Сравнительно большое число баранов принадлежало и оседлым жителям. Потомку Амира Темура Бадиъ аз-Заман-мирзе Зуннун аргун в одно подношение преподнёс 40 тысяч овец. При защите крепости Андижан ходжа маулана Кази раздал тем, кто защищал крепость и их близким 18 тысяч овец.

Породистый состав овец был разнообразным. Расширение региона выпаса одной из этих пород, возможно, было связано с походами Амира Темура. Такой вывод можно сделать на основании того факта, что овцы, близ-

кие к хисарским мясным породам, разводились некогда в Поволжье, в Булгарах и в золотоордынском Сарае. Их относят к породе курдючных овец. Значительное место отводилось в хозяйстве коневодству. Разводились лошади разных пород, в том числе “узбекские”, “туркменские”, “арабские” и другие, а также “иноходцы”, которые у них (среднеазиатских народов) очень в цене”. “Кони в этой земле славятся своей выносливостью”, - писал Клавихо.

Лошади широко использовались в войсках Амира Темура и Темуридов как средство передвижения и боя. Многочисленная конница составляла главный род войск темуровской армии. При атаке в конном строю она обладала большой маневренностью и стремительной ударной силой. Согласно “Уложению Темура”, соответственно стоимости лошади определялось жалование солдат и военачальников армии.

Лошади, приспособленные к быстрому бегу, использовались в государстве Амира Темура и для оповещения. К ним на каждой станции были приставлены люди, которые присматривали и ухаживали за ними, а “называются они анчо (ямчин)”, - писал Клавихо. В дальнейшем это слово распространилось в форме “ямчи”, “ямщик”. Лошадей, в основном, поставляло кочевое и полукочевое население. Но многие представители осёдлых жителей также имели большое количество лошадей. Принадлежавшие лично Амиру Темуру табуны отдавались им для присмотра отдельным эмирам, “кому тысячу, кому десять тысяч лошадей”. К примеру, одному из эмиров на время своего отсутствия Темура передал три тысячи лошадей. Возлагая на своих приближенных такую обязанность, он строго следил за тем, чтобы лошади были целы и хорошо ухожены. Мясо и молоко лошадей широко использовались жителями Средней Азии для питания. Кобылье молоко применялось для изготовления приятного, особенно в жаркую пору, напитка-кумыс. Лошадиное мясо было одним из важных продуктов питания. Из него готовили разные блюда: вместе с головой целиком, цельные лошадиные окорока “от самой спины, но без костей”..., лошадиные почки, кушанья, приготовленные из соленого мяса.

Для перевозки грузов применялись и верблюды. Они использовались и в военных походах. В индийском походе Амир Темур победил мощное войско противника, используя против боевых слонов верблюдов с горящим хвостом на спине. Животноводство давало мясо, сало, молоко, шерсть и шкуры. Наиболее значительное место оно занимало у полукочевой части населения.

Определенное место в жизни общества, и особенно в среде правящей знати, занимала охота. Амир Темур, Мирзо Улугбек и другие представители правящей династии увлекались охотой. Для них это было отдыхом в периоды перерывов между военными походами и в часы, свободные от государственных дел. С ловчими птицами, со сворой охотничьих собак, в окружении пышной свиты выезжали они на охоту. Специальные кийикчи охраняли в охотничьих угодьях зверей и птиц, предназначавшихся для царской охоты. Для охоты на водную дичь лучшим из Самаркандских туманов считался Афарицентский. Существовали специальные отряды людей, которые обязаны были окружить соответствующую территорию и, постепенно сужая круг за кругом, загонять туда животных.

Земельная собственность. В экономике страны основной социальной опорой Амира Темура и Темуридов были крупные землевладельцы. По форме владения земля делилась на несколько категорий: государственную, мульковую и вакфную. При Амуре Темуре и Темуридах сохранялись и общинные земли. В особую категорию можно выделить также условные земельные пожалования.

Одну из категорий феодального землевладения составляли государственные земли. Доходы с них шли, главным образом, на содержание государственного аппарата и войска. Эти земли служили также основным источником вознаграждения членов правящей династии и эмиров за несение ими службы государю, главным образом военную, участие в военных походах и покорение мятежных феодалов, за охрану границ.

При Амуре Темуре и Темуридах широкое распространение получила одна из форм передачи в лен государст-

венных земель-суюргал. Возможно, на правах суюргала владели областью Кеш (Шахрисабз) предки самого Амира Темура. Это мнение возникает при анализе текста сообщения одного из историков, согласно которому, “счастлирое рождение его величества, обладателя двух счастливых звезд Амира Темура курагана имело место в Кеше и предки его владели сей областью по наследству”. Суюргал буквально означает - милость, пожалование земли, льгота, и является одним из видов пожалования земли, обусловленное несением военной службы. Владелец суюргала, как ранее и владелец икта, пользовался налоговым иммунитетом, взымал подати с суюргальных владений в свою пользу. В отличие от иктадара владелец суюргала обладал административно-судебным иммунитетом. Позже суюргал, как правило, стал подразумевать наследственность.

Институт суюргал существовал и до Амира Темура. При Амуре Темуре суюргал нашёл дальнейшее развитие. В одних и тех же руках сосредоточивалось владение земледельческим округом и кочевой степью. Вследствие этого, одно и то же лицо могло иметь власть как над оседлым, так и над полуоседлым и кочевым населением.

В результате завоевательных войн под власть Амира Темура перешла огромная территория. Захваченные области Амир Темур передавал в управление на правах условного пожалования-суюргала своим сыновьям и внукам. Право налогового иммунитета при этом обуславливалось обязательной военной и государственной службой, что в силу огромного авторитета и власти Амира Темура при его жизни неизменно выполнялось.

Сам Амир Темур не предусматривал обязательную передачу суюргального владения по наследству. Однако, в дальнейшем, суюргальная система, сопровождавшаяся правом владельца назначать и административных лиц, привела к распаду государства Темуридов на мелкие владения. Суюргал мог предоставляться и отдельным эмирам - не родичам Темура. Они преимущественно были из рода чагатаев, реже - из прежних крупных владельцев, без сопротивления покорившихся ему.

При Амуре Темуре, как и позже слово суюргал использовалось и в значении пожалования вообще. После смерти Амира Темура Шахрух (1405-1447) раздавал уделы не только своим сыновьям и племянникам. Он широко практиковал пожалование земель военачальникам, особенно из числа имевших большой авторитет при его отце, что, между прочим, значительно повлияло на укрепление его позиций как верховного правителя. Улутбек, как фактический правитель Маверауннахра, передал своему сыну Абд ал-Латифу в качестве суюргала область Балх; Шах Малику, бывшему опекуну Улутбека, был передан в суюргал Хорезм.

Почти всегда передача в суюргал сопровождалась наказом: использовать доходы от суюргальных владений на поддержание порядка во владении.

После Амира Темура обычным правилом для института суюргал становится административно-налоговый иммунитет и наследственный характер держания. В то же время верховный правитель мог по своему усмотрению перемещать владельца суюргала из одной области в другую. Однако это практиковалось лишь сильными государями, каким, например, был Амир Темур. Улутбеку, например, до того, как он получил Маверауннахр, поочередно дважды был выделен суюргал в разных областях государства.

Отдельные держатели суюргалов владели одновременно и тарханскими грамотами. В подобных случаях эти лица получали дополнительные привилегии. Как известно, тарханские грамоты освобождали владельца земли от уплаты государственных налогов, им до девяти раз прощались их проступки и представлялся свободный доступ к государю. Большие льготы, предоставлявшиеся тарханам, привели в дальнейшем к обогащению и усилению этого слоя аристократической части населения. Некоторые из них стали иметь военные отряды, состоящие порой из несколько тысяч человек. Часть их была связана родственными узами с правящей династией и играла, особенно в конце XV в., решающую роль в политической жизни Маверауннахра. Почетное звание тархан в отдельных случаях присваивалось купцам и не только среднеазиатским. Тарханские привилегии

могли выдаваться и иноземным купцам. Так, согласно документа (нишана) из сборника копий документов и образцов для их составления - "Мактубат ва аснад", ходжа Ильяс Челеби, прибывший из Турции, освобождался от сборов тамги и обязанностей выполнять улаг в период его деятельности и пребывания на территории Маверауннахра. В конечном итоге передача государственных земель в условное владение-суюргал и распространение иммунитета тарханства вели к сокращению доходов казны и децентрализации государства. Попытка отдельных Темуридов пресечь этот процесс успеха не имели.

Ещё одно пожалование - это тиул, буквально "доставшийся", подразумевало предоставление, в основном за военную службу, доходов с определенного участка земли на временное пользование. О тиулах "тюрок", в значении доходов с земли, выделенных военачальникам, в данном случае, предводителям ополчений из тюрок, сообщает Абдар-Раззак Самарканди. Вместе с завоевательными походами Амира Темура тиул распространился в Иране и в странах Закавказья.

Определенная часть земли при Амуре Темуре и позже принадлежала вакфам. Вакфные земли образовывались в результате пожертвований в пользу религиозных, благотворительных, учебных и других заведений. Теоретически они считались неприкосновенными, хотя практически это положение соблюдалось далеко не всегда. Налоговые сборы с вакфных земель обычно отдавались на откуп. Откупщик, согласно заключенному с распорядителем вакфного имения-мутаваллием договору, получал на определенный срок право на сбор налога с данной земли. Имеющиеся в вакфных грамотах предупреждения о запрещении передачи вакфного имущества в аренду тем лицам, из рук которых трудно получить определенную сумму, а также представителям, обладающим властью, говорят о наличии случаев присвоения откупщиками доходов, собранных с вакфного имущества. Следует при этом отметить: были и такие случаи, когда мутаваллии тоже злоупотребляли своим положением. Представляет интерес вакфная грамота Ишрат-хана (1464г.),

согласно которому в вакф, в пользу гробницы Хавенд Султан-беки, дочери Абу Саида (1451-1469), были переданы половина селения Сарай Малик с прилегающими к нему землями, а также 32 раба, 20 пар волов, использовавшихся для обработки полей, 12 верблюдов и другие. Распорядителем - мутаваллием данного вакфного хозяйства становилась, согласно "Вакф-наме", сама Хавенд Султан-бека. По условиям вакфной грамоты, 32 человека - "рабов и рабынь" ..., отныне будут "некоторые заняты землепашеством в этом селении, а некоторые другие - в этом купольном здании (Ишрат-хана Р.М.) заняты подметанием, расстилкою (подстилок) и поварским делом". Полученное с вакфных земель зерно должно было расходоваться на нужды вакфного объекта, а что от этого останется, выдаваться "каждому семейному рабу и рабыне по истечении года" в виде указанной в условиях вакфной грамоты денежной суммы и 24 манов по большому самаркандскому весу зерна трех видов - пшеницы, ячменя и проса. А каждому одиночке по истечении года предусматривалась выдача денег... (указывается сумма) и 12 манов зерна упомянутых трёх видов". Согласно цитированной вакфной грамоте, обработка переданных в вакф земель, в данном случае возлагалась на рабов, завещанных по вакфу вместе с рабочим скотом. В основном же вакфные земли, вернее сбор налогов с них, сдавались арендаторам на условиях аренды сроком не более трёх лет. Последнее основано на указании шариата, согласно которому земли, обрабатываемые кем-либо на протяжении свыше трёх лет могли перейти в его собственность. Надо сказать, что роль суннитского духовенства (в XV в.) была довольно велика, так что на захват вакфных имений решались лишь отдельные представители знати, занимавшие высокие посты в государстве. При этом захват они производили не в открытую, а под видом аренды, в конечном итоге часть вакфного имущества всё же могла оказаться в руках другого более могущественного владельца.

Крестьяне составляли основную часть населения страны. Как и все податное население, в целом, они определялись термином рабийат, подразделяясь, однако, в имущественном отношении на разные социальные слои: каранде, мутааллик,

милкдар и другие. Обработка земли на основе издольной аренды служила для большинства из них основным источником дохода. На более обеспеченную часть землевладельцев распространялось определение “дежкан”. По словам Абд ар-Раззака Самарканди, во времена Улугбека благоустройство страны и благополучие людей держалось на дежканах. Действительно, основу общества того времени составляли землевладельцы-дежкане. Такое мнение высказывал позже и Алишер Навои. Благодаря дежканам, говорил он, “благоустроен мир, благодаря им люди могут устраивать пир”, за счет их доходов пополняется царская сокровищница драгоценными камнями, золотом и серебром.

Согласно Навои, часть крестьян зарабатывала средства путем обработки земли и уборки урожая с земельных угодий землевладельцев, были и такие из среды беднейших жителей сел, которые вынуждены были подбирать оставшиеся на поле колосья.

Культурные оазисы Маверауннахра соседствовали с кочевой степью. Издревле оседлое население входило в контакт с кочевыми и полукочевыми народами, что способствовало их экономическому и этнокультурному взаимовлиянию.

Часть земель, находившихся под властью Амира Темура и Темуридов, была населена кочевниками-скотоводами. Наиболее влиятельными среди них в период правления Амира Темура были “чагатаи”. Они занимали привилегированное положение, составляя его основную военную опору. Молодые мужчины-чагатайцы, согласно характеристике современников, были храбрыми воинами, прекрасно владеющими луком и стрелами. Полукочевое хозяйство занимало в обществе определенное место. Оно поставляло стране скот, лошадей, масло, кислое молоко, мясо, шерсть, кошмы, шкуры и т.п. Специфика хозяйства требовала от полукочевников в течение года смены сезонных пастбищ, мест обитания их в местностях с соответствующими условиями и пастбищными ресурсами. В связи с этим в период сезонных перекочевок и стоянок на пастбищах часть полукочевников занималась земледелием, население сочетала его со скотоводством. Сеяли они, в основном, просо.

Среди кочевого и полукочевого населения развиты были некоторые виды ремесел, особенно выделка паласов и валяние войлока, обработка шкур. Занимались они овцеводством, коневодством и верблюдоводством. Главное их богатство составлял скот, в основном, овцы. Относительно одного из племен, которое размещалось приблизительно в четырёхстах длинных “из чёрной ткани” (вероятно, войлочных) юртах, Клавихо сообщает: “У них много стад баранов, овец и коров, кроме этого, они водят за собой около двенадцати тысяч верблюдов”. В другом месте своего дневника испанский посол отмечает: “А скота у них много: баранов, верблюдов и лошадей; коров мало”. За право пользоваться землей и пасти на ней свой скот кочевое население должно было отдавать государству определенное количество скота в качестве налога, установленного центральной властью. Так, скотоводы упомянутых четырёхсот юрт обязаны были сдавать ежегодно в казну государя три тысячи верблюдов и 15 тысяч баранов. При подъезде к р. Теджен “виднелось множество возделанных полей, пересекаемых рекой”, много шатров чагатаев из царского войска. В этой долине было много скота, достаточно травы и они вели свой скот заклеянным. Было много скота, верблюдов и лошадей”. Основу мясной пищи оседлого населения Маверауннахра составлял скот полукочевников, хотя уже как отмечалось выше, скотоводство в определённой степени было развито и у оседлых жителей. Полукочевое население не было единым в социальном отношении. Особыми привилегиями пользовалась часть так называемых “чагатаев”, являвшихся решающей силой на войне. Они могли свободно передвигаться по пастбищам, были освобождены от податей и сборов.

Часть племён, кочующих на землях, подвластных Амиру Темуру, входила в состав его войска. По первому же его зову они обязаны были прибыть в назначенное место и участвовать в войне. Хотя считалось, что за военную службу они освобождались от налоговых сборов, в действительности же рядовые кочевники выполняли ряд обязанностей. К примеру, “а когда случалось проезжать по пустынной местности, их заставляли таскать шатры, доставлять...” соответственно

приказу соответствующих должностных лиц, едущим ко двору Амира Темура послам “еду и корм (для лошадей) и воду за их счет, хотя им и было трудно”. Кочевники шли в поход обычно со своим скарбом, стадами, женами и детьми. “...Все, что у них есть, они берут с собой, когда идут на войну или переходят с места на место”. Как отмечали современники, рядовые кочевники снабжали войско в пути баранами, верблюдами и лошадьми.

Характеризуя племена, с которыми Амир Темур “совершил великие дела и выиграл много сражений,...” Клавихо замечает: “Они народ трудолюбивый и (хорошие) наездники, стрелки из лука и храбрые воины. Если есть обильная еда, они едят, а если нет, то обходятся (только) молоком и мясом без хлеба. Холод, зной, голод и жажду они переносят легче, чем какой-либо другой народ в мире”. “И вместе с этой его Амира Темура ордой всегда кочуют мясники и повара, торгующие жареным и варёным мясом, и другие люди, продающие ячмень и плоды, и пекари, разжигающие свои печи, замешивающие и продающие хлеб. Всевозможных умельцев и мастеров можно найти в его (Темуре) орде, и все распределены по определенным улицам”.

Вместе с Темуром передвигались должностные лица. С войском передвигались также бани и “специальные лица, устраивающие помещения для железных бань с котлами внутри, в которых грели воду”.

На стоянках организовывалась купля-продажа. Шатры стояли близко друг от друга. “Посланников провели по улицам, где продавались разные вещи, необходимые для людей из войска (собирающихся) в поход”, - писал Клавихо. Уместны следующие слова Алишера Навои: “Войска имеют барышников своих, которые дешево берут и дорого перепродают добычу их. Они извлекают барыш из солдатского везения, как чиновники получают добычу от населения”.

Амир Темур придавал большое значение сельскому хозяйству. Он расценивал его не только как источник повседневных доходов государства. Продукты сельского хозяйства были необходимы и для снабжения войска. В этом отношении характерным примером являются сведения о распоряжении

Амира Темура по расширению посевных площадей в восточных от Маверауннахра районах. Вспомним, что в конце своей жизни, готовясь к походу на Китай, он приказал засеять целинные земли вдоль дорог, по которым должна была передвигаться его армия.

Горное дело

Недра Маверауннахра содержали железо, медь, каменный уголь и другие металлы. Залежи железа, меди, свинца, бирюзы находились, например, в горах близ Ташкента. Некогда здесь действовали серебряные рудники и добывалось золото. Но постепенно часть залежей иссякла, другая была покинута в годы неурядиц. По грамоте о передаче в суюргал рудников Ташкентского удела, составленной в 1540 г. Зайн ад-Дином Васифи, находившиеся здесь рудники бирюзы и железа названы “действующими”. Надо полагать, что они функционировали и ранее, при Амуре Темуре и Темуридах.

Между тем, уже в 40-е годы XVII в. Махмуд ибн Вали информирует, что в Ташкентской области “в горах имеются рудники бирюзы, железа и олова, но (ныни) они не разрабатываются”. Примечательно, что такая же картина наблюдалась и в других областях. По свидетельству того же автора, “в стране Хутгалан, известной ныне (под названием) Кулаб, в горах указывают ещё месторождения золота, серебра, олова, железа, меди и других металлов, однако (ныне) они не разрабатываются”. “Из самых важных налогов той области, выплачиваемых податным населением, является золото, потому что оплата налогов с нескольких деревень и селений производится в таком виде”.

В горах Ферганы были рудники золота и серебра. Здесь же добывались медь, нефть, ляпис-лазурь, ртуть, свинец, нашатырь, купорос.

Металл, камень, особая глина и т.п. широко использовались для изготовления разнообразных предметов домашнего обихода. В письменных источниках встречаются сведения о драгоценных камнях и их добыче в горах Маве-

рауннахра. Считалось, что Амиру Темуру принадлежали все рудники на территории государства. Часть драгоценных камней, которыми были украшены костюмы Амира Темура и его жён, о чём сообщают их современники, надо думать, была местного происхождения. В Бадахшане добывался особый сорт рубина (лаъл), известный во всём мусульманском мире. Недалеко отсюда располагались также горы, где находили лазурь. Здесь же в скалах добывали и сапфиры. Разработка копий и обработка камня производились вручную. Со слов местных правителей, управляющих копиями в Бадахшане и на реке Кукча, на верхнем течении притока Амударьи, Клавихо описывает добычу рубинов: “Находят залежи, отбивают кусок горы, берут породу, в которой они находятся, отбивают её понемногу долотом, пока не окажется на поверхности сам (рубин), а потом на точильных камнях (их) отделяют”.

Амир Темур наказывал строго следить за добычей камней. Специальная “большая стража” наблюдала за работой горняков. К изнурительному труду рудокопов привлекался, конечно, и труд рабов, хотя конкретных фактов об этом для данного периода у нас нет. В монументальном строительстве широко использовался мрамор. Здания Самарканда, пишет Махмуд ибн Вали, “в большей части из мрамора, месторождение которого тоже находится в Самаркандской области. Из него же изготовлялись надгробные плиты, испещрённые надписями и растительным орнаментом. В числе товаров, вывозившихся из Самарканда, письменные источники называют “зеленый мрамор”. В Самаркандской области разрабатывались также сурьма, гипс, ганч. “Между Самаркандом и Кешом находятся горы, называемые Итмак-дабани, весь камень для строек привозят с этих гор”, - пишет Бабур.

Далеко за пределами Кешской области славилась розоватого цвета кешская соль. Эта соль, “столь прозрачна и блестяща, что оттеняет даже хрусталь и яшму”.

Города. Ремесла.

В политических и экономических отношениях особое место в государстве Амира Темура занимал, как уже сказано выше, Маверауннахр. Здесь располагались основные центры ремесла и торговли, процветанию которых при Амуре Темуре и позже - Мирзе Улугбеке, уделялось большое внимание. Пристальное внимание Темуру направил главным образом на благоустройство двух городов - Самарканда и Кеша.

Кеш занимал важное место не только в экономике, но и в сердце Темура, любившего город, расположенный недалеко от его родного кишлака. Великолепные постройки, возведенные в городе по распоряжению Амира Темура, строились совместными силами как местных, так и доставленных сюда из других стран мастеров. Известно, например, что сюда из Ургенча (Куня-Ургенча) привезена была группа мастеров строителей, архитекторов и тех, кто украшал стены монументальных зданий разноцветной облицовкой. В результате сочетания труда кешских и прибывших сюда мастеров из других краев, за короткий срок, к концу XIV в., Кеш превратился в один из красивейших городов Востока. Мастерство строителей, работавших по возведению в Кеше дворца Аксарай, было высоко оценено посланником испанского короля, до того видевшего великолепные дворцы в европейских городах. По его мнению, "(здесь вся) отделка выполнена золотом, лазурью и другими разными цветами, достойными удивления в Париже, где также были искусные мастера. Эта работа (и у них) считалась бы прекрасной". Возведение величественных построек способствовало развитию в Кеше строительных ремёсел, разработке сырьевых ресурсов. Появились новые торговые помещения и рынки. Всё это, в свою очередь, в определённой степени оказало влияние на расширение экономических связей Кеша с другими центрами Средней Азии. В городе было много зелени и по этой причине он стал позже известен под названием Шахрисабз (Зеленый город). "Степи (вокруг) Кеша и самый город, его крыши и стены, - пишет Захир ад-Дин Мухаммад Бабур, - покрыты красивой зеленью, поэтому его также называют Шахрисабз".

В результате за городом Кеш постепенно закрепилось новое название - Шахрисабз. “Благодаря обилию зелени и ослепляющих глаз цветов (сей город) ныне известен под названием Шахрисабз”, - писал в XVII в. историк-энциклопедист Махмуд ибн Вали. По его словам, Шахрисабз считался “одним из красивейших мест мира, с весьма хорошим здоровым и привлекательным климатом. Поля и просторы его очень красивы и желанны”.

В этом краю выращивали хорошие урожаи зерновых. Область славилась своим виноградом и дынями. Из изготавливаемых в Шахрисабзе тканей особенно известна была бязь (карбас). Шахрисабз славился также своими лошадьми и верблюдами, кошмами и, особенно, розовой солью. И всё же, несмотря на своё особое внимание к Шахрисабзу, Амир Темура избрал стольным городом государства другой, более известный и важный центр ремесла и торговли - Самарканд. По свидетельству Бабура, Амир Темура, будучи родом из Кеша, “приложил много трудов и усилий, чтобы сделать Кеш своим главным городом и столицей”, но “так как возможности быть главным городом у Кеша не таковы, как у Самарканда, то в конце концов Темурбек избрал своей столицей именно Самарканд”.

Самарканд стал столицей государства Амира Темура и оставался им при Темуридах и позже - при первых Шейбанидах.

“Раньше Темурбека ни один государь, столь великий как Темурбек, не объявлял Самарканд столицей”, - сообщал Захир ад-Дин Мухаммад Бабур. “Этот город был первый, который он завоевал, и самый прославленный из всех покоренных (городов). Сюда он отвозил свои богатства, здесь он умножал и хранил свою казну, “постоянно заботился он о прославлении этого города”.

Самарканд времени Амира Темура был густо застроенным городом, с широкой улицей, пересекающей город с одного конца до другого. Он являлся крупным экономическим и культурным центром империи.

Важное место в городской структуре занимали базары, торговые застройки, причём в большинстве специализи-

рованы. “Самарканд немного больше города Севильи. Он очень населен. Здесь продается хлеб, мясо и многое другое... “Так изобилует и богат город, и его Темура земля, что просто удивительно”, - отметил Клавихо.

Творческий гений местных и переселенных в Самарканд мастеров из других стран изменили облик города. Великолепные здания, возведенные руками народных умельцев, часть которых сохранилась до наших дней, явились шедеврами монументальных построек, соперничавших с красивейшими зданиями тогдашнего мира. Широкая улица с крытыми базарами, специализированные торговые здания - чорсу, ток, тим, торговые площади, каппоны-места для продажи муки, зерна и т.д., - отражали облик одного из крупнейших торгово-ремесленных центров Средней Азии. Несколько позже Захир ад-Дин Мухаммад Бабур, впервые прибыв в столицу Амира Темура, был восхищён им. “Самарканд, - писал он, - удивительно благоустроенный город”.

По приказу Амира Темура, вокруг Самарканда было построено много новых селений, разбиты сады-парки. Строительство вблизи Самарканда населённых пунктов с названиями столиц больших стран того времени преследовало не только политические цели, тем самым Темур стремился показать блеск и мощь центра империи. В результате возведения селений вокруг Самарканда расширились экономические связи многочисленных самаркандских рынков с окрестностями города и сельскими местностями, население которых втягивалось в сферу международной торговли. В этих селениях жило большое количество людей, часть которых была доставлена из покорённых стран. По мнению Клавихо, вблизи от Самарканда, в землях и загородных садах жило больше людей, чем в самом городе. А через город Самарканд и эти сады прорыто было много оросительных каналов.

Крупным экономическим центром оставалась при Амуре Темуре Бухара. “У города значительное предместье, и там большие здания”, - свидетельствует Клавихо.

По словам современников, Бухара была богата хлебом,

мясом, многими другими товарами. Ко времени Амира Темура и Улугбека можно отнести характеристику Бухары, данную сто лет спустя англичанином Антони Дженкинсоном, посетившим город в 1558-1559 гг. Дженкинсон описал Бухару, как крупный торгово-ремесленный центр. По его словам, дома там “по большей части земляные, но есть также немало каменных домов, храмов и сооружений, роскошно построенных и позолоченных”. О торговой роли Бухары свидетельствует указание, что одна треть города была “отведена купцам и рынкам”.

Между тем Бухара - экономический и культурный центр в период правления Амира Темура и Темуридов, по сравнению с Самаркандом, занимала второстепенное значение.

От Бухары до Самарканда было шесть дней пути. При этом вдоль дороги располагались сплошные селения и сады.

Большую роль в экономической жизни Маверауннахра играли Термез и Андижан.

Важное место в экономике страны занимал Ташкент. Центр культурного оазиса, окружённый территорией, заселённой полусёдлым и кочевым населением, он располагался на краю со степью. Поэтому экономика города в значительной степени была связана с торговым обменом продукции ташкентских ремесленников на сырьё, скот и продукты скотоводства, также изделия мастеров-кочевников. Развитие многих ремёсел Ташкента в значительной степени обуславливалось торговлей с кочевой степью.

Близость рудников способствовало тому, что в Ташкенте, наряду с другими специалистами, работали мастера, изготавливавшие разнообразные металлические изделия, которые вывозились в другие области. Ташкент славился доставлявшимися в другие регионы луками и стрелами, известными под названием “шашские” (“чачские”).

Расположение Ташкента на границе со степью усилило его роль, как места стоянки войск Амира Темура и Темуридов перед выступлением их в степные районы. Здесь останавливался Амир Темура при походе против Тохтамышша, здесь провел он некоторое время при последнем походе в Китай.

Спустя двадцать лет 6 февраля 1425 г. здесь с войском останавливался Улугбек перед походом в Моголистан. Пребывание в прилегающих к Ташкенту районах крупных военных отрядов, безусловно, свидетельствует о дополнительных сборах с населения провинции, что отрицательно отражалось на жизнь его жителей и окрестных деревень. По приказу Амира Темура, заново был отстроен разрушенный в XIII веке город-крепость Бенакет, переименованный в честь его младшего сына Шахруха. Эта неприступная крепость на берегу Сырдарьи стала называться Шахрухия.

Центрами экономической и культурной жизни Ферганы были Андижан и Ахсикет. Из трех обособленных разновремениных городищ Ахсикета одно, основываясь на материале археологов, был назван темуридским Ахсикетом. Оно возникло во второй половине XIV в. К этому времени и, в основном к XV в., относится сохранившийся до нас глазурованный керамический материал: чаши, блюда, кувшины, горшки, вазы, детские игрушки. Они свидетельствуют о высоком уровне производительной деятельности гончаров Ахсикета, просуществовавшего до XVII в. Как доказывает исследователь, гончарное производство Ахсикета находилось на уровне ремесленного производства Самарканда и некоторых других среднеазиатских городов.

Время правления Амира Темура благоприятно отразилось на экономике городов Маверауннахра. С установлением сильной централизованной власти, они приобрели защиту со стороны центральной власти от столь частых нападений соседних правителей, междоусобных феодальных войн, чрезмерных бесчинств чиновников. Всё это благоприятно повлияло на развитие ремесла, внутренней и внешней торговли, а последняя, в свою очередь, стимулировала развитие ремёсел, которые преимущественно работали на рынок.

В рассматриваемый период, как и в более ранний, одной из ведущих отраслей ремесла оставалось ткачество. Изготавливались разнообразные ткани, простые и дорогие. Характерной чертой для данной отрасли в конце XIV в. был возросший спрос на дорогие ткани. В расчёте только для удовлетворения спроса узкого круга потребителей, т.е.

состоятельных людей, изготовлялись особо ценные материи.

Распространенным товаром для аристократической части населения был бархат. Из него изготовлялись также предметы быта богатых домов: подстилки, покрывала, наволочки. Кусок бархата мог служить оберткой для дорогой вещи. В списке пожертвованного в пользу мавзолея Ишрат-хана (868/1463-64гг.) движимого имущества вспоминается бархат, в который был обернут Коран, передаваемый в поименный вакф. Вакфодательница пожертвовала также в указанный вакф бугча-банд из алого бархата. В Самарканде выдвельвался особый сорт бархата малинового цвета. По красителю (именовавшемуся по насекомому кирмиз-кермез), из которого он изготовлялся, этот бархат стал известен под названием бахмал-и кермези. Этим же красителем окрашивалась высокосортная шерстяная ткань-сакирлат. Из тонкого сукна сакирлат шили верхние одежды для высокопоставленных вельмож, а также изготовлялись дорогие царские палатки.

Кермези катифа (арабское: - бархат кермези) был преподнесен Мирзой Улугбеком своей матери, жене Шахруха, Гаухаршад-бегим, когда она прибыла в Самарканд. Подобные ткани являлись предметом вывоза в другие страны. "Еще один товар Самарканда, это кирмизи бахмал. Его вывозят (в другие) края и страны," - писал Бабур.

Среди ценных тканей особое место занимал при Амуре Темуре, как и в другие периоды, ткань кимхаб (камка). Халаты, сшитые из камки, преподносились послам, прибывшим ко двору Амира Темура, на приёмах и в местах их остановок в пути. Много раз подносились они посланникам испанского короля по пути следования в Самарканд, так что под конец последние сами уже дарили их. Подстилки из этой ткани называются среди предметов домашнего обихода высокопоставленных особ. Из него же шились специальные мешочки на подкладке для хранения предметов особого назначения.

Основное место среди тканей по массовости производства и количеству потребления занимали хлопчатобумажные ткани, в том числе бязь (буз-тюркское), в письменных источниках называвшаяся часто "карбас" (персидско-таджикское).

Карбас был разных сортов, от тончайшего, предназначавшегося для обеспеченной части населения, до грубых, из которых шилась повседневная одежда. Сорта грубого карбаса использовались также для подкладки халатов, стеганых одеял и т.п.

В результате доставки в Самарканд пленных мастеров, в Маверауннахре стали выделяться и новые виды тканей. Всевозможные ткачи, в том числе изготавливавшие особые сорта шелка и те, “которые плетут верёвки” к устройству метательных машин, были доставлены в Самарканд. “Они посеяли лён и коноплю, которых ранее никогда не было на этой земле”.

Однако основным поставщиком изящных дорогостоящих льняных изделий тогда и позже оставался Египет.

В целом в этот период наблюдается взаимообмен мастеров техническими приёмами выделки изделий, заимствование форм и рисунков на тканях. Индийский исследователь Варадарайан считает, что способ набивки тканей чит, вероятно, был заимствован среднеазиатскими мастерами у индийских специалистов-пенджабцев. Вспомним, однако, наличие квартала Чигатаран (наборщиков узоров на ткань) в Самарканде этого времени.

Значительное место среди отраслей ремесла в Самарканде, как и в Бухаре, занимало изготовление готовой одежды. Кроме частных лиц, этим промыслом занимались мастера царских мастерских. Историки, писавшие об Амуре Темуре, в частности, посол кастильского короля Клавихо, сообщают о подарках, которые преподносили послам, прибывшим ко двору Амира Темура. Среди них постоянно называется дорогая одежда. О награждении особых лиц дорогой одеждой сообщается авторами довольно часто, что служит косвенным свидетельством занятости части горожан шитьём одежды.

О наличии мастерских-кархане по шитью одежды свидетельствует эпизод, описанный Ибн Арабшахом. В одном из походов войско было разбито на мелкие отряды, а для того, чтобы воины отдельных отрядов могли узнать друг друга, на их головы были одеты особого покроя шапки, по которым можно было отличить своих от чужих. Приведенный эпизод

дает основание полагать, что большое количество головных уборов единой формы и фасона могло быть изготовлено за короткий срок только в больших мастерских типа кархане.

Внутреннее убранство жилых домов в городах Средней Азии, в основном, составляли ковры и различные занавеси разных расцветок. Роскошные занавеси с оборками и бахромой, украшенные аппликациями и вышивками, изготовлялись из шелка и тончайшего полотна. Последнее, вероятно, поставлялось из Египта, центра льняного производства. Полы дворцов, по сведениям современников, покрывались красивейшими коврами разных расцветок, определяемых, видимо, в зависимости от технических приемов, разными названиями. Для нижней части стены, куда прислонялись спиной сидящие на полу, предназначались особые ковровые дорожки. На пол же клались курпача, своего рода матрасики, а на них-подушки.

Шелковыми и парчовыми тканями, полотном с аппликациями обтягивались каркасы павильонов, возводившихся на время празднеств. В торжественных случаях зажиточные жители обязаны были на стенах домов, выходящих на центральные улицы города, вывешивать ковры. Ковроткачество занимало значительное место в ремесленном производстве Маверауннахра.

Ведущее место среди ремесел в Самарканде принадлежало выделке писчей бумаги. Как и текстиль, бумага была важным товаром, вывозившимся в другие страны. Большое количество бумаги использовалось в культурных центрах Маверауннахра. В период правления Амира Темура и Темуридов наблюдается значительный подъем в области историографии. Составление исторических сочинений, написанных по распоряжению Амира Темура, а позже-Шахруха, как и развитие науки при Улугбеке, способствовали расширению производства писчей бумаги, известной в Самарканде ещё с VIII века. Уже тогда эта отрасль производства работала не только на внутренний, но и на внешний рынок. Сравнительно большое количество бумаги требовалось также для канцелярской переписки, на переписки книг, студентам медресе и т.п. При этом в большом количестве требовалась бумага высших сортов. Лучшая бумага

в Самарканде известна под названием “султанской”, “самаркандской султанской”, и, надо полагать, предназначалась самой высшей прослойке общества. При этом, как можно судить по совету, высказанному знаменитым мастером художественного письма Султаном Али Мешхеди (род. в 1432/33 г.), создавшим подлинные шедевры каллиграфического письма, образцы которого в виде рукописных книг дошли до наших дней, и составившего специальный трактат по каллиграфии, султанская бумага также могла быть разных сортов. “Будь то обычная бумага, будь то султанская, старайся взять хорошую”, - советует каллиграф своим молодым коллегам. Среди прочих отличительных черт самаркандской бумаги Султан Али Мешхеди отмечает её прочность, чрезвычайную гладкую поверхность, малопроницаемость чернил. В самаркандских мастерских выделывались и более низкие сорта бумаги. В источниках того времени упоминается “чистая и белая бумага” и “обычная”. Для отделки полей листа рукописи использовался особый сорт - “кагаз-и абри” - “мраморная бумага”.

Словом, в конце XIV-XV вв. Самарканд оставался одним из главных центров производства писчей бумаги на Востоке. Сочинения, составленные при Амуре Темуре и Темуридах, как правило, написаны на самаркандской бумаге. “Лучшая бумага в мире получается из Самарканда”, - писал Захир ад-Дин Мухаммад Бабур. Она являлась одним из основных товаров города, вывозившихся в другие страны и области. Среди предметов, экспортировавшихся из Самарканда, балхский историк-энциклопедист Махмуд ибн Вали прежде всего называет бумагу. “Товар Самарканда - бумага, зелёный мрамор, строительный лес, белила и яблоки”.

Важное место среди ремёсел времени Амира Темура занимало гончарное дело-одно из ведущих и развитых отраслей ремесленного производства Маверауннахра во все времена. Для изготовления керамических изделий использовалась местная глина, в том числе из окрестностей Самарканда. Клавихо говорил: глина здесь “самая лучшая во всем свете”. В конце XIV-первой половине XV вв. изготавливается разнообразная посуда. Находка большого числа фрагментов

керамических черепков была зарегистрирована на территории Темуровской цитадели. В археологических комплексах XV в. представлены чаши, большие и малые блюда, тазы и пр.

В эпоху Амира Темура и Темуридов были использованы ранее утраченные рецепты приготовления высококремнеземистой массы для производства мозаичных плиток, широко внедрившихся в строительство монументальных зданий, изготовлялось также значительное количество глазурованных изразцов.

В изготовлении керамических изделий свой стиль выработали гиждуванские мастера.

Много общего с самаркандской керамикой Темуридского времени наблюдается в керамике Ташкента. В то же время ташкентская керамика того периода имеет некоторые локальные отличия, позволяющие считать, что существовала ташкентская школа керамистов, которая продолжала местные традиции более раннего времени.

Своеобразные варианты самаркандских керамических типов XV в. дают Бухара и Шахрисабз.

Из рудников, где добывалось серебро, поставлялся металл для чеканки монет. Когда периферийные провинции окончательно попали под управление Амира Темура, были сделаны попытки ввести единую унифицированную систему чеканки. Тем не менее, сохранились и определенные детали прежнего оформления монет.

Высокоразвитой отраслью ремесла была обработка драгоценных металлов. Темуридские султаны, сам Амир Темура и его жёны любили украшать себя драгоценными камнями, сверленным и несверленным жемчугом, изделиями из золота и серебра. Ювелиры специализировались на изготовлении серёг, перстней, браслетов и других видов украшений.

В сочинениях той эпохи часто упоминается дорогая посуда из золота и серебра, использовавшаяся при дворе Амира Темура. Разнообразны были изделия из бронзы. Уникальная группа бронзовых художественных изделий из ремесленной мастерской самаркандского медника и ювелира, расположенной в восточной части Регистана, была обнаружена при раскопах в 1969 г. На небольшой разрушенной металлур-

гической печи был вскрыт слой, в котором находилось 36, а в печи - 60 бронзовых изделий на разных стадиях обработки. Художественная коллекция бронзовых изделий датируется концом XIV-началом XV вв. Эти материалы дали основание говорить, что при Амуре Темуре и Темуридах наблюдается разрастание кварталов ремесленников вокруг Регистана, "вследствие благоприятных по сравнению с предшествующим периодом экономических условий развития ремесленных школ в самом Самарканде и широкого притока мастеров из других стран".

В конце XIV в. развернулось строительство монументальных зданий, в связи с чем значительное развитие получает производство оконного стекла, в том числе цветного. Оно было использовано при строительстве мавзолеев Гури-Эмир и Ишрат-хана, дворца в Шахрисабзе, медресе Улугбека в Бухаре и др.

Успехи военных походов Амира Темура и политико-экономическая мощь его государства во многом зависела от оснащения армии. В силу этого в столице империи большое развитие получило оружейное дело. Мечи, сабли, кинжалы, секиры, боевые топоры, латы, шлемы и др. изготовлялись в специальных мастерских, работе которых Амир Темур придавал большое значение и строго контролировал их деятельность. В этих мастерских трудились и пленные специалисты, а также рабы.

В период правления Амира Темура расширяется роль различного рода мастерских. В исследованиях историков-востоковедов значительное внимание уделено выявлению содержания термина "кархане", а также характеру и месту в ремесленном производстве типа мастерских, определяемых этим термином. И.П.Петрушевский, анализируя конкретный материал, извлечённый из повествовательных и документальных источников, отмечал: "В X-XV вв., при господстве феодального способа производства, известную роль играл всё ещё рабовладельческий уклад: рабский труд применялся в больших государственных ремесленных мастерских (карханах), иногда и в сельском хозяйстве землевладельцев". В XIII-XIV вв. существовали большие ремесленные мастерские,

принадлежащие государству. Одним из характерных признаков подобных мастерских было использование в них труда пленных ремесленников, захваченных в войнах. В 40-60 гг. XIV в. доля рабского труда значительно уменьшилась и в дворцовых мастерских, например Ирана, стал в основном использоваться труд свободных ремесленников. Как отмечал Р.К.Кикнадзе, термин “кархане” для Ирана тех лет используется авторами письменных сочинений крайне редко. Вместе с тем, и в первой половине XVI в. ещё существовали мастерские, где злато-швейному мастерству обучались дворцовые рабыни.

В конце XIV - начале XV вв. в самаркандской цитадели размещалась кархане, где работали и захваченные в плен ремесленники. Согласно сообщению Клавихо, “в этом же замке он (Темур) содержал до тысячи пленных мастеров, которые делали латы, шлемы, луки, стрелы и круглый год работали на него”. Вернувшись из семилетнего похода, Темур “приказал нести перед ним все его оружие, которое сделали его пленники после того, как он оставил город. Среди этого оружия несли три тысячи лат, украшенных красным сукном, хорошо исполненных; только они не делают их очень крепкими и не умеют закалять железо. Потом пронесли перед (сеньором) много шлемов. В тот день Темур распределил эти шлемы и латы, раздал их кавалерам и прочим особам. А шлемы эти круглые и высокие, некоторые до самого верха: перед лицом против носа тянется полоса, шириной в два пальца, доходящая до бороды, полоса может подниматься и опускаться. Она сделана для того, чтобы защитить лицо от поперечного удара мечом, а латы сделаны так же, как и наши, только у них низ из иной ткани и виден из-под лат, как рубашка”.

Надо полагать, что упомянутые мастерские были не единственными, где использовался труд пленных ремесленников, принадлежавших верховному правителю,

Следует отметить, что сведения о ремесленном производстве и особенно ремесленных мастерских крайне редко встречаются в письменных памятниках XV и следующих столетий. В Самарканде и его округе упоминаются кархане, принадлежащие частным лицам. Одна из бумагоделательных

мастерских принадлежала представительнице ханского рода Мухр-Султан -ханум, которая, согласно дарственной грамоте, передала ее, вместе с толчеей для бумажной массы, в вакф в пользу медресе Шайбани-хана. Как и во многих других заведениях (но обозначенных в грамоте словом “дукан”), передаваемых в тот же вакф, в упомянутой мастерской работали не пленные мастера, а сам бумагодел. Последний, надо полагать, использовал поденный труд.

Как уже было сказано выше, в Самарканде, в результате военных походов, были собраны ремесленники из покорённых стран. Они вкладывали в ремесленное производство свои знания и умения и совместно с местными мастерами создали изделия-шедевры, часть которых дошла до нас. Темура желал возвеличить Самарканд, “и когда завоевывал какие-либо земли, отовсюду приводил людей, чтобы они населяли город и окрестные земли, особенно он собирал мастеров по разным ремеслам. Из Дамаска он прислал разных мастеров, каких смог найти: всевозможных ткачей, умельцев лучников для стрельбы и оружейников, тех кто обрабатывает стекло и глину, и (эти мастера) считаются лучшими в мире. А из Турции он привёл арбалетчиков и других умельцев, каких смог найти: каменщиков, золотых дел мастеров. Сколько их нашлось столько и привез, что в городе можно найти любых мастеров и умельцев. Кроме того, он привёл мастеров по (метательным) машинам и бомбардиров и тех, которые плетут верёвки к этим устройствам... и столько разного народа собрал (Темурбек) со всех (сторон) в этот город как мужчин, так и женщин, что говорят их более ста пятидесяти тысяч человек”. Ибн Арабшах также отмечает доставку в Самарканд из завоёванных городов, в том числе из Дамаска, мастеров разных профессий: шелкоткачей, красителей, ветеринарных врачей, ученых - “всех, кто владел какой-то специальностью”. Согласно информации того же автора, Амир Темура, вернувшись с семилетнего похода, приказал построить в Самарканде здание наподобие того, что он видел в Индии. Оно должно было быть облицовано белыми мраморными плитами, испещрёнными изящной резьбой. Из Индии доставлены были специалисты

по обработке камня. Были и местные каменщики. В Самарканде, например, упоминается улица каменотёсов-сангтарашан. Захир ад-Дин Мухаммад Бабур писал: “В Самарканде много строений времени Темура и Улугбека. Например, Коксарай в четыре яруса. Близ ворот Аханин, внутри крепости, Темур поставил соборную мечеть, каменную. Больше всего там работало каменотёсов, приведённых из Хиндустана”. Получался, таким образом, некий синтез мастерства ремесленников местных и других стран: строителей, гончаров, оружейников, ткачей, каменщиков и др.

В этом плане большое внимание привлекает и следующая информация Ибн Арабшаха: “А певцы прекрасноголосые и музыканты сладкозвучные играли и пели мотивы по образцам персов, на мелодии арабов, по обычаям турок, на голоса монголов, по законам (пения) китайцев и размерам алтайцев”. Искусство воплощало в себе традиции местных и общающихся между собой народов. Ибн Арабшах относительно деятельности ремесленников, прибывших из разных стран, пишет: “А ремесленники и мастеровые всех климатов, окраин и стран мира в разнообразных одеяниях, согласно обычаям своей страны, отдельно по цехам (фаудж) изготавливали разнообразные украшения и убранства в виде венков и уборов, редких вещей и праздничных нарядов, тканей и (других) произведений своей области: каждая группа соответственно своему положению”. Производственно-профессиональная сторона деятельности ремесленных мастеров нашло отражение в описании торжественных праздников, проводившихся по распоряжению Амира Темура, Мирза Улугбека и других Темуридов. В зависимости от профессии строились, например, павильон из хлебных лепёшек, минарет из хлопка; передвижной ткацкий станок тут же изготавливал ткань.

В 1394 г. самаркандские вельможи организовали торжественную встречу вернувшемуся в Самарканд из похода в Закавказье сыну амира Темура Шахруху. Улицы города и базары были украшены коврами, парчой и атласом; ремесленники показывали свое мастерство; под ноги лошадей Шахруха и сопровождавших его лиц эмиры сыпали золото и серебро. Ещё более грандиозная встреча была организована

возвратившемуся в Самарканд в 1396 г. самому Амиру Темуру.

Пышными были празднества, организованные в Самарканде в 1404 г. Активное участие в организации зрелищ, по повелению цеховых старшин, подчинявшихся распоряжению городских властей Самарканда, приняли здесь, как и во всех предыдущих празднествах, ремесленники и торговцы. Шараф ад-Дин Али Йазди оставил красочное описание этого праздника, проводившегося в Кан-и гиле по случаю благополучного возвращения Темура с семилетнего похода (1399-1404 гг.) и бракосочетания внуков, сыновей Темура - Мираншаха и Умар-шайха. В этом описании, переданном в стихотворной форме, большое место отводится роли ремесленников (мухтарифе ва пешаваран). Согласно сообщению автора, в мероприятиях также принимали участие представители всех слоев населения - "простые и благородные". Как описывает тот же Шараф ад-Дин Али Йазди, мастера по золоту "превратили Кан-и гиль в золотой рудник". Продавцы материй сделали павильон, обтянутый парчой и шёлком, и разложили в нем ковры и разнообразные ткани. Мастера по золоту выставили кольца, серьги, браслеты; продавцы драгоценностей развесили драгоценные камни. Другие мастера также украсили свои павильоны, которых по словам историка, было свыше ста. В корзинах были разложены разные фрукты: яблоки, айва, груши, гранаты, орехи. Чистильщики хлопка смастерили птиц с крыльями и соорудили минарет из окрашенного хлопка, наверху которого сидел аист. Кожевники, мастера по выделке верёвок и циновок также доказали своё умение изготавливать искусные изделия. Музыканты, певцы и танцоры доставляли наслаждение присутствующим на торжествах. Здесь показывали своё искусство и канатоходцы, и люди, одетые в звериные шкуры, изображая домашних и диких зверей.

Падишахам других стран и султанам были отведены соответствующие места в Кан-и гиле, в украшении которого они частично принимали участие и сами. Далее должны были расположиться высокочтимые сановники, которые также доставили сюда все, чем можно было украсить отведенные им места.

Очевидцами событий этих дней были Клавихо и Ибн Арабшах. Согласно их описанию, вокруг шатров устроили ограду из тканей, соорудив проход в виде ворот, а в глубине были размещены несколько шатров, предназначенных для самого Амира Темура. Некоторые из них особенно выделялись богатством украшений: дорогой тканью, позолотой, разноцветными узорами. Один из шатров весь был обшит крупным жемчугом, стоимость каждой из жемчужин, по словам Ибн Арабшаха, “известна была только одному Аллаху”. Другой шатер был украшен такими драгоценными камнями, что вызывал “изумление всех, чей взгляд падал на него”.

Часть этих тканей и предметов была вывезена, по приказу Амира Темура, из других стран. Среди покрывал (ситора), например, особое изумление вызывало одно. Его длина составляла около 10 железных газдов. На нем были изображены: здания, птицы, дикие животные и насекомые, старики и молодежь, женщины и дети, музыкальные инструменты, деревья с ветвями, на которых висели плоды. По мнению Ибн Арабшаха, это было одним из удивительных вещей мира, которое невозможно описать словами. Великолепным было и “дерево из золота, наподобие дуба. Ствол его был толщиной в человеческую ногу, со множеством ветвей, расходящихся в разные стороны, с листьями, как у дуба, высотой в человеческий рост. И возвышалось оно над блюдом, стоявшим рядом, а плоды его были из рубинов, изумрудов, бирюзы, красных рубинов, сапфиров, крупного отборного жемчуга, удивительно яркого и круглого; эти (драгоценности) украшали дерево в разных местах, кроме того, (там) располагалось много маленьких разноцветных золотых птичек, отделанных эмалью, из которых некоторые были с распущенными крыльями, а другие сидели так, точно готовы были упасть, прочие как будто клевали плоды с дерева и держали в клювах рубины, бирюзу и прочие камни и жемчуг, которые там были”.

Специальное место в этом торжестве было отведено управляющим и начальникам диванов. По распоряжению правителей, самаркандцы принесли туда все, что они

изготовили, и расставили перед оградой Амира Темура так, чтобы всё выглядело красиво. Каждый ремесленник выставил то, что было связано с его ремеслом. К примеру, те, кто имел дело с камышом, сделали всадника так, что отделаны были даже его ногти и ресницы. При этом он был вооружён всем тем, что полагается воину, и все это было сделано из камыша. Также умело изобразили свое искусство в ремесле мастера по металлу, сапожники, лучники и ремесленники других корпораций. Каждый из них на отведенном им месте аккуратно разложил свои изделия.

За этими рядами разместились базары, где трубачи издавали звуки из карная, там же находились отборные слоны и лошади, украшенные богатой сбруей.

Подобные сведения из памятников, относящихся ко времени правления Амира Темура, представляют особый интерес, ибо они отражают уровень развития ремесленного производства в Самарканде рассматриваемого периода. Эти данные в дополнении к уже известным по литературе, дают основание считать, что в конце XIV-XV вв. значительное развитие получили многие отрасли ремесла, увеличилось число ремесленников, повысился их уровень специализации, более четко стала проявляться специализация городов Маверауннахра, особенно Самарканда, по изготовлению отдельных видов ремесленной продукции. Относительно того, что при Амуре Темуре возникли благоприятные, по сравнению с предыдущим периодом, социально-экономические условия для развития ремесленного производства, говорит и происходившее в этот период заметное разрастание ремесленных кварталов вокруг самаркандского Регистана.

Рост ремесленного производства при Амуре Темуре наблюдается, в основном, в Самарканде и Шахрисабзе, частично в других городах Маверауннахра. Более тесное, чем предыдущие годы, политическое и хозяйственное общение оседлого населения с кочевым и полукочевым населением, совместная деятельность местных и иностранных мастеров явились основой для взлета творческой деятельности ремесленников: ткачей, изготовлявших разнообразные ткани, строителей, создавших красивейшие монументальные здания,

искусных резчиков по мрамору, дереву и ганчу, металлистов, керамистов и многих других специалистов.

Торговля

Амир Темур проявил большую деятельность в области расширения внутренней и внешней торговли. В годы его правления были проведены мероприятия по реконструкции торговых рядов и базаров в Самарканде, благоустройству дорог и строительству новых караван-сараев на караванных путях, прилагались усилия для укрепления торгово-экономических связей с восточными и западными соседями.

Историки и путешественники сообщают о базарах, чахарсуках, тимах, токах, каппонах и других торгово-ремесленных заведениях в Самарканде и Бухаре конца XIV-XV вв. Они были специализированными. В каждом из них сосредотачивалась торговля, в основном, одним определенным товаром. Это своеобразие рынков двух названных городов отмечается несколькими авторами письменных источников тех столетий. К концу XV в. относится сообщение Захир ад-Дина Мухаммада Бабура, зафиксировавшего в своих мемуарах то, что сложилось ещё при Амуре Темуре. Он писал: “У Самарканда есть одна особенность, которая редко встречается в других городах: для каждого промысла отведён отдельный базар, и они не смешиваются друг с другом”.

По распоряжению Амира Темура, придававшего большое значение строительству торговых помещений, Самарканд был значительно реконструирован, в первую очередь из расчета расширения торговых возможностей города. Через весь Самарканд была проложена широкая улица, на которой по обеим сторонам разместили лавки. Сверху всю улицу покрыли сводом с окошками, через которые проходил свет.

Безусловно, и до Амира Темура Самарканд отличался множеством базаров и торговых площадей, хотя сообщение о том, что в городе было много площадей, где продавали “мясо варёное и солёное, приготовленное разными способами, и кур... а также хлеб и плоды...”, относится к началу XV в.

То обстоятельство, что такие же специализированные

базары были и в Бухаре, можно рассматривать как косвенное свидетельство одной из черт среднеазиатских городов до темуридского времени. Ведь Бухара, относительно которой не отмечена большая внутригородская перестройка при Темуре и Темуридах, также имела специализированные рынки, относительно которых сохранилась характеристика очевидца середины XVI в., но такими они были и в конце XIV - первой половине XV в. Находившийся здесь в самом конце 1558 г. Антони Дженкинсон писал: "Каждое ремесло имеет здесь особое место и свой особый рынок".

Торговые площади и базары были развиты и в других городах Маверауннахра. К примеру, в том же Андижане, главном городе Ферганской долины, занимавшем довольно выгодное географическое положение, находясь на перекрёстке торговых дорог, связывавших Переднюю Азию и Европу с Китаем и Дальним Востоком, были хорошие, благоустроенные базары.

Об уровне торговли большого, густонаселённого Термеза говорит информация, относящаяся к началу XV столетия: на многолюдных улицах и площадях Термеза продавалось множество товаров. "А вокруг города располагались сады, орошавшиеся множеством каналов".

Специализированные ряды располагались на главном базаре Ташкента, уже в средневековье находившемся примерно на том же месте, где располагается и ныне базар Чорсу.

Базар являлся как центром торговли, так и местом сосредоточения ремесленного производства.

На рынках Самарканда продавались разнообразные товары, основная часть которых изготовлялась местными мастерами. Здесь размещались лавки с хлопчатобумажными, шелковыми, реже-шерстяными тканями и готовой одеждой, головными уборами, обувью разного вида, кожей и кожаными изделиями, изделиями из металла, гончарными изделиями, красителями, разнообразными продуктами питания. На самаркандских базарах можно было приобрести рукописные книги и писчую бумагу: здесь же размещался писец, готовый за соответствующую плату сочинить письмо или прошение.

Базары располагались также вдоль дорог, ведущих от

Самарканда к садам-паркам, выстроенным по распоряжению Амира Темура. “От того сада до города простиралась равнина с садами, домами, базарами, где продавались разные вещи”, - сообщается об одной из этих дорог.

Многие лавки служили одновременно и ремесленными мастерскими: некоторые изделия здесь же изготовлялись и продавались.

Наименованию товара соответствовало обычно название торгового ряда. Многочисленные названия торговых мест отражали их назначение. Они были рассчитаны, прежде всего, на удовлетворение потребностей местных жителей. Сюда же прибывали сельчане из окружающих деревень, а также кочевники близлежащих степей. Изделия сельских ремесленников, особенно специализированных, продавались на особо отведённых местах. Торговые площади и ряды для продажи хлопка, шелковичных коконов, пряжи, войлока, гранат, зелени, луковый базар и другие свидетельствуют о тесных торговых связях и контактах Самарканда и таких городов, как Бухара, путём купли-продажи изделий ремесла, сырья и полусырья с сельскими местностями. Для продажи скота также отводились особые места. Упоминаются конский и овечий базары.

Базар служил и местом, где происходил своеобразный обмен знаниями в области поэзии, литературы, достижениями в области науки. Здесь объявлялись указы и распоряжения правителей, подвергали наказанию провинившихся. Согласно рисала читгаров, мальчика-шагирда, нарушившего предписания устава-обрядника (рисала), следовало провести в базарный день через рынок, сопровождая это ударами кнута по его спине. В этих же целях использовались базары и Амиром Темуром. По его повелению на одной из площадей, отведённых для торговли и увеселений, когда там проводились семейные торжества, посвященные свадьбе одному из внуков Амира Темура, скопилось множество людей вельмож и простого народа. Сюда же были приглашены послы испанского и “вавилонского” королей, здесь были наказаны провинившиеся сановники и лавочники Самарканда. По свидетельству источника, Амир Темур приказал соорудить множество висе-

лиц, “так как на этих праздниках, как сказал он, хочет показать, как одним делает добро и оказывает милость, а других приказывает вешать”. Прежде всего он расправился с ходжа Махмудом Давудом и Мухаммадом Джельдом, злоупотреблявшими служебным положением при строительстве соборной мечети Биби-ханум во время его отсутствия в Самарканде, когда он находился в семилетнем походе. Казнили по приказу повелителя и эмира, пытавшегося выкупить одного из упомянутых, приговорённого к казни через повешение. При этом предварительно у него были получены деньги, которые он предлагал как выкуп за того, кого решено было казнить. Кроме того, наказано было ещё одно знатное лицо, которому Амир Темур на период отсутствия доверил своих лошадей, а по возвращении обнаружил, что их стало меньше. Амир Темур велел судить также некоторых лавочников и ремесленников за то, что они продавали свой товар по завышенным ценам.

Базар был местом зрелищ и увеселений. Здесь зарабатывали на хлеб фокусники, канатоходцы, борцы, кукольники. Относительно двух борцов, выступивших в 1404 г. на празднике в Самарканде, сообщается, что они были одеты в кожаные одежды, сделанные в виде кафтанов без рукавов. Эта информация даёт основание полагать, что существовали тогда своеобразные спортивные корпорации. В целом базар был не только торговым и ремесленным центром, сюда приходили не только с целью купли-продажи. Он был и местом встреч деловых людей, общения писателей и поэтов, своего рода культурным центром. Здесь удовлетворялись различные житейские нужды.

Обычно рядом с базаром располагались мечеть, мед-ресе, баня, где порою собирались просвещенные люди и в минуты отдыха делились своими знаниями, дискутировали по интересующим их проблемам.

Торговля способствовала установлению экономических связей Самарканда с другими городами Маверауннахра, жителями соседних селений и степей. В годы отсутствия междоусобных войн и усиления центральной власти, наблюдается укрепление экономических связей между отдельными

районами государства. Часть товаров, отвечающих установленным стандартам, некоторые виды сырья и полусырья, доставлявшиеся на самаркандские рынки из городов и сел Маверауннахра, рассчитаны были для продажи иностранным купцам. В Самарканд съезжалось множество иностранных купцов. Разноязычные, шумные, они представляли группы своеобразно одетых людей. Некоторые из них приезжали с переводчиками, другие сами знали тюркский и таджикский языки. Были среди них и гости из далекой Европы.

Иностранные товары ввозились купцами в расчёте на местных скупщиков. В караван-сараях они сбывались оптом, что способствовало расширению сферы деятельности крупных самаркандских купцов. При этом, как правило, часть наилучших товаров предназначалась в дар верховному или местному правителю, от милости которого зависела торговая деятельность приезжего и обеспечение его охранной грамотой.

При Амире Темуре, и отчасти при Улугбеке и Шахрухе, значительно расширились торгово-дипломатические связи Самарканда с крупнейшими городами Ближнего, Среднего и Дальнего Востока, а также, что было ранее очень слабо развито, отдельными городами Европы. Во время пребывания в Малой Азии Амир Темур вступил в дипломатическую переписку с королем Франции Карлом IV и английским королем Генрихом IV. В адресованных им письмах было ясно выражено желание Амира Темура установить регулярные торговые отношения с западными странами, обеспечить свободу передвижения торговых караванов и доступ купцов в подвластные двум названным государям владения, что являлось важными условиями, выставлявшимися договаривающимися сторонами. В письме Генриха IV к Мираншаху говорится о желании короля добиться обеспечения безопасности купцам-христианам, “как личную, так в делах, и равным образом, блага торговых выгод”, а в послании короля, адресованном Амиру Темуру, выражается согласие на предложение последнего об установлении свободных торговых сношений между подданными Амира Темура и Генриха IV. “Просим вас от всей души..., - говорится в послании, - чтобы наши купцы могли

бы прибывать в ваши владения при вашей личной благосклонности к ним, поскольку и нам угодно, чтобы и ваши купцы могли прибывать в наши владения”.

Смерть Амира Темура, однако, не дала возможность довести до конца эти намерения. Тем не менее, упоминания, хотя и редкие, предметов, изготовленных западноевропейскими мастерами (очки, часы и др.) дают основание говорить о существовании торговых контактов между среднеазиатскими и западноевропейскими купцами и при Темуридах.

Сухопутные и водные дороги тянулись на тысячи километров и преодоление многих из них требовало многомесячных передвижений, связанных с риском и множеством трудностей. Расстояние от Самарканда до таможенных пунктов на севере Китая, например, согласно авторам XV в., Абд ар-Раззака Самарканди и Фасиха Ахмада ал-Хавафи, преодолевалось караванами приблизительно за девять месяцев. Путь от Арарата до Шахрисабза посланники кастильского короля и “вавилонского” султана, передвигаясь с короткими остановками (причём только по необходимости), прошли за два с лишним месяца - с 29 мая по август 1403 г.

Подобные многоверстные дороги требовали установления соответствующих мест для отдыха и смены лошадей на всем протяжении маршрута передвижения послов, гонцов и торговых караванов. И одну из своих задач Амир Темура видел в уделении максимума внимания благоустройству дорог, которые он обоснованно считал основными жизненными артериями экономической жизни империи. Современники отмечают мероприятия Амира Темура, направленные на поддержание и обеспечение условий передвижения гонцов и путников, направлявшихся к его дворцу. С предельной скоростью скакали по этим дорогам гонцы, обязанные передавать известия о событиях внутри страны и сопредельных регионах. Тем самым обеспечивалась не только своевременность походов и успех в нём. Эти действия способствовали развитию торгово-дипломатических сношений с другими странами. Поэтому значительное расширение торговых взаимоотношений с другими странами сопровождалось строительством караван-сараев и охраной дорог. По приказу

Амира Темура, часто “прямо в поле”, вдоль дорог, ведущих от юго-западных областей к Самарканду, вплоть до столицы, были возведены новые караван-сарай - “большие дома”, построенные для того, чтобы там останавливались проходящие путешественники и купцы, а также стоянки для лошадей. Последние размещались на всем протяжении дорог и здесь постоянно должны были находиться запасные лошади, всегда готовые к отправке в путь.

Испанские посланцы по пути в Самарканд, выезжая из одного города в другой, получали в свое распоряжение лошадей, “чтобы ехать самим и всем их людям и везти поклажу, потому что отсюда и далее сеньор (приказал) держать лошадей наготове, чтобы те, что ехали к нему, могли скакать на них день и ночь, а кто и половину суток”. “В одном месте их было сто, в другом - пятьдесят, а в третьем - двести. И так были (эти) дороги до самого города Самарканд”. Жители ближайших селений обязаны были обеспечивать эти пункты провизией и лошадьми. “Лошади, - пишет Клавихо, - держались (наготове) в местах и землях как безлюдных, так и населенных, а в тех местах, где не было поселений, сеньор приказал строить большие дома наподобие постоянных дворов, чтобы жители ближайших городов и местностей доставляли туда лошадей и съестное”.

Укрепленные стенами караван-сарай располагались обычно на перекрестках больших торговых путей и служили местом передышки людей и животных. О “большом доме”, выстроенном прямо (в поле), где жили люди, стерегущие царских лошадей...”, неоднократно говорит Клавихо. Определение “большой дом”, означало караван-сарай, что отмечается и самим Клавихо, несколько искажившим написание этого слова, воспринятое им на слух. Он сообщает: “... увидели дом, вроде постоянного двора, который они называют каравансака (караван-сарай)”. Нелишне здесь отметить, что в русскоязычных источниках нередко караван-сарай называют “подворьем”. Так, например, обозначены они в переводах документов архива кокандских ханов. В действительности же караван-сарай представлял собой особой планировки сооружение. В нем обычно были склады для хранения товаров,

гостиница для купцов, гонцов, послов и других лиц, а также конюшня.

Некоторые караван-сарай располагались вдали от поселений, вдоль караванных дорог, проходивших через безводные пространства. В таких случаях обеспечение водой приходилось осуществлять через специально вырытые подземные ирригационные сооружения, известные под названием кяриз. Сохранилось описание одного из таких караван-сараяв у Клавихо: "... заночевали на большом постоялом дворе, встретившемся по дороге, который был построен для проезжающих, так как на протяжении двух дней пути здесь не встречается никакого жилья из-за чрезмерной жары и нехватки воды. Вода, имеющаяся на постоялом дворе, подается туда по трубам, проложенным под землей с места, расположенного (отсюда) на расстоянии суток пути". Часть караван-сараяв располагалась при въезде в город, у городских ворот, некоторые же - внутри города.

Караван-сарай строились обычно из сырцового, но некоторые - из обожжённого, кирпича. Они состояли обычно из многочисленных худжр и нередко, особенно те, что внутри города, были двухэтажными. При этом на первом этаже располагались складские помещения, а на втором - комнаты, в которых жили приезжие. Посередине караван-сарая располагался двор.

Крупные караван-сарай служили местом остановок не только для проезжих купцов. Сюда привозили товары и оставались на время их распродажи оптом крупнейшие купцы из разных стран. Согласно Бадр ад-Дину Кашмири, на улице Гузари саррафан располагался караван-сарай, где совершали торговые сделки купцы, прибывшие "со всего мира".

В Самарканде, Бухаре и других городах Средней Азии были караван-сарай, где преимущественно останавливались купцы-земляки, приехавшие из одного города в другой. В результате возникли постройки, предназначенные для купцов-иностранцев: индийцев, хорезмийцев, прибывших с Поволжья и др. стран. В Бухаре, по данным более позднего времени, были караван-сарай для купцов из Ирана и Мерва, караван-сарай Урганджи, где останавливались ургенчцы, а в

Астрахани и Баку имелись караван-сарай для бухарских купцов. В одном из караван-сараяв Исфахана останавливались самаркандские купцы, торговавшие каракулевыми шкурками, писчей бумагой и парфюмерными товарами. По словам Мехди Кейвани, Исфахан посещало значительное количество бухарских и самаркандских купцов.

В XV в. торгово-экономические и культурные взаимосвязи среднеазиатских городов с зарубежными странами продолжали осуществляться по традиционным дорогам Великого шелкового пути. В главную трансконтинентальную артерию включались не только такие торгово ремесленные центры, как Самарканд, Бухара, Ургенч, Ташкент, Андижан. Маршруты Великого шелкового пути включали в свою орбиту и более мелкие города и селения Маверауннахра. Следует, однако, отметить, что эти связи не были постоянными. Оживляясь в период мирных взаимоотношений, они почти замирали в годы политических неурядиц.

Ко дворцу Амира Темура прибывали купцы из разных стран. Один из них - "купец, едущий к Темуру", - упоминается в дневнике посланца кастильского короля.

При Амуре Темура значительно оживилась торговля со странами мира. На ежегодные ярмарки Самарканда, как сообщает один из авторов, доставлялись товары из разных стран: "из Китая, Индии, Татарии (здесь Золотая Орда), из разных других мест". То, что Китай упоминается раньше других стран не является случайным. Китайские послы неоднократно посещали двор Амира Темура, хотя с его стороны встречали подчеркнуто холодный приём. Так, например, на торжествах, устроенных в Кан-и гиле в 1404 г., Амир Темура распорядился пересадить китайского посла - "разбойника, бесчестного человека и врага" - и посадить на его место посланника испанского короля, а Абд-ар-Раззак Самарканди, как и Фасих Ахмад Хавафи, уже после смерти Амира Темура, сообщает о прибытии китайских посольств из "Чину-Мачина и Китая". Послы из Китая посетили Среднюю Азию и в 1412 г. От того же китайского императора прибыло посольство в 1417 и 1419 гг. В целом первая четверть XV в. была одним из периодов интенсивного обмена

ремесленными изделиями, полусырьем и разнообразными предметами из Самарканда, а также других крупных городов Маверауннахра с Китаем. В отдельные годы этого столетия по Великому шелковому пути почти регулярно передвигались торговые караваны, хотя, к сожалению, мы располагаем конкретными данными лишь касательно некоторых из них. Позже, в конце XV-XVI вв., обмен посольствами между среднеазиатскими правителями и китайскими императорами значительно сократился. Но полностью передвижение торговых караванов по Великому шелковому пути между среднеазиатскими городами и Дальним Востоком не прекращалось. Даже в XIX в. по проторенным дорогам Великого шелкового пути следовали караваны, идущие из Бухары через Самарканд, Фергану на Кашгар.

Между тем маршрут в Китай, пересекавший многие страны, реки и труднодоступные горы, представлял собой чрезвычайно сложный, а на некоторых участках труднопроходимый путь. Сохранилось сообщение о караване, возвращавшемся из Китая через Андижанский перевал, где пересекались самаркандская, каратегинская и бадахшанская дороги. В караване были самаркандские и хорасанские купцы. Шел сильный снег, и всех членов каравана - а их было тысяча человек - скарб и животных засыпало снегом. Они погибли у подошвы горы к востоку от Андижана, спастись удалось лишь двоим. Подобных случаев было немало, примером служит то, что на отдельных отрезках Великого шелкового пути, в направлении к Китаю, дорогу можно было определить по скоплению человеческих костей и павших животных.

Обострение политической обстановки и междоусобные войны в странах и областях, располагавшихся на пути, подчас заставляли людей менять первоначально намеченный маршрут и искать более длинную, но относительно спокойную дорогу. Так, например, в 1422 г. из-за беспорядков в Моголистане послы Шахруха, Улугбека и других правителей Средней Азии, при возвращении из Китая, предпочли более трудный путь через пустыню. И все же, несмотря на огромные трудности, послы и купцы отправлялись в дальний путь. Доходы, которые

можно было получить в результате торговой поездки, манили в путь особенно богатых купцов.

Конкретные данные дают возможность прикинуть размеры доходов, поступавших в результате торговли с Китаем. Захир ад-Дин Мухаммад Бабур, сообщая о торговом рынке Кабула, констатирует: здесь “многие купцы не довольствуются при торговле прибылью в тридцать на десять или сорок на десять”, “если бы купцы пошли в Китай или Рум, то наторговали бы столько же”. Предметы, доставляемые в Самарканд из восточных стран, и в первую очередь из Китая, занимали среди ввозимых товаров видное место. Но разнообразные ткани изготовлялись и местными мастерами. “Богатство этой земли, - писал Клавихо о Самарканде и районах вокруг него, - не только в изобилии съестного, но и в шелковых тканях, атласе, камке..., которых здесь производится много...”.

В Самарканд стекались товары из разных стран, в том числе кожа и полотно “из Руси и Татарии”. Высокосортная кожа поставлялась в Среднюю Азию из Булгар на Волге. По месту выделки она получила название “булгари”, Из нее изготовлялись: разнообразная обувь, охотничьи перчатки “булгари”, дорогостоящие седла, узорчатые колчаны для стрел, украшенные аппликациями подстилки для сидения, переметные сумы, переплёты для книг и др. Кожа булгари производилась позже и в Бухаре.

Среднеазиатские города вели обширную торговлю с Индией, Ближним Востоком, Восточной Европой и другими странами. Послы отдалённых и близлежащих стран прибывали в Самарканд с разнообразными подарками. Некоторые из последних упоминаются Ибн Арабшахом. Из Египта и Сирии от Малика ан-Насира Фараджа посланники доставили жирафов и страусов, сообщает он. О них говорит и Клавихо. Малика ан-Насира Фараджа последний называет вавилонским султаном. По словам этого автора, на торжествах, проводившихся в Кан-и гиле в 1404 г. присутствовали послы Китая, Индии, Ирана, Дашт-и кипчака, Синда, Европы (Фарангистана), близких и дальних стран. Посланник испанского короля неоднократно упоминает послов “вавилонского султана”, которые часть дороги ехали вместе с ним, а также

послов, прибывших с далекого севера, одетых в меха. Все эти официальные лица доставляли ко двору Темура послания своих правителей, открывая новые маршруты купцам, расширяя сферу взаимовлияния в области ремесленного производства и культуры.

Из описания встреч и путешествий можно составить перечень товаров, привозившихся в Самарканд из Испании: одежда из красной ткани, шитая во Флоренции, кусок тонкого полотна, яркокрасная материя, серебряная чаша, суконные и шерстяные одежды и др.

Привозными были и дорогие меха. Современник описываемых событий отмечает: посланники из владений, прежде относившихся к Китаю, привезли в подарок Амиру Темуру куньи меха, соболей, белых лис.

Особенно ценились шелковые ткани, а среди них самыми дорогими считались атласы без узоров, доставляемые из Китая. Из Индии поступали пряности - "самые лучшие", а также особые сорта тканей, некоторые виды металлических изделий. "Из Хиндустана доставляют рабов, белые ткани, сахар, сахарный песок и лекарственные зелья". Европейские товары - "фаранги" также упоминаются в отдельных работах современников. В большой цене были охотничьи сокола. Они поступали с Востока и Запада. Так, например, упоминается, что посланники восточных областей, ранее подвластных китайскому императору, привезли Амиру Темуру в числе других подарков соколов. Охотничьих соколов прислал Амиру Темуру и кастильский король.

Анализ ассортимента товаров, поставлявшихся ко двору Амира Темура, дает основание полагать, что европейские и восточные купцы хорошо знали ассортимент товаров, наиболее ценившихся на рынках Самарканда и Бухары. Именно на этих знаниях основывался подбор предметов, посылаемых в дар правителям Маверауннахра. Послы и сами были информированы, какой именно товар ценился в данной стране. Посланники кастильского короля подарили, например, Мираншаху суконные и шерстяные одежды, "что они очень ценят". Подарки, которые прислал король Кастилии, Амир Темур принял "и остался очень доволен". Из Кастилии прис-

дали красное сукно, часть которого Амир Темур выделил своим женам. “Одежду из красной ткани, сделанную во Флоренции” посол Амира Темура, возвращающийся из Испании, вынужден был отдать одному из местных правителей. Флорентийское платье подарили в Термезе посланники кастильского короля гонцу Амира Темура, прибывшему справиться о них. По-испански был одет вернувшийся в Самарканд посланник Амира Темура, ранее отправленный к испанскому двору.

Самарканд вел активную торговлю с Хорезмом, через который проходили караваны, груженные транзитным товаром и изделиями ремесленников, а также сырьем из разных мест Маверауннахра, с Дальнего Востока и самого Хорезма. При этом Амир Темур, очевидно, хотел видеть Самарканд главным центром всей внешней торговли в регионе.

“В этой стране, - сообщает Антони Дженкинсон, - люди путешествуют только караванами, в которых много верблюдов”. А караваны у них означают то же самое, что у нас обоз из (вьючных) животных”, - уточняет Руи Гонсалес де Клавихо.

Обычно послы вместе с посланиями своих государей везли и подарки правителю той страны, к которому они направлялись. Перечислявшиеся в источниках подарки, предназначавшиеся Темуридам - Шахруху и Улугбеку - дают возможность выявить, в определенной степени, перечень предметов, доставлявшихся среднеазиатским правителям. К сожалению, эта информация, как правило, относится к товарам, удовлетворявшим, в основном, потребности лишь высших слоев населения. Сведения о доставке по Великому шелковому пути предметов, предназначавшихся рядовому населению, а также сырья для изготовления ремесленных изделий, встречаются редко. Однако даже и эти редкие упоминания авторов все же дают основание говорить о наличии хозяйственных связей между широкими слоями среднеазиатского населения и других стран.

По Великому шелковому пути перевозился из Китая, в основном, шелк, что и дало позже основание Ф.П.Рихт-

хофену в конце XIX в. назвать так дорогу, следовавшую от Китая до Средиземного моря. Известно, что и в XVIII-XIX вв. некоторые виды шелковых тканей и сшитая из них одежда доставлялись из Китая в другие страны, в том числе и в Среднюю Азию. В числе подарков китайского императора темуридским правителям неоднократно упоминается дорогая шёлковая ткань кимхаб. Она числится, например, в описи подарков китайского посольства 820 г.х. (1417 г.). О привозе в Бухару вместе с другими предметами кимхаба в середине XVI в. сообщает Антони Дженкинсон. Одежда, сшитая из кимхаба, как и сама ткань, служила предметом государевых подарков. Авторы сочинений сообщают о награждениях темуридскими правителями халатами из кимхаба особо отличившихся эмиров. По распоряжению Амира Темура, сшитый из кимхаба халат преподносился прибывшим к нему послам и не только при личном свидании. На всём пути к Самарканду в подвластных ему городах местные эмиры обязаны были награждать им посланников других стран, напомнив при этом о необходимости быстрее их прибытия ко двору Амира Темура. Послы кастильского короля в пути одаривались подобной одеждой как и при аудиенциях у самого Амира Темура. По Великому шелковому пути в центры Маверауннахра доставляли китайскую бумагу. В виде подарка она была отправлена, например, императором Китая Дай Мингханом. В перечне подарков китайского императора Шахруху историк-хронист Фасих Ахмад ал-Хавафи называет и китайскую бумагу.

Бумага издревле относилась к достопримечательностям Самарканда. Самаркандская бумага, - писал ас-Саалиби (961-1038), "очень красивая, нежная, тонкая и очень удобная (для писания)". В XV в. она чем-то отличалась от китайской, как это видно из перечня присылаемых из Китая товаров, что также выявляется из сообщения знаменитого каллиграфа Султана Али Мешхеда.

В Герате также была мастерская по выделке бумаги. В 912 г.х. (1506-1507) Захир ад-Дин Мухаммад Бабур осмотрел эту мастерскую, расположенную в окрестностях города. Гератская бумага изготовлялась, вероятно, по той же техно-

логии, что и самаркандская. Относительно же самаркандской бумаги Султан Али Мешхеди восторженно говорил: “Как хороша самаркандская бумага!”. Тем не менее, из Китая в Самарканд и Герат, в виде подарка императора, отдельным темуридским правителям поступала китайская бумага. По словам того же каллиграфа Султана Али, “бумаги лучше китайской нет!”. Надо полагать, что китайская бумага представляла собой особый сорт, отличавшийся от самаркандской, и именно потому её отправляли вместе с другими предметами китайские императоры в Самарканд, Герат и центры других областей Темуридов.

Если выделка писчей бумаги некогда считалась присущей лишь отдельным мастерам, то в дальнейшем она становится обычным ремеслом, продукция которого становится товаром, реализуемым как на внутренних, так и внешних рынках. Следует сказать, что бумага вывозилась из Самарканда и в X в., Ас-Саалиби отмечал, что самаркандской бумагой пользовались во всех концах мира. В 40-х годах XVII в. историк-энциклопедист Махмуд ибн Вали отмечал: “товар Самарканда - это бумага”. Как видим, до Амира Темура и позже самаркандская бумага так же отличалась высокими качествами и пользовалась спросом.

Время Амира Темура было своеобразным. По сравнению с предыдущим периодом бумаги требовалось гораздо больше. В результате должны были возрасти и количество изготавливаемой в Самарканде бумаги, а также число бумагоделательных мастерских. Надо думать, мастерские выпускали в конце XIV-XV вв. огромную, по тем временам, массу бумаги.

Из Китая привозились также фарфоровая посуда и облицовочные фарфоровые плитки, изделия из фарфора, которые “очень ценятся и дорого стоят в Маверауннахре, глиняные обливные и ещё другие”. Так, например, из Китая специально отправленными Мирзой Улугбеком людьми доставлены были фарфоровые плитки для облицовки нижней части беседки в садике, разбитом, по распоряжению Улугбека, у подножия холма Кухак. Вся нижняя часть стен в ней была выложена фарфоровыми плитками, привезенными из Китая, почему беседка стала известна под названием “Чинихана”.

Фасих Ахмад ал-Хавафи, сообщая о посольстве из Китая 1417 г., пишет: “Вторично прибыли послы от Дай Минг-хана, падишаха Китая... Вместе с ними прибыли триста всадников. Послы привезли подарки и подношения, которые прислал падишах Китая: соколов, атлас, камку, тафту, фарфор, китайскую бумагу,...” и др. Состав товарооборота - ввоза и вывоза, выявленного из письменных источников, с учётом данных, имеющих в исследовательской литературе, далеко не полный, что как уже отмечалось, прежде всего объясняется характером письменных источников, имеющих в нашем распоряжении.

При Амуре Темуре лавочники и мастера принимали участие в торговле и изготовлении продукции на показ там, где проводились торжества. Современники нередко приводят примеры участия торговцев в праздниках, отражая индивидуальный характер многих из них. Приведём описание Клавихо: “А для большого веселья сеньор (Амир Темур) приказал оповестить по всему городу Самарканде, чтобы все городские торговцы, те, что продают ткани и жемчуг, менялы, продавцы различных вещей и товаров и любых других предметов, повара, мясники, портные и башмачники и все прочие ремесленники, какие только есть в городе, собрались на поле, где был он со своей ордой. Пусть поставят (там) свои шатры и торгуют (своими товарами), а не в городе,... и чтобы (все они) не смели уходить (из орды) без его разрешения и приказа. По этому повелению все торговцы и ремесленники вышли из города со всеми своими товарами для распродажи и расположились в орде...”.

Торговля и зрелища были стимулом для участия на придворных празднествах широких масс городского населения.

В вывозе из Самарканда преобладали ткани. Они были разнообразны, разной ширины, разных сортов и расцветок. Среди них с раннего средневековья до XVII в. важное место занимала занданачи. Эта ткань, по некоторым данным, некогда шелковая, в более позднее время стала изготавливаться из хлопка-волокна. И если раньше ее изготовлением занимались жители села Зандана, расположенного близ Бухары,

то позже ткань с этим названием вырабатывалась ремесленниками разных местностей Средней Азии. На рубеже XIV-XV вв. заңданачи под названием “зендянца” упоминается в новгородских берестяных грамотах. Согласно этих грамот, жительница Новгорода просит купить ей ткань зендянцу. В описях товаров, привезенных в Москву из Бухары, группа разных тканей определяется общим названием “зендень”. Она составляла главную статью среднеазиатского экспорта и занимала основное место среди других, привезенных из Бухары предметов. Надо полагать, что и в XV в. на Русь и в Поволжье доставлялось значительное количество названной ткани. Об этом свидетельствует следующий факт. Два куска ткани zendeling, по всей вероятности зендень (заңданчи), числятся в торговой книге Тевтонского ордена. Они, согласно сведениям, относящимся к 1400 г., принадлежали приказчикам ордена в Кенигсберге и те, как видно, занимались экспортом восточных тканей из Новгорода. Зендень в это время, по сравнению с шелковыми тканями, ценилась значительно дешевле. Это была одна из наиболее доступных рядовому жителю города привозных тканей. Отмечены также попытки Тевтонского ордена вывозить из Новгорода на Запад камку, ввозимую с Востока. Относительно одного из членов ордена сообщается, что он в течение четырех лет (1391-1395) не смог продать ни в Дортрехте, ни в Брюгге шесть узких и два широких куска камки.

Приведенные примеры показывают: восточные, в том числе среднеазиатские товары, в данном случае ткани, поступали в XV в. на Запад не только в результате непосредственной торговли Запада с Востоком, но частично и через Новгород.

Внешняя и внутренняя торговля, особенно при Амуре Темуре, находилась в целом на пути подъема. Развитие внешней торговли, увеличение числа торговых караванов, расширение списка экспортируемых товаров, в том числе транзитных, говорит об увеличении объема внешней торговли Самарканда в начале XV в. При этом внешняя торговля этого города имела большое значение для развития экономики Самарканда в частности, и Маверауннахра в целом.

Приведенные выше данные и выявление общих масштабов внешней торговли, дают возможность уточнить имеющиеся в литературе сведения как о международном положении Самарканда и, в целом всего государства Темура и Темуридов, так и общего их экономического состояния. Участие в торговле разных категорий купцов, привилегированных и тех, кто не имел охранных грамот, владельцев караван-сараяв, получавших огромные доходы, ростовщиков-саррафов, занятых разменом монет, участие в оптовой торговле самого верховного правителя, разных в экономическом и правовом отношениях слоев ремесленников, занятых производством экспортных товаров, и наличие множества других лиц, участвовавших в торговых сделках, проливает свет на общую проблему социального расслоения городского населения Маверауннахра. При этом Самарканд почти на протяжении двух столетий (70-е годы XIV -середина XVI вв.) выступает в качестве главного центра внешней торговли среднеазиатского региона.

Внутренняя и внешняя торговля Самарканда выполняла и посреднические функции обмена между продукцией ремесленников, сельчан оседлого и кочевого населения. Она обеспечивала связь сельскохозяйственного производства с рынком, стимулируя крестьян к дополнительной выработке сырья, полусырья и изделий ремесла, тем самым увеличивая товарность крестьянского хозяйства. В этом плане селения, расположенные вокруг Самарканда, в том числе новые, возведенные по приказу Амира Темура, значительно отличались от более отдаленных поселений, в которых доминировало натуральное хозяйство.

Вместе с тем, даже тем крестьянам-товаропроизводителям, которые проживали в близлежащих сёлах, доставить в город зерно, хлопок, шерсть, фрукты, овощи, продукты скотоводства и т.п. было довольно трудно. Не владея охранными грамотами, они не имели возможности платить многочисленные торговые пошлины, которые взимались на дорогах, переправах через реки, при въезде в город и т.д.

В силу этих и других причин, как-то: отсутствие транспортных средств и др., большинство сельчан было оторвано

от рынков сбыта и реализацию своей продукции вынуждено было осуществить через торговцев-посредников. В целом же торговля при Амуре Темуре значительно оживилась и расширилась.

В годы правления Амира Темура в социально-экономических отношениях Маверауннахра произошли заметные сдвиги. Ограждение региона от нападений ополчений правителей соседних областей и предводителей кочевых племен, а также, в отдельных случаях хотя и временное, освобождение населения от податных сборов, способствовали более стабильному развитию сельского хозяйства. Так, после возвращения в Самарканд в 1396 г. Амир Темур на три года освободил жителей от податных сборов. Подобное, даже временное освобождение населения от податных сборов, содействовало восстановлению хозяйств, разоренных в период ослабления в стране центральной власти.

В годы правления Амира Темура в областях Маверауннахра стали культивироваться новые сельскохозяйственные культуры: лён, конопля, возможно, и другие; стали разводить новые сорта бахчевых, например, дыни сорта мир-и Темури; к тому же времени относится упоминание о насаждениях хурмы.

Проведение новых оросительных каналов и восстановление некоторых из старых привели к расширению посевных площадей.

Готовясь к походу в Китай, Амир Темур распорядился засеять пустующие к востоку от Ашпары земли, с тем, чтобы обеспечить при передвижении к границам Китая армию необходимыми продуктами, а скот - фуражом. На этом пути планировалось создание новых поселений.

По распоряжению Амира Темура, возникли новые селения вокруг Самарканда, что также способствовало благосостоянию земледельческого населения, и что крайне важно, расширению взаимосвязей сельского и городского населения, обмену продуктов сельчан и изделий горожан.

Вместе с тем следует отметить, что жители территорий, по которым проходили войска должны были быть готовы выполнить любой приказ начальства о снабжении их всем

необходимым, а практика насильственного привлечения населения к несению службы в армии отрывала от хозяйства столь необходимых в повседневном труде молодых мужчин.

В конце XIV - первой половине XV вв. происходит значительное оживление торговли и ремесленного производства. Наблюдается дальнейшее развитие одной из важнейших отраслей ремесла - ткачества и изготовления готовой одежды; значительный скачок происходит в производстве разного вида оружия, ювелирных изделий, писчей бумаги и др. Большая строительная деятельность при Амуре Темуре вела к расширению строительных работ, причем совместная деятельность местных и доставленных в города Маверауннахра из завоеванных стран мастеров строителей способствовало возникновению великолепных монументальных построек. Сохранившиеся до нас керамические изделия рассматриваемого периода также отражают высочайший уровень мастерства специалистов в этой области. В целом развитию ремёсел в Маверауннахре способствовали, с одной стороны, политическая устойчивость в стране, с другой - совместная деятельность, особенно в Самарканде, местных и иноземных мастеров-зодчих, ткачей, портных, оружейников, керамистов, резчиков по камню, ювелиров и многих других специалистов. Об этом сообщают Ибн Арабшах, Шараф ад-Дин Али Йазди, Руи Гонсалес де Клавихо и другие современники Амира Темура.

До нас дошли имена больших мастеров конца XIV-начала XV вв., выделявшихся своим искусством, например, Олтунар-резчика по драгоценному камню, ал-Хож Али Ширази и ал-Хож Мухаммада Хафиза Ширази-ювелиров, Шихаб ад-Дина Ахмада ал-Зардкаши, крупного специалиста по садоводству, и других.

Значительное развитие получила внутренняя торговля. Специализация каждого торгового ряда в Самарканде на реализации одного лишь вида товара вызовет спустя столетие восхищение Захир ад-Дина Мухаммада Бабура, занявшего столицу Темуридов на рубеже XV-XVI вв. Характерное отличие рынков Самарканда подметил и Руи Гонсалес де Клавихо, побывавший до того во многих городах Европы и Востока.

При Амуре Темуре заметно расширились торгово-дипломатические связи Маверауннахра с другими странами, в том числе и с европейскими. Обмен достижениями ремесленного производства, торговли и культуры не могли не повлиять на дальнейшее развитие науки в Маверауннахре.

Социальный состав населения

В социальном отношении население государства Амира Темура делилось на слои, отличавшиеся как имущественным, так и правовым положением. Господствующая группа состояла преимущественно из военных и должностных лиц, а также из представителей высшего духовенства. Представители этих слоев общества - "люди меча" и "люди пера" - находились на услужении государства Темура. Основным видом их материального обеспечения служили ленные пожалования, выделенные в условное владение за военную или гражданскую службу, а также принадлежавшие им на правах собственности мульковые земли. В феодальной стране главная роль во всех областях жизни принадлежала элите крупных землевладельцев, которая, однако, по своему составу была довольно разнообразной. Некоторые из них жили в селениях, значительная же часть проживала в городах, составляя небольшую, но влиятельную группу городского населения.

Многие землевладельцы владели не только землями, но также доходными заведениями в городе: лавками, мастерскими, банями, домами, сдававшимися в аренду, а некоторым из них принадлежали целые торговые ряды и караван-сарай. Владельцем дворцов, домов, караван-сараяв был и сам Амир Темур. В его владении были мастерские, рудники, ему принадлежали табуны лошадей, скот, которых он, при необходимости использовал в интересах государства.

Местные владетельные феодалы были в целом заинтересованы в поддержке Амира Темура, его централизаторской политики. В этом были заинтересованы также средние и мелкие землевладельцы, торговцы и ремесленники, страдавшие от

феодалных междоусобиц и династических распрей, которые, с приходом к власти Амира Темура, были пресечены. Поддержка его централизаторской политики со стороны широкого круга населения сыграла большую роль в дальнейших успехах Темура.

Особо привилегированное положение занимало в государстве военное сословие, в том числе главы племен. Их верхушку составляли эмиры-представители военной знати, в основном, из чагатаев, командовавших крупными подразделениями.

Так называемые чагатаи были при Амуре Темуре наиболее влиятельными среди скотоводов. Они занимали привилегированное положение, составляя его основную военную опору. Между тем, в социальном отношении, как и в правовом, чагатаи не представляли единого целого. Военная аристократия, в том числе выделившаяся из среды чагатаев, будучи решающей силой на войне, пользовалась особыми льготами. Эта группа чагатаев со своими людьми могла свободно передвигаться по пастбищам и освобождалась от податных сборов.

Сами военачальники были разного звания и ранга и получали вознаграждение в зависимости от занимаемого положения, т.е. в зависимости от того, чем они командовали - "тысячей", "сотней" или "десяткой". Амир Темур удерживал при себе доблестных, деятельных, испытанных воинов, ценил их, а изменников и трусов исключал из своего общества. Наиболее отличившиеся в сражениях храбрые воины могли получить звание "бахадур" (богатырь). При этом от всех, от мала до велика, Амир Темур требовал беспрекословного повиновения его приказам.

Влиятельную прослойку внутри класса феодалов составляло высшее мусульманское духовенство. Значительное место занимали в жизни общества и средние слои духовенства. Шейх ал-исламы, бывшие как в центре, так и в вилайетах, верховный казий и казии, находившиеся во всех значительных населенных пунктах, имам-хатибы соборных мечетей, проповедники (ваизы), преподаватели медресе и другие представители мусульманского духовенства играли большую

роль в общественно-политической жизни общества. Они нередко занимали важные должности и в гражданской администрации.

Шейх ал-исламами при Амуре Темуре были Абд ал-Малик и его двоюродный брат Абд ал-Аввал, принадлежавшие к знатному роду автора "Хидайти" Бурхан ад-Дину Маргинани.

Определенную роль во времена Амира Темура играли и шейхи, руководители т.н. дервишских братств. На победоносные походы вдохновляли Амира Темура шейхи Шамс ад-Дин ал-Фахури, саййид Барака, а так же Зайн ад-Дин Абу Бакр ал-Хавафи (Тайбади). Амир Темур, учитывая их влияние на широкие слои народных масс, часто общался с ними, прислушивался к их советам.

Амир Темур требовал от судей соблюдения справедливости, закона и наказывал нарушителей закона и правил. По свидетельству посетившего Самарканд 1404 году испанского посла Руи Гонсалеса де Клавихо, "в городе Самарканде соблюдается законность, так что ни один человек не смеет обидеть другого или совершить (какое-либо) насилие без приказа сеньора (Амира Темура)".

Влиятельный социальный слой в государстве составляло купечество, которому принадлежала важная роль в экономике государства. Крупное купечество сосредоточилось при Амуре Темуре, в основном, в торгово-ремесленном центре - Самарканде. К этому времени была уже выработана сравнительно развитая техника коммерческих операций - использовались векселя, составлялись письменные соглашения. Купечество объединялось в особые корпорации - торговые кампании. Богатое купечество отличалось от других торговцев, так что на торговых людях также можно было проследить социально-имущественное расслоение населения. Особую группу среди них составляли участники международной торговли-туджары, выделяющиеся своим имущественным положением и возможностями от "базарного люда" (ахл-и базар). Последние, в свою очередь, делились на разные в имущественном отношении группы. Алишер Навои, например, отличает рыночных торговцев ("саудагарлар") от городских перекупщиков ("шахарда олиб соткучилар"). Активную

роль в торговле принимали скупщики товаров и ростовщики, при этом одно и то же лицо в одно и то же время могло быть скупщиком, торговцем и ростовщиком. Торговцам-скупщикам, как показывают конкретные документальные данные, принадлежала решающая роль в реализации продукции ведущей отрасли ремесла в Маверауннахре - текстильных изделий.

В зависимости от кредиторов-ростовщиков находилось значительное число мелких производителей, связанных с ними письменными долговыми обязательствами. Следует при этом отметить, что крупной торговлей занимались и отдельные богатые землевладельцы и сам верховный правитель, сдававший свои деньги или драгоценности в оборот. Зажиточные люди передавали свои деньги тем, кто посредством торговых операций мог вернуть их им с процентами. Они выступали в качестве компаньонов.

Амир Темур стремился создать благоприятные условия как для внутренней торговли (вспомним перестройку улиц Самарканда и строительство новых торговых помещений), так и для внешней.

Основной целью купца была покупка товаров не для собственного потребления, а для последующей продажи с целью получения прибыли. Трудно не согласиться с мнением, высказанным Навои: “купец - писал он,- не должен для себя хлеб и мясо жалеть, а потом из-за этого болеть”. Купцы выполняли функции посредника между производителями и потребителями. Часть их занималась и ростовщичеством. В роли ростовщика выступали также саррафы - менялы, занимавшиеся обменом денег. Амир Темур принял ряд мер для упорядочения внутренней торговли. Он пытался провести политику по установлению цен и строго наказывал за повышение цен на рынке.

Торговцы разворачивали свою деятельность не только в городах. Они были и в селениях. Часть торгового населения проживала за пределами города: в караван-сараях, вокруг базаров, вдоль дорог, в том числе в тех постройках, которые были возведены вокруг Самарканда по распоряжению Амира Темура. Основой их торговли являлась как продукция местных

ремесленников, так и транзитный товар. Купцы везли с собой не только товар. Они поставляли и новые вести, выступали в роли осведомителей о политико-экономическом положении других стран, быта, обычаев и верований разных народов. В определенной степени они были и распространителями культуры: везли с собой рукописные книги, писчую бумагу, выпитывали в себя и передавали фольклорный материал. При посредстве купцов, разъезжающих по дальним странам, распространились с Востока на Запад такие слова, как: танга(теньга), товар, казна, базар, караван, караван-сарай, ямщик и др. К терминологии, бытовавшей на Востоке и укоренившейся в Европе в результате торгово-экономических связей между странами, можно отнести слово “чек”.

Темур активно выступал за прекращение разбоев на дорогах, нападений на купцов и их караваны. Об одном из подобных его дел мы узнаем из сообщения Шараф ад-Дина Али Йазди, автора “Зафар-наме”. Согласно информации ученого, Амир Темур приказал вернуть товар купцам, отнятый у них его военачальниками.

Наиболее полезную часть городского населения составляли ремесленники. Они были основными производительными силами города и Амир Темур уделял им особое внимание. Мы, например, располагаем ценной информацией Ибн Арабшаха о распределении Амир Темуром ремесленников соответственно их профессиям. По его словам, все самаркандские ремесленники одной специальности должны были объединиться в профессиональные группы, во главе которых стояли мастера - саркары, т.е. мелкие производители объединялись в профессиональные корпорации - цеха и должны были подчиняться цеховому старшине. О том, что “всевозможные умельцы и мастера” были “распределены по определенным улицам”, имеются сообщения и у Клавихо.

Ремесленники, как и другие социальные группы населения города, состояли из разных специалистов. В целом деятельность всех их, независимо от профессии, в конце XIV-XV вв. значительно активизировалась. Большая строительная деятельность, развернувшаяся в рассматриваемый период, отражена в письменных источниках не только

перечислением возведенных монументальных зданий, но и специальностей: зодчих, разметчиков, кладчиков, штукатуров, мастеров художественного орнамента, кирпичников, мастеров, изготавливавших изразцовые облицовочные плитки, камнетесов, резчиков по ганчу, дереву и мрамору, обжигателей алебаstra и других. Обширен был список тех, кто работал в библиотеках. Среди них называются: библиотекари (китабдар), обычно высоко квалифицированные специалисты, мастера художественного письма, живописцы-миниатюристы, оформители-декораторы, переплетчики и другие узкие специалисты.

Обычно к собственному имени мастера-уста, когда в том или ином письменном источнике речь шла о конкретной личности, добавлялось его профессиональное прозвище, что подтверждало его квалификацию, в отличие от других горожан и, в определенной степени, отражало уважительное отношение к мастеру со стороны жителей. Широко известны были имена высококвалифицированных мастеров. Конкретные данные позволяют установить, что в конце XIV-XV веков, как и позже - в XVI веке, существовала узкая специализация - каждый вид готовой продукции, а во многих случаях и отдельные детали вида изделия, изготавливались профессионалом, специализировавшимся именно на производстве данного предмета. В результате, применительно к рассматриваемому времени, основываясь на конкретных фактах, можно говорить о наличии в крупных городах Маверауннахра около двух сотен ремесленных профессий. Однако, в имущественном и даже в правовом отношениях ремесленники были неоднородны.

Верхушку мелких производителей составляли цеховые старшины, из среды которых выделялись те, кто уже сам непосредственно не занимался изготовлением ремесленной продукции, хотя и имел собственную мастерскую. Часть их и их сыновья пополняли ряды просвещенной части общества и могли стать поэтами, писателями, учеными.

Основной фигурой в городском ремесле оставался мелкий производитель, самостоятельно работавший и сбывавший свою продукцию единолично. Некоторые из них владели

мастерскими, другие - арендовали лавки-мастерские, принадлежащие крупным землевладельцам и зажиточным слоям городского населения. Были и такие специалисты, которые имели лишь свои орудия труда, а часть, владея специальностью, нанималась на работу, обеспечиваясь за свой труд пропитанием и одеждой и небольшим вознаграждением, которое они получали по истечении срока найма. Эта группа мастерового люда была близка, в имущественном и правовом отношениях, к городским низам населения.

Изготовление ремесленной продукции, в основном, было связано с мастерством ремесленника. Дошедшие до нас великолепные ремесленные изделия, здания медресе, мечетей, ханака, гробниц и т.д. свидетельствуют о высокой производительности ручного труда мастеров времени Темура. Тонко разработанные технические приемы, приобретенные в результате многолетнего опыта, знания секретов ремесла мастера передавали обычно своим детям, в большинстве случаев старшему сыну. Но в отдельных случаях, особенно в тех отраслях, где нужны были дополнительные рабочие руки, практиковалось привлечение учеников - шагирдов со стороны. Это нашло отражение в письменных соглашениях, заключенных между мастером-учителем и одним из членов семьи ученика (в известных нам договорах - матери, старшего брата, реже - отца), на попечении которого находился мальчик, поступающий на обучение. В договоре указывалось имя мастера-устада и будущего его ученика, (или матери последнего, старшего брата или отца), дата заключения соглашения, специальность, которую должен был приобрести ученик, срок обучения, обязанность ученика выполнять распоряжения мастера - хозяина, если они, как оговаривается в текстах договоров, не противоречили нормам шариата. Эти договора составлялись в канцелярии местного судьи и скреплялись печатью казия. Анализ имеющихся в нашем распоряжении материалов дает основание считать, что ученики со стороны составляли еще один социальный слой лиц, занятых ремесленным трудом. Их положение, особенно в период до приобретения специальности, было незавидным. Но следует, отметить, что сама практика составления письменного договора

между мастером и учеником в определенной степени отражает стремление органов цехового управления контролировать обучение и в какой-то мере оградить интересы ученика.

Ремесленники принимали активное участие в пышных праздниках, устраиваемых по распоряжению Амира Темура. На специально выделенном месте они обязаны были выставить на показ свою продукцию и здесь же производилась их реализация. Выставленная на показ продукция наиболее талантливых мастеров была описана присутствовавшими на торжествах Ибн Арабшахом, а также - Шараф ад-Дином Али Йазди.

В результате совместных действий местных и иностранных специалистов получился некий синтез мастерства ремесленников Маверауннахра и других стран.

Стремление Амира Темура развивать ремесленное производство, как и урегулировать рыночные цены на изделия ремесла, о чем находим сведения в письменных памятниках, было направлено на расширение спроса потребителей, дальнейшее развитие ремесла, на создание великолепных зданий, некоторые из которых, по мнению Клавихо, вызвали бы восхищение и у мастеров-строителей дворца в Париже.

Особое место среди городского общества занимали музыканты, певцы, танцоры, канатоходцы, демонстрировавшие свое искусство на площадях в праздничные дни и на торжествах по случаю увеселений в связи со свадьбой или другими семейными событиями представителей правящего дома. В специально отведенных городских площадях отмечались победы и дипломатические успехи Амира Темура. В таких случаях на площади собиралась огромная масса людей - "простые и благородные", "вельможи и простой народ". В обычные же дни многие из актеров - танцовщики, артисты т.н. цирка зарабатывали себе средства на существование выступлениями на базарах.

Часть городского населения составляла беднота, определяемая разными терминами: йатим, аубаш, ринд, аййар и другие. Термин йатим, буквально обозначающий "сирота", использовался также в значении "низший слой населения". Все эти социальные термины, которые авторы средневековых

сочинений использовали для обозначения низших слоев городского населения, включали в свое содержание понятия: “задиры”, “наглый”, “дерзкий люд”, и часто характеризуются писателями той эпохи, как смелые люди, “не боявшиеся смерти”. Средневековые авторы характеризуют их, как активных участников обороны города от нападений соседних правителей и чужеземцев. Вместе с малообеспеченными представителями ремесленного населения они участвовали в социальных движениях в борьбе за справедливость. Их объединяла общность классовых интересов. Самую низшую социальную ступень в феодальном обществе занимали рабы. В их число не включались пленные. Пленные (асир) юридически не считались рабами.

В целом в годы правления Амира Темура, как показывает анализ материалов письменных источников, значительно возросло число жителей Самарканда, в основном, за счет ремесленников и торговцев. Пополнились также ряды ученых, врачей, знатоков мусульманского права, каллиграфов, художников, искусных мастеров. Амира Темура окружала плеяда поэтов, писателей-историков, чьи имена и сочинения стали известными далеко за пределами Маверауннахра. Он любил беседовать с выдающимися людьми своего времени, выслушивать их и делать на основании этого соответствующие выводы.

В целом социальный состав населения Маверауннахра несколько изменился. В определенной степени наблюдаются изменения и в составе городской знати: старая аристократия была потеснена новой.

Согласно распоряжению Амира Темура, возникли новые поселения, расположившиеся, в основном, вдоль дорог на трассах Великого шелкового пути. В них тоже заметную роль стали играть торговцы и ремесленники. Общее число мастеров-уста и их вес в экономической жизни страны значительно увеличились.

К изложенному выше следует добавить: в эпоху Амира Темура и Темуридов, как и в другие времена, социальное положение человека отражалось в его быту и костюме. Даже такая деталь, как навертывание чалмы, а также ее размеры,

как и длина, и сорт ткани, в зависимости от принадлежности данного лица к той или иной социальной группе населения, могли быть разными. Так, студенты медресе носили чалму со свисающим концом.

Великолепные халаты, расшитые золотом и драгоценными камнями от воротника до подола, окаймленные золотым шитьём, резко выделяли представителей аристократических кругов горожан от общей массы населения. Высокоставленные эмиры одевали дорогостоящие халаты из кимхаба. В расчете для удовлетворения потребностей и запросов узкого круга аристократов изготавливались в Самарканде особо ценные ткани и одежда. Клавихо заметил и описал великолепную одежду темуридских вельмож, украшенную крупным жемчугом, сверленным и несверленным, рубинами и другими драгоценными камнями, “очень красиво вставленными”. Красочно описал посланец кастильского короля богатые платья жен Амира Темура. Красивыми украшениями, дорогой тканью, позолотой выделялись шатры Амира Темура и его приближенных. Своей одеждой выделялись и съезжавшиеся из разных стран послы и иностранные купцы.

Торговые пути¹

В конце XIV-XV вв. многочисленные караванные дороги связывали Маверауннахр с крупнейшими городами и странами Азии и Европы, Ближнего и Среднего Востока. Проложенные подвижными кочевниками, смелыми купцами разных стран и отважными путешественниками задолго до рассматриваемого периода, эти пути были основными артериями, по которым осуществлялись политические, экономические и культурные связи государства Темура и Темуридов. Именно караванные пути, следующие из разных стран в Маверауннахр, служили основными дорогами и для военных походов Темура и Темуридов. И невозможно четко отделить караванные пути от дорог завоевательных походов, осуществляющихся в разных направлениях. Поэтому, прослеживая путь некоторых военных походов Темура, можно установить и отдельные участки

¹ “Торговые пути” написан Г.А.Агзамовой.

караванных дорог, по которым передвигались товары из Маверауннахра в соседние регионы.

Амир Темур, поставивший цель создания великой империи, отлично понимал значение существовавших к этому времени караванных дорог и искусно использовал их в своей завоевательной политике.

Караванные пути, связывавшие Маверауннахр с внешним миром, можно условно разделить на две группы: пути, ведущие на север, и пути, ведущие на юг. При этом они разветвлялись на части, приобретая новые начертания дорог, идущих до определенного места, и это расширяет понятия “северное” и “южное” в западном и восточном направлениях.

Центры Маверауннахра имели тесные торгово-экономические связи с наиболее крупными центрами, входившими в определенные периоды времени в состав Золотой орды. В их число входили Сарай-Бату, Сарай-Берке, Сарайчик, Старая Казань, Хаджи-тархан (Астрахань), Тюмень (Чинги-Тура), Сыгнак, Сауран, Ясси, Отрар и другие.

Купечество из крупных городов Маверауннахра имело возможность направляться к пределам Золотой орды с двух сторон: через южноказахстанские степи и через Хорезм.

Наиболее оживленной была караванная дорога, идущая из крупных центров торговли и ремесла Маверауннахра в присырдарьинские города. Закономерная потребность в обмене товарами ремесленного производства и продукцией животноводства оазисов и кочевых степей способствовала возникновению этой дороги. В рассматриваемый период данная дорога начиналась в стольном городе Самарканде. При этом купцам, направлявшимся к городам, расположенным на юго-восточных границах Золотой орды, приходилось преодолевать долгий и изнурительный путь, хотя вдоль дорог в XIV-XV вв. уже были возведены новые караван-сарайы и стоянки. Первым местом, где они могли отдохнуть и собраться с силами для дальнейшего следования было селение Шираз, основанное по велению Амира Темура и расположенное в окрестностях Самарканда.

По данной дороге купцы следовали, далее, по обширной и безводной Джизакской степи. Эта дорога выводила их

к берегам Сырдарьи. Переправившись через реку у Чиназа, купцы подходили к Ташкенту. “Мирза Улугбек перешел реку Ходжент через переправу Чиназ”, - говорит историк.

Из Ташкента караванная дорога шла к присырдарьинским городам - Ясси, Саурану, Сайраму, Отрару и другим. О дороге, ведущей из Самарканда в Ташкент, упоминает Низам ад-Дин Шами, рассказывая о походе Темура в Дашт-и кипчак. “Темур собрал войска и выступил из Самарканда в Ташкент”, - упоминает Низам ад-Дин Шами, рассказывая о походе Темура в Дашт-и кипчак. “Темур собрал войска и выступил из Самарканда... Перейдя Ходжентскую реку, он провел зиму в местности Ташкент...”, - читаем в “Зафарнаме”.

Существовало ещё и другое направление пути из Самарканда к присырдарьинским городам. Об этом свидетельствует выбор Амиром Темуром пути при задуманном им походе в Китай в 1404 г. Из описания Шараф ад-Дина Али Йазди выясняется, что данная дорога из Самарканда в Отрар шла через местности Карабулак и Илан-уты. Позже, в начале XVI в., через Илан-уты и Карабулак караван проходил и останавливался в этих населенных пунктах по пути следования в Самарканд (Захир ад-Дин Мухаммад Бабур). Далее следовали пункты Ташлык, Аксу-лат, Узун-Ата, стоянка Пулад-ходжашайх, Суткент, Камар-ша-Ата, Султан-шайх и из него в селение Зернук. Отсюда дорога подходила к Сырдарье. Здесь путникам предстояло перебираться через реку и следовать далее по направлению к Отрару. Сведения о данной дороге содержатся и в источниках более раннего времени.

Самарканд и Бухару с присырдарьинскими городами связывали и другие пути. Один из них шел из столицы империи через Джизак и одноимённую степь на Сырдарью. Важным торговым пунктом на этом пути была крепость Аркук. Здесь сходились пути купцов Самарканда и Бухары, так как существовала и самостоятельная дорога из Бухары в Аркук. “Крепость Аркук-пограничная застава Туркестана, и потому для каждого, кто из Бухары и Самарканда отправляется в путь в область Туркестана, первым его местопребыванием является эта важная крепость и первым его местожительством это озаренная счастьем касаб”, - пишет Ибн Рузбехан (нач. XVI в.).

Купцам, следовавшим по данному пути из Бухары в сторону Туркестана, приходилось преодолевать множество местностей, включая безводную Бухарскую степь. Первая стоянка на этом пути, Каср-и арифан, находилась в двух фарсах от Бухары. Далее пунктами остановок были Багазидих и Гиждуван. Затем шла почти безводная пустыня. “Эта пустыня-четырнадцать дней пути по степи, где совершенно невозможно представить себе возделанного поля, ибо в середине её только в одном месте есть вода, получившая название Дурт-куй, (Дурт кудук), на том основании, что в середине пустыни только четыре колодца и другой воды не имеется”, - писал Ибн Рузбехан. Он же определил расстояние пути от Аркука до Бухары - в 14 дней хода, а от того же Аркука до Самарканда - в 7 дней. В Аркуке была переправа, связывавшая пути купцов Маверауннахра и Дашт-и кипчака. Первым пунктом остановки путников, переправившихся через реку у Аркука, был город Ясси. “Через неё (Аркука) проходит дорога в восточные крепости Туркестана, как-то Йасси, Сайрам и другие владения”, - читаем у того же Ибн Рузбехана.

Присырдарьинские города являлись связующими звеньями обширных регионов. Здесь встречались купцы, путешественники, представители различных религий оазисов Маверауннахра, степей и городов, окраинных владений, Дашт-и кипчака, Моголистана, Китая и других стран. Сауран, Сыгнак, Отрар, Ясси являлись крупными торговыми центрами, где скрещивались пути из разных стран. Здесь часто останавливались и купцы из Бухары, Самарканда, Ташкента и других городов Маверауннахра.

Одной из дальних и важных для Маверауннахра дорог являлась дорога, ведущая в Китай. Согласно сообщению об отправке Улугбеком двух послов: - Султан-шаха и Мухаммада Бахши, их путь шёл от Самарканда по Ташкентской дороге. Из Ташкента послы отправились в Сайрам, а оттуда - в Ашпару, и затем они направились в “страну (Иль) Могул”. Политическая ситуация, сложившаяся ко времени прибытия в Моголистан (15 мая 1420 г.) послов Улугбека, заставили их задержаться. Только через 15 дней им удалось продолжить путь в направлении Китая, следуя через город Билгут, реку

и область Юлдуз. В дальнейшем “путь (их) пролегал через высокие горы(и) прошли (они) через ущелье и горы; шёл дождь и град”.

Следующими пунктами остановок в пути были города Турфан, Караходжа, посёлок Суфи-Ата, город Комул. С последнего пункта “дорога в большей части пролегла по пустыне” и приближалась к пункту, “от которого до Сукджу, являвшегося первым городом китайцев и их заставой, десять дней пути по пустыне”. Далее по пути находилась северо-западная застава Минской империи-крепость Караул.

Описанный путь из Средней Азии в Китай отражает его северное направление. Существовало и южное направление, соединяющее империю Темура и Темуридов с Китаем. Об этом свидетельствует путь возвращения послов Улугбека из Китая. Пройдя Караул, они двигались по пустыне к Хотану, далее дорога шла до Кашгара, а оттуда к “Андижанскому перевалу, здесь находились разные пути: Самаркандский, Каратетинский, Бадахшанский и другие.

Из Сайрама, Отрара, Ясси, Сыгнака и Саурана темуридские купцы отправлялись в города, находившиеся на севере и северо-западе. В названных городах разветвлялись основные пути. Одна из дорог связывала Маверауннахр через область Яссы (Туркестан) с отдалённым краем - Сибирью. Дорога проходила из области Туркестана вдоль Сары-су мимо Улуг-тага к верховьям Ишима, затем доходила до Тобольска, Тюмени, Искера и Туры. Конкретные данные относительно этой дороги неизвестны. По сведениям более позднего времени (XVI-XVII вв.) дорога от Тобольска до Туркестана преодолевалась “средним ходом” за два месяца, “скорым” - за тридцать дней, “тихим ходом” - за девять недель. Дорога от Тобольска в “Бухарию” проходила по Иртышу, через Вагай-реку, минуя озеро Якки-шул, речку Кара-су, бор Шанши-карагай и оттуда выходила на вершину Ишима-реки, на Каменный брод. Ориентирами дороги от этого места до Туркестана служили речки Терсазар, Сары-су, Тарганская, Улуг-таг, вершина речки Чиганамака, озеро Тыныркул, речка Тургай, урочища Кашаун, Кручин-куш. Это место являлось связующим звеном, где сходились и другие пути.

Далее дорога проходила через урочище Тюмен-карагай, оттуда в “Юзуганд” (Узгенд) и через казахские города в Туркестан.

Об одной из дорог, связывавших Маверауннахр с Золотой Ордой, мы узнаём по описанию Низам ад-Дина Шами. Повествуя о походе Амира Темура в Дашт-и кипчак, он упоминает основные переходы и пункты остановок в пути. Согласно его данным, выбранная Амиром Темуром дорога проходила из туркестанских городов в Карачук, Джадид, Сарай-Берке, Сарайчик, Хаджи-тархан и другие. Эта была одна из дорог, связывавших города Туркестана с берегами Волги.

С городами Золотой Орды, Волжского побережья Маверауннахр связывали дороги, которые также проходили через туркестанские города. Политическая жизнь и бурные события в западных и северо-западных пределах Маверауннахра нередко заставляли купцов выбирать более длинные пути, проходившие через южные области современного Казахстана. Одной из них являлась дорога из Туркестана в Хаджи-тархан. О существовании пути с низовьев Волги в туркестанские города свидетельствуют данные начала XIII в. Примером может служить маршрут пути Плано Карпини и Рубрука в Китай, по пути к которому на Сырдарье”... стоит некий город, именуемый Янкинт (Янгикент), другой по имени Барчин и третий, именуемый Орнас” (вероятно, имеется в виду Куня-Ургенч).

Судя по данным источников, доходившая до Аральского моря дорога в дальнейшем направлении раздваивалась: одна шла по юго-восточному побережью Аральского моря в Хорезм, другая, обходя Аральское море с северо-востока, шла на Сарайчик и оттуда к берегам Волги.

Самарканд, Бухара и другие города Маверауннахра были связаны с городами Золотой Орды и путями, проходившими по территории Хорезма.

Торговые караваны, навьюченные разнообразными изделиями мастеров-ремесленников крупных городов Маверауннахра, отправляясь в путь в Поволжье и далее на север и северо-запад Европы, выбирали, обычно, из множества дорог ту, которая вела по местностям, политически наиболее

устойчивым, а также с учетом климатических условий в соответствующее время года. Для караванов, отправлявшихся в путь в северо-западном направлении, большой и трудной преградой была Амударья. Смелость и находчивость проводников караванов позволяли умело использовать в качестве переправ те места на реке, через которые её было наиболее легко пересечь. Самым крупным и важным пунктом была переправа у Амуля. Из этого пункта дорога проходила по берегу Амударьи через остановки Испас, Тахт, Тахирия, Дарган-Ата, Джигарбанд, Дихканишир, Садвар, Хазарасп.

Караваны, следовавшие из Самарканда и Бухары могли переправляться через реку и у Хазараспа, и в местности Кукертли, и у Ханки и Кята. Последняя переправа в XIV-XV вв. была хорошо известна среди населения Маверауннахра. Именно, следуя этим путем, Амир Темура предпринял свои (первый и третий) походы в Хорезм. Эта дорога проходила между Кятом и Бухарой. Более подробное описание данной дороги имеется у Ибн Баттуты, посетившего Среднюю Азию в XIV в. Он пишет, что из Кята "... ехали по дороге, известной как Сибайа, в этой пустыне шесть дней ехали без воды. Затем мы достигли города Вабканат. Он находится на расстоянии одного дня пути от Бухары. Затем мы ехали среди сплошных садов и каналов, деревьев и обработанных полей и прибыли в город Бухару".

Большим перевалочным пунктом по дороге из Маверауннахра в столицу Золотой Орды и земли, соседствующие с ней, был город Ургенч, в котором до конца XIV в. сосредотачивалась внутренняя и внешняя торговля Хорезма. На его базарах шла бойкая торговля местными и иноземными товарами. Он также являлся крупным перевалочным пунктом. Через него транзитом проходили караваны из южных стран в Золотую орду, Поволжье и далее в Европу.

Из Ургенча караванная дорога шла к реке Эмба и оттуда к реке Сагиз, на которой находился брод из обтёсанных камней. Далее через несколько остановок дорога доходила до Сарайчика. На всем протяжении этой дороги было построено 15 караван-сараяв и вырыты колодцы на расстоянии одного дня перехода (около 30 км).

В Сарайчике дорога разветвлялась на два направления: первое из них вело в столицу Золотой Орды и Астрахань. На преодоление северного направления, соединявшего Сарайчик со столицей Золотой Орды, требовалось 10 дней ходу.

Направление дороги из Сарайчика в Астрахань на берегу Волги было хорошо знакомо купцам. Астрахань была перевалочным пунктом на этой дороге. Часть товаров из Маверауннахра и Ургенча через Маджар, Азак и Аккерман попадала в страны Западной Европы.

Астрахань соединяла также пути среднеазиатских купцов с путями, ведущими в крупные города Поволжья и русские удельные княжества. Караваны, направлявшиеся из Хаджи-тархана на север, имели возможность идти к месту назначения либо сухим путём, либо водным. На протяжении этого пути находились такие крупные города, как Сарай, Сарай ал-джадид, Укек, Булгар, Казань, а за пределами Золотой Орды - земли Нижнего Новгорода, Владимира, Суздаля, Москвы и других городов России. Так, в "Летописи Аврамкия" повествуется о событиях XIV в., связанных с ограблениями купцов "ушкуйниками", занимавшимися нападениями на суда, на которых перевозились разные товары. Сообщается, в частности, о возмущении князя Дмитрия Донского, узнавшего о разграблении ушкуйниками бухарских и самаркандских купцов, "своих гостей".

Маверауннахрские купцы вели оживлённую торговлю и со странами, находившимися к югу-западу от Среднеазиатского междуречья. Через переправу у Амуля дорога из городов Маверауннахра лежала в Хорасан. Большим перевалочным пунктом на этом пути являлся торгово-экономический центр, средневековый Мерв. Расстояние от Амуля до Мерва измерялось 36 фарсахами и шестью днями пути. Далее дорога вела в Серахс, откуда купцы направлялись в Нишапур. На преодоление этой части дороги требовалось шесть дней. Из Нишапура дорога проходила через Исфарайн, Джаджерм, Бистам, Дамган, Синан, Рей и из Керманшаха доходила до Хамадана, купцы могли продолжить свой путь до Шемахи. На протяжении всей этой дороги одним из ключевых городов был Нишапур. В этот крупный торгово-

экономический центр Хорасана устремлялись купцы разных стран. Маверауннахрский купец, доехав по вышеприведенной дороге до Нишапура, мог добраться через Мешхед в Герат, Кабул или же из Герата в Кандагар.

Дорога из Маверауннахра через Мерв в Нишапур в определенной мере имел транзитный характер. Торговые караваны, навьюченные продукцией ремесленников Самарканда, Бухары и других городов за Джейхуном (Амударьей), останавливались в Нишапуре на большой привал. Из этого города они направлялись в далёкие страны. Одной из оживлённых дорог была та, которая вела в “Город мира” - Багдад. Из Нишапура дорога проходила через Дамган, Синан, Рей, Казвин. Из последних двух городов шла караванная дорога, ведущая в Хамадан-большой торгово-экономический центр Ирана, где сходились пути из Малой, Передней и Средней Азии. По дороге из Хамадана в Багдад лежали Асабад, Керманшах, Хульван, Дастагерд, Нахраван. Прибывшие в Багдад купцы могли через Самару, Текрит, Халисса, Мардин прибыть в Мосул и оттуда в другие города Малой Азии, находившиеся на северо-восточном берегу Средиземного моря. Из Мосула дорога проходила также через города Хама, Хумс, Дамаск и вступала в земли Египта. В “Истории Амира Темура” Ибн Арабшах упоминает о передвижении Амира Темура из Багдада в Мосул с пунктами остановок в Текрите и Мардине.

В Хамадане пересекались и дороги, связывавшие крупные торгово-экономические и политические центры, находящиеся к северу и северо-западу от него. Одной из таких была дорога, проходившая через Зенджан. У последнего пункта дорога раздваивалась: одна шла в Тебриз и далее в сторону Армении, другая - в Ширван. Первая ветвь этой дороги шла через Ардебил, Берзанд в Бердаа, где она вновь разветвлялась: одна шла к северо-востоку, в Шемаху, другая по северо-западному направлению в Гянджу. Левая ветвь караванной дороги из Зенджана через пункты Миане и Уджан шла в большой торгово-экономический центр Южного Азербайджана - Тебриз. Проезжавший через него Клавихо отмечал: “В городе много хорошо устроенных улиц и преулков, где продают разные товары и расположены хорошие лавки. Среди этих

улиц и переулков находятся большие дома со множеством ворот, похожие на алькассерии, а внутри их жилые помещения и магазины, где расположены различные хорошо устроенные лавки”. О данной дороге сообщает и Ибн Арабшах в рассказе о походе Амира Темура в Хамадан и Тебриз. От последнего дорога проходила через Маранд, Нахичевань и доходила до крупного торгово-экономического центра Дабили, недалеко от Еревана.

Маверауннахрские купцы пользовались и другими караванными дорогами средневекового Ирана. Одной из них была дорога, ведшая купцов из Рея в Исфахан и оттуда в большой торговый и культурный центр Ирана Шираз. В рассматриваемый период дорога от Рея проходила через реку Об-и шур, “по кирпичному арочному мосту”, и в 15 фарсах от Рея находился пункт остановки-селение Мешкуя. Далее, дорога раздваивалась у пункта Савэ: правая вела в Хамадан, левая в Исфахан. По всей линии данной дороги по ее левому направлению лежали следующие пункты остановок: Авэ, Кум, Кашан, Кухруд, и доходила она до Исфахана. Из последнего дорога шла в Шираз через Кумыше, Йездехасат, Маин. Именно этим путем из Шираза в Исфахан прошли войска во главе с Амиром Темуром. “Его величество изволили остановиться на несколько дней в Ширазе. По приведению в порядок государственных дел Фарса направился в Исфахан”.

Темур следил за благоустройством и безопасностью караванных дорог. Однако, по свидетельству современников, эти дороги далеко не всегда были безопасны. Ибн Арабшах рассказывает о некоем Джамал Луке-арабе из племени Хафана, который занимался разбоем на караванной дороге между Йаздом и Ширазом.

Маверауннахрские купцы вели оживлённую торговлю и в других социально-экономических центрах средневекового Ирана. Таким центром являлся Керман. Более посещаемой дорогой в Керман была та, которая проходила через Нишапур. Обычно данная дорога брала начало у Нишапура и шла в южном направлении. Пройдя через пункт Туршиз и разветвляясь от Гунабада, дорога вступала на земли Кухистана. Правое направление дороги, пройдя через Тун, Хур, Нейсбанд

и Равер, подходило к Керману. По пути тех, кто выбирал левое направление из Гунабада в Керман, лежали пункты остановок Каин, Бирдженд, Хусп, Ниме, Хабис.

Караваны среднеазиатских купцов, послов, и путешественников, выезжавших из Бухары или из других городов Средней Азии, пользовались переправами через “великую реку Джейхун” у Земма (Керки), Келифа и Термеза. Эти переправы являлись как бы воротами, через которые осуществлялись связи с народами, населявшими территории, граничавшие с Маверауннахром на юге. У этих переправ были расположены таможенные посты, имелись лодки для перевозки товаров и людей через реку. Особой известностью пользовалась переправа у Термеза.

Клавиho так описывает порядок переправы у Термеза: “А по реке ходят лодки и перевозят людей с одного берега на другой... Никому из Самаркандского царства не разрешается переезжать на лодке (на другой берег), если он не покажет грамоту или указ с разрешением и указанием откуда и куда направляется, даже если бы он был из соседних (владений). А кто захочет перебраться в царство Самарканда, может это сделать без предъявления какой-либо грамоты. К этим лодкам за переезд царь приставил большую стражу, и она собирает значительную пошлину с тех, кто пользуется ими”.

Путь купцов из Самарканда проходил через Кеш, где он пересекал Кашкадарью и у Карши сливался с дорогой, которая шла из Бухары. Далее дорога вела на юго-восток, где значительным пунктом, в стратегическом и торговом отношениях, были Железные ворота - Дар-и Аханин. Это было знаменитое место прохода караванов в горах Байсунтау. Узкое ущелье длиной около 3 км и шириной 20 м. было местом, где проходили караваны из Маверауннахра в Индию и другие страны, здесь находилась таможня. “А этот проход в горах называется Железные ворота, и во всей этой (местности) нет другого прохода, кроме этого. Он защищает Самаркандское царство со стороны Малой Индии. И нет иного прохода, чтобы проникнуть в земли Самаркандские, кроме как через него. Этими Железными воротами владеет сеньор

Темурбек. И они ежегодно приносят ему большой доход, так как (через них) проходят купцы, идущие из малой Индии в Самаркандское царство и в земли севернее его”, - писал Клавихо.

Из Маверауннахра через указанные переправы шло несколько караванных дорог, связывавших его с такими крупными торгово-экономическими центрами Азии, как Герат, Кабул, Кандагар и другие города Ирана и Афганистана. Одной из оживлённых дорог была та, которая связывала два крупных центра политической, экономической и культурной жизни темуридского государства - Самарканд и Герат. Она проходила из Термеза через Сияхгирд в Балх. Из Маверауннахра в Балх вела и другая дорога, которая проходила через переправу Келиф. Следующими пунктами дороги из Балха по направлению в Герат были Унпейкам, Сидра (Акча), Шапурган. Расстояние между Балхом и Шапурганом измерялось 18 фарсахами. Из Шапургана дорога шла в Андхой. У последнего пункта она сливалась с той, которая шла от переправы Керки. С этого пункта дорога направлялась по левому берегу реки Аб-и Андхой, пересекая реку Аб-и Кайсар, и доходила до Меймене. Дальше по пути следования караванов располагался крупный торгово-экономический центр - Талекан. Купцы затем доходили до Мерверруда, откуда дорога резко поворачивала на юг и шла по левому берегу р. Мургаб. Ниже Дизе, после пересечения реки, дорога шла на юго-запад и, пройдя через Кала-и нау и Каррух, вступала в Герат, второй в экономическом и политическом отношении после Самарканда город в государстве Темуридов. Это была наиболее посещаемая и хорошо охраняемая дорога, связывавшая два крупных центра государства Амира Темура и Темуридов.

Прибывшие в Герат маверауннахрские купцы и путники могли продолжить свое путешествие по разным направлениям. Одним из наиболее посещаемых купцами мест был Кандагар, лежащий по пути в Индию.

Дорога с запада, со стороны Герата в Кандагар, шла на юг и проходила через Малан, Адрескенд, Исфизар, Фарах, где купцы обычно останавливались для продажи части своих

товаров. От Фараха дорога резко поворачивала на юго-восток. Следуя по ней, караван имел возможность остановиться в Баква, где было удобно пересечь реку Хашруд и Хильменд. Преодолев их, караван вступал в город Фирузванд. Отсюда дорога шла на юго-запад, где местом остановки был город Буст, имевший большое торгово-экономическое значение в период всего средневековья. Это было западное направление пути в Кандагар, которое обычно именовалось “хорасанским” и широко использовалось купцами Хорасана в торговых сношениях с Индией. Этой же дорогой довольно часто пользовались и купцы Маверауннахра.

Другая дорога, связывавшая Маверауннахр с Индией, шла через Кабул. Захир ад-Дин Мухаммад Бабур отмечал, что между Индией и Хорасаном имеются дороги, ведущие через два крупных торгово-экономических центра Востока-Кабул и Кандагар. “В Кабул, - писал он, - приходят караваны из Кашгара, Ферганы, Туркестана, Самарканда, Бухары, Балха, Хисара и Бадахшана. Из Хорасана караван приходит в Кандагар. Эта область связывает Индию с Хорасаном”.

Маверауннахрские купцы, направлявшиеся в Кабул и через него в Индию, вступив в Балх, шли на Мазари-Шериф, а оттуда через Наибабад доходили до Хульма. Здесь дорога раздваивалась. Одна шла на Восток - в область Бадахшана и далее. Второе направление вело караван на юг. По данной дороге купцы направлялись в Семенган (Хейбак), где путь в Кабул также раздваивался. Оба направления дороги вели от Хейбака в торгово-экономический центр Парван. Правое направление этих дорог, ведущее в Парван, шло через правый берег р. Хульм и переходило её. Пройдя Мадер, дорога проходила через перевалы и вступала в землю Бамиана. От него шла по направлению на запад - в Гурбенд и оттуда доходила до Парвана. Из Бамиана в Кабул можно было попасть и по другой дороге, которая шла на юг и с перевала Хаджикак поворачивала на запад по направлению к Кабулу.

Левое же направление дороги с Хейбака вело в Баглан и оттуда в Андераб. Далее на караванной дороге находился перевал Хавак. В дальнейшем дорога шла по левому берегу реки Пянджшир и доходила до Парвана. Между перевалом

Хавак и Парваном находились пункты остановок: Фарьяб и Пенджхир. С Парвана дорога шла на Чарикар и Исталиф, откуда приходила в Кабул.

По всей видимости, именно этим путём возвращался из индийского похода Амир Темур. Шедшее через Кабул и местность Сараб, пройдя Баглан, его войско "... достигло Самангана и в этот день, выступив оттуда, остановилось в местности Газник. В субботу двадцать первого числа прибыли в Хульм...", - пишет Гияс ад-Дин, автор книги "Дневник похода в Индию".

Проходивший по этим путям позднее и хорошо осведомлённый о них Захир ад-Дин Мухаммад Бабур отмечает, что между Кабулом, с одной стороны, и Балхом, Кундузом и Бадахшаном, с другой, находятся горы Гиндукуш, через перевалы которых проходят семь дорог. Из них три, находившиеся в Пянджшире, определялись названиями перевалов, через которые они проходили: Жавак (Хавак), Тул и Базарак. Два последних вели в Сараб. Бабур отмечает наличие дорог между Андерабом и Парваном, упоминая при этом несколько раз о "большом перевале". Он сообщает, в частности, о Парванской дороге, которая вела от "большого перевала" до Парвана.

"Большой перевал" можно отождествить, очевидно, с перевалом Жавак (Хавак), который, согласно Бабуру, располагался выше всех остальных в этом направлении пути. По пути в Индию Амир Темур перешел именно через перевал Хавак и здесь, по его приказу, была восстановлена крепость.

Интересны также сведения Бабура о тех перевалах и дорогах, которые в зависимости от времени года приобретали более или менее важное значение для торговых караванов. Так, например, Шибарту важное значение имел в летнее время года, когда в реках вода поднималась и невозможно было проехать по долинам, и купцы через перевал Шибарту шли по направлению к Бамиану и Сайгану. Зимой же обычно шли через Об-дара.

Из Кабула в южном и юго-западном направлении маверауннахрские купцы могли доехать до Кандагара. В этом направлении им приходилось переправляться через р. Кабул

и вступить в город Газну. Оттуда, перейдя рукав р. Газна, дорога шла по левому берегу одноименной реки, а также р. Лор. Недалеко от Тегинабада, после перехода р. Тарнак, купцы вступали в Кандагар.

Дороги между Средней Азией и Индией были оживленными и важными настолько, что они разветвлялись на несколько путей. Один из них шёл из Кандагара на юго-восток, пересекая при этом р. Лор, Каданай, и доходил до Кветты. Здесь дорога разветвлялась на два направления: южное и восточное. Первое через Келат, Кусдар, Бела вело купцов в землю Мекрана - в город Бейбул. По восточному же, более оживлённому направлению от Кветты, проходили караваны из Хорасана, Маверауннахра и других стран в земли Индии. Самым оживлённым на пути был Мультиан, откуда дорога шла в глубь Индостанского полуострова и доходила до города Дели.

В Индию шли дороги и из Кабула. Основная из них шла на восток. Пройдя по правой стороне р. Кабул, она доходила до Джалалабада. В этом пункте дорога раздваивалась. Одна шла в северо-восточном направлении. По нему караваны могли продолжать путь следования через Кунар в город на востоке Кафиристана Читрал. Из последнего можно было продолжить путь через Гильгит до Кашмира.

В Читрал можно было попасть и по второму направлению пути. От Джалалабада он шёл в юго-восточном направлении в сторону Пешавара и от него, повернув на север, дорога переходила р. Кабул и направлялась в город Дир, от которого шла по направлению Читраля. Эти две части дороги особой популярностью у купечества не пользовались из-за трудной проходимости, особенно в зимнее время.

Из Пешавара купцы, направляясь на юго-восток, могли попасть и в другой регион Индии - в Гуджарат. По этому направлению дорога доходила до р. Инд, пройдя Равалпинди, шла в долину Пенджаба, в Гуджарат.

Как свидетельствует Бабур, из Индии выходило четыре дороги. Одна из них связывала Кабул с востоком и называлась "ламганатской дорогой", проходящей через Хейбарские горы, являвшиеся большим препятствием для проходящих караванов.

Помимо “ламганатской”, существовали ещё три дороги, связывавшие Индию с Кабулом. Одна из них шла через Бангаш.

Из Маверауннахра купцы могли попасть в Индию, минуя Балх, а также через дорогу, которая вела в Бадахшан и далее в Тибет.

Таким образом, в конце XIV-XV вв. Маверауннахр связывало с сопредельными странами множество дорог, имевших важную социально-экономическую и в некоторой степени политическую и военную значимость. Эти исторически сложившиеся пути способствовали развитию взаимосвязей разных стран, часто отличавшихся друг от друга состоянием экономики, образом жизни народа, религией, духовной и материальной культурой. В этих условиях караванные пути способствовали расширению и укреплению экономических и культурных взаимовлияний стран и народов.

Использованные источники и литература

І. Источники

Абдураззок Самаркандий. Матлаи саъдайн ва мажмаи бахрайн. Форс-тожик тилидан таржима, кириш сўзи ва изоҳли лугатлар А.Уринбоевники. Тошкент, 1963.

Алишер Навои. Возлюбленный сердец. Соч. Т.Х. Ташкент, 1970.

Амир Темура в мировой истории. Ташкент, 1996.

Бабур-наме. Записки Бабура. Ташкент, 1958.

Бадр ад-Дин Кашмири. Раузат ар-ризван, рук. ИВ АН РУз., инв. № 2094.

Вяткин В.Л. Вакуфный документ Ишрат-хана. Мавзолей Ишрат-хана, Ташкент, 1958.

Гийасаддин Али. Дневник похода Темура в Индию. М., 1958.

Дженкинсон А. Путешествие в Среднюю Азию. 1558-1560 гг. В кн. "Английские путешественники в Московском государстве в XV веке", Пер. С англ. Ю.В.Готье, Л., 1937.

Зайн ад-Дин Васифи. Бадаи' ал-вакаи'. Критический текст, введение и указатели А.Н.Болдырева Т.П., М., 1961.

Ибн Арабшоҳ. Ажойб ал-макдур фи тарихи Таймур-(Темур тарихида тақдир ажойботлари) /I ва II китоб./ Сўз боши, араб тилидан таржима ва изоҳларни У.Уватов тайёрлаган, Тошкент, 1992.

Маджмуъа-йи васайк, рук. ИВ АН РУз, инв. № 1386.

Мактубат ва аснад, рук. ЛО ИВ РАН, инв. № А-210.

Махмуд ибн Вали. Море тайн относительно доблестей благородных /География/. Введение, перевод, примечания, указатели Б.А. Ахмедова. Ташкент, 1977.

Мухаммад Салих. Шейбани-намэ. Спб, 1908.

Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718-1725 гг. М., 1986.

Руи Гонсалес де Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура /1403-1406 гг./. Перевод со староиспанского, М., 1990.

Фасих Ахмад ибн Джамал ад-Дин Мухаммад ал-Хавафи. Муджмал-и Фасихи (Фасихов свод). Перевод, предисл.,

примеч., указатели Д.Ю. Юсуповой. Ташкент, 1980.
Шарафуддин Али Яздий. Зафарнома. Нашрга тайёрлаш, сўз боши, изоҳ ва кўрсаткичлар А.Уринбоевники, Топкент, 1972.

II. Монографии и статьи

Абдуллаев И. О труде современника Ибн Сины ас-Са‘алиби “Латаиф ал-Маъариф”. Общественные науки в Узбекистане. 1980, № 8-9.

Абдуразаков А. История стеклоделия Средней Азии в древности и средневековье /Основные этапы/ Автореф. докт.дисс., Ташкент, 1993.

Алимов У. Ўрга асрларда Мовароуннахрда боғчилик хўжалиги тарихи. Тошкент, 1984.

Амир Темур в мировой истории. Ташкент, 1996.

Ахраров И. Новые археологические материалы с городище Ахсикет XIV-XV вв. Общественные науки в Узбекистане, 1969, № 8-9.

Бартольд В.В. Улугбек и его время. Соч., Т.11, ч.2, М., 1964.

Белиницкий А.М. Из истории участия ремесленников в городских празднествах в Средней Азии в XIV-XV вв. Труды Отдела Востока. Т. II, Л., 1940

Буряков Ю.Ф. Коллекция бронзовых художественных изделий XIV-начала XV века из Самарканда. Общественные науки в Узбекистане, 1969, № 8-9.

Вархотова Д. Художественная керамика XV- начала XVI вв. из Ташкента. Общественные науки в Узбекистане, 1969, № 8-9.

Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М., 1988.

Греков Б.Д. Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М. - Л., 1950.

Кикнадзе Р. Из истории ремесленного производства /кархана/ в Иране XIII-XV вв. Ближний и Средний Восток. М., 1962

Лобашев М.Е. Очерки по истории русского животноводства. М. - Л., 1954.

Массон М.Е. К истории горного дела на территории Узбекистана. Ташкент, 1953.

Махмудов Н. Земледелие и аграрные отношения в Средней Азии в XIV-XV вв. Душанбе, 1960.

- Мукминова Р.Г. К истории ремесленных мастерских (кархана), Средневековый Восток. История, культура, источниковедение. М., 1980.
- Мукминова Р.Г. Очерки истории ремесла в Самарканде и Бухаре XVI в. Ташкент, 1976.
- Мукминова Р.Г. Социальная дифференциация населения городов Узбекистана в XV-XVI вв. Ташкент, 1985.
- Петренко А.Г. Osteологические остатки животных из Болгара. В кн: Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М., 1988.
- Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI-начале XIX вв. Л., 1949.
- Петрушевский И.П. Применение рабского труда в Иране и сопредельных странах в позднее средневековье. К проблеме рабовладельческого уклада в феодальных обществах Передней и Средней Азии. XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960.
- Пугаченкова Г.А. Садово-парковое искусство Средней Азии в эпоху Темура и Темуридов. Труды САГУ, Новая серия, вып. 23. Гуманитарные науки., кн. 4. История. Ташкент, 1951.
- Пугаченкова Г.А. Самаркандская керамика XV века. "Труды САГУ, Археология Средней Азии. Гуманитарные науки". Кн.3, Новая серия, вып. XI. Ташкент, 1950.
- Умняков И.И. Из истории международных отношений Средней Азии с Западной Европой в начале XV в. XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960.
- Федоров - Давыдов Г.А. Золотоординские города Поволжья. М., 1994.
- Хабибуллаев Н. Урта Осиёда коғоз ишлаб чиқариш тарихи. Тошкент, 1992.
- Хорошкевич А.Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV-XV вв. М., 1963.
- Якубовский А.Ю. Черты общественной и культурной жизни эпохи Алишера Навои. В кн. Алишер Навои. Сб. статей, М.-Л., 1946.
- Янин В.Л. Я послал тебе бересту. МГУ, 1975.

Bennigsen A. Et Chantal Lemerrier - Quelguejauy. Lez Marchands de la Cour Ottomane et le Commerce des Fourrures Moscovites Dans la Seconde Moitite du XVI Siecle Cahiers // Cahiers du monde et Sovietique. XI-3 (1970), p. 367

Lotika Varadarajan Regart Deputation under NSA-USSR Academy of sciences Collaborative Programme. 12 mie, 1984.

Mehdi Keyvani. Artisans and Guild Life the Later safavid period. Berlin, 1982.

Культура, наука и литература времени Амира Темура

Архитектура

Время Амира Темура и Темуридов иногда именуют эпохой Темуридского Ренессанса. И в самом деле, при всех отличиях европейской и восточной культуры, христианской и мусульманской среды, в них много общего. Пытливый интерес к окружающему миру запечатлен в расцвете науки, поэзии, искусства. В творениях великих поэтов, историков, богословов - суфиев звучат гуманистические воззрения и характерная черта - включение в интеллектуальную жизнь не только высокообразованных представителей общества, но и самых широких его слоев.

✓ К XV веку в городах Маверауннахра все большее значение обретает тот средний ремесленно-торговый слой, к которому применим европейский термин "третье сословие". Традиции средневековых цеховых корпораций продолжают играть видную роль, но члены их уже отходят от цеховой замкнутости, присущей предшествующим векам, включаются в широкий круг не просто материально-созидательных, но и духовных ценностей. Общество вступает в поток нарастающего гуманизма, сословные преграды отступают перед творческой активностью человека, перед раскрытием и воплощением его потенциальных возможностей. ✓ Характерно, что в эту эпоху лавки продавцов или мастерские ремесленников становились местом проведения своеобразных собраний (маджлисов), где представители близкого социального ранга собирались для живой беседы, чтения новых стихов, состязания в острословии. Поэзией занимались не только профессиональные поэты или придворные одописцы, но и представители ремесленного сословия. В этом отношении бесценную информацию дает Алишер Навои в своем "Собрании избранных", содержащем сведения как о современных, так и о более ранних поэтах. Сочинение Навои воссоздает культурную

атмосферу, даёт характеристику “избранных” своей эпохи, включая в их состав не только поэтов высшего класса, но и причастных к поэзии ученых, врачей, простолюдинов, и др.; дает краткую характеристику каждому из них и приводит небольшой образец из их стихов. В этом упоминании немало ремесленников, но есть и представители “третьего сословия” ряда городов и стран, что важно: это маулана Машрики, маулана Саиди, маулана Хамдами - все трое - гончары из Мешхеда; маулана Джавхар - надзиратель мыловарни, маулана Хавари - портной, маулана Мир Карши - переплетчик из Самарканды. Из числа гератцев упомянуты маулана Зайн, изготовитель кисетов, уstad Мухаммад Убайди, изготовитель ножей, маулана Мир Аргун, занимавшийся шитьём шатров, маулана Бакаи - знаменитый изготовитель луков, маулана Мушрики - надзиратель шахского птичника, маулана Фигани - переплетчик, Мир Хашим - чеканщик по золоту, маулана Тахири - сапожник.

Характерная для среды ремесленников этой эпохи черта - это стремление к совершенству в своем деле. Одно из самых ярких его проявлений - архитектура, зримо воплощенная в сохранившихся памятниках.

Для Амира Темура великолепие архитектурных сооружений, выполнявшихся по его заданию, было одной из задач политического плана - и это сформировано в надписи на портале дворца Ак-сарай в Шахрисабзе: “Если хочешь убедиться в нашем могуществе - взгляни на наши постройки!” Масштабы строительства в Самарканде и частью в других городах Маверауннахра, осуществлявшегося при Амуре Темуре, приобретают невиданный размах. При этом, прежде всего, осуществлялись большие градостроительные мероприятия по фортификации, упорядочению уличных магистралей, созданию четко организованных городских ансамблей. Главные работы в этом направлении были сконцентрированы в стольном граде Самарканде.

Основной массив городов времени Амира Темура и Темуридов именовался “хисар” - понятие уже не вполне идентичное “шахристану” домонгольского времени, поскольку хисар либо поглощал его основную селитебную

застройку и торгово-ремесленные функции, либо вообще возникал на новом месте, сосредотачивая также главные административные и идеологические архитектурно организованные узлы. Хисары больших и малых городов различны, но значение и назначение их едино. Рассмотрим их на примере крупных городов, формирование которых было впрямую связано с деятельностью Амира Темура и его царствовавших потомков.

Шахрисабз, более известный тогда под названием Кеш, возник, как установлено археологическими раскопками, в период домусульманского средневековья, пережив затем периоды упадка и подъемов. При Амире Темуре его родовая вотчина Кеш приобрел заверченный облик. Согласно Хафиз-и Абру стены хисара были заложены в 780/1378 г. и завершены через год. Стены охватывали его прямоугольный контур: с каждой стороны были ворота. Существует известие, что после взятия Амиром Темуром Герата, обитые железом полотнища гератских городских ворот были привезены и навешены в Шахрисабзе. От ворот отходили, пересекаясь в центре, две главные магистрали. Вдоль них располагались, нарастая к центру, лавки, там же размещался главный базар, вероятно с купольным Чорсу в центре (ныне существующий чорсу был выстроен значительно позднее и стоит, отступая от центра). В юго-восточной четверти хисара сложился династийный мемориальный комплекс, в северо-западной - был возведен правительственный дворец Амира Темура Ак-сарай, а напротив располагались кварталы знати и духовенства. В юго-западном отсеке находились кварталы ремесленников и дома рядовых горожан. Вокруг хисара с пышной зеленью вдоль каналов располагались сады, виноградник и рабаты, - все это определило второе название Кеша - Шахрисабз - зеленоград.

Иное дело хисар Самарканда - главного политического, экономического и культурного центра империи, украшению которого Амир Темур уделял особое внимание. По Шараф ад-Дину Али Йазди, Амир Темур перенес столицу и "область, в подобный раю Самарканд. И сей избранный град, который по славе своих караван-сараев, превосходных деревьев, кра-

сивых зданий, приятных каналов - драгоценность каждой страны и предмет соревнования с другими городами и весями. Амир Темура, повернув центр управления государством, сделал его столицей и отдал приказ основать цитадель (кальа) и городскую стену (хисар) и возвести величественные здания и золоченые дворцы”.

Облик Самарканды предстает в конкретно - выразительных описаниях “Дневника” испанского посла Руи Гонсалеса де Клавихо, где запечатлен пылкий дух представителя европейского Ренессанса с его широким интересом к окружающему миру, в том числе к мусульманскому Востоку, с которым через арабский Магриб была тесно сплетена судьба Испании.

“Город Самарканды, - пишет Клавихо, - расположен на равнине и окружен земляным валом и очень глубокими рвами. Он немного больше города Севильи того, что внутри (городской стены), а за городом выстроено много домов, примыкающих (к нему) с разных сторон, как предместья. Весь город окружен садами и виноградниками, которые тянутся в иных местах на полторы лиги, а в других - на две. А город стоит среди них. Между этими садами прилегают улицы и площади, очень населенные, где живет много народа и где продается хлеб, мясо и многое. Так что, то, что находится за валом, более населено (чем сам город). В этих загородных садах много больших и знаменитых построек, и у самого сеньора (Амира Темура) там есть дворцы и главные погреба. Кроме того, у знатных горожан есть в этих садах свои дома и помещения. И столько этих садов и виноградников вокруг города, что когда подъезжаешь к нему, то кажется, что приближаешься к лесу высоких деревьев и посередине его (стоит) сам город. А через город в эти сады проложено множество оросительных каналов. В этих садах выращивают также много дынь и хлопка... За городом простираются большие равнины, где много больших деревень, в которых царь поселил людей из других завоеванных им земель”.

Попробуем мысленно посмотреть на Самарканд XV века. Вначале как бы с птичьего полета, не приближаясь, не со

стороны той дороги из Шахрисабза, откуда прибыло испанское посольство, а с северной, как если бы мы проделали далёкий путь из Ташкента и, перейдя через мост на Заравшане, поднялись на вершину Кухак. Отсюда открывается бескрайняя панорама этой реки, прилегающих к ней долин и дальней цепи высоких гор. Кухак венчает нисходящую скалистую грядку, у подножия которой лежал один из пригородов Самарканда. Но, разглядеть отсюда планировку города было бы непросто - город и поныне, несмотря на современные многоэтажки, заполняют древесные насаждения, в XV же веке они поглощали невысокую застройку внутри кварталов. Обрисовывались главные магистрали сплошными рядами лавок и мастерских - то прикрытых вереницами куполов, то просто натянутыми тентами. И на этом общем фоне возникали главные архитектурные акценты столичного города - величественные объемы мечетей и минаретов, медресе и парадных усыпальниц. А вдали поднимались могучие стены крепости.

Прежде чем спускаться с Кухака, следует бросить взгляд на венчающее эту горку небольшое стройное здание. В народе оно почитаемо и известно как мавзолей Чупан-Аты, святого покровителя пастухов. В нем, действительно, были какие-то захоронения, но они, по археологическим данным, значительно позднее самого строения. Архитектура же мавзолея - его конструкция, композиция, декор восходят к 30-40 годам XV в., вернее это памятник времени Улугбека. Строился ли он как мавзолей? Скорее это был своего рода маяк, застава, видимая издали, павильон, где можно было отдохнуть, любуясь на панораму города, особенно после охоты, которой так увлекался Улугбек. Культурно-мемориальное почитание пришло к нему позднее от пастухов, нередко отсюда наблюдавших за пасущимися на склонах горы стадами. Здание отличают стройные пропорции, изящество общей формы, сдержанный декор и органическая связь со словно бы само природой предназначенного для его местоположения.

Неподалеку от чупанатинской гряды взор привлекало необычное здание - мощный цилиндр, оформленный арками, над которым поднимался отсек огромной дуги. Это обсерватория Улугбека. Далее простирается возвышенный обшир-

ный пустырь, охваченный оплывами глиняных стен с выступами башен, а внутри - перепадами глиняных всхолмлений былых построек и цитадели. Это городище Афрасиаб - Мараканда греческих авторов, которую в IV в. до н.э. брали приступом воины Александра Македонского, Самарканд, который в VII в. атаковали арабы, а в начале XIII в. - полчища Чингиз-хана. В промежутке же между этими трагическими датами Самарканд представлял собой главный, притом цветущий город исторической области Согд, поражающий пришлых людей высоким уровнем бытия, что красноречиво запечатлено в сочинениях средневековых восточных географов. Вот как повествует о нем, например, арабский географ X в. Ибн Хаукаль; "Столица Согда Самарканд - город, расположенный на юге от согдийской реки и лежащий высоко над нею. В нем имеются цитадель, шахристан и рабат. В цитадели уже в наше время выстроена тюрьма и находится дворец правителя, впрочем, разрушенный. Я поднимался на нее и осматривал прекраснейший из видов, который когда-либо видел взор человека и которым он когда-либо восхищался, а именно: свежую зелень деревьев, блистающие замки, текущие каналы и непрекращающуюся культуру. Нельзя бросить взгляд на какое-нибудь место без того, чтобы не найти её прекрасной и вызывающей радость. Выделяются площади и украшающие город здания.... Самарканд - город, в котором большие базары, и, как в крупных городах, ряд кварталов, бань, караван-сараев и домов. В нем имеется проточная вода, которая проникает в город по каналу, частично сделанному из свинца".

В результате монгольских завоеваний упомянутый канал (Арзис) был разрушен и лишенный воды шахристан оставлен жителями. С этого времени это уже был не цветущий средневековый шахристан, а пустынное городище, которое со временем, ощущая его глубокую древность, народ связал с именем легендарного царя Турана - Афрасиаба, фигурирующего в "Шахнаме" Фирдоуси как главный противник иранских и хорасанских царей., в XIV-XV вв. здесь кое-где обитал бездомный люд, располагались кладбища, а на юго-восточном склоне возник великолепный мемориальный

комплекс Шах-и зинда.

Темуридский Самарканд сложился к югу от Афрасиаба, на территории бывшего внутреннего и внешнего города (шахр-и дарун и шахр-и бирун домонгольского времени). При Амуре Темуре в 773/1371-72 гг. вся эта территория была занята крепостными стенами и крепостным рвом и уже именовалась "хисар", а в западной части естественным возвышением была создана новая крепость (кальа). Остатки всех этих крепостных ограждений до нас не дошли. В романтизированной интерпретации изображение городских укреплений можно увидеть на некоторых миниатюрах XV в. Такова сцена штурма крепости в сочинении Хафиз-и Абру (списке 818/1415 гг.), где показана опоясанная рвом круглая угловая башня. Её кирпичная кладка оживлена глазуру-ванными вставками, сверху тянется пояс надписи и над ней зубцы, с которых защитники крепости сбрасывают камни и стреляют на нападающих. Особенно выразительно изображение укреплений в сцене из "Шах-наме", где Исфандияр убивает Афрасиаба. Здесь изломанный периметр города охватывает стены с возвышенными прямоугольными башнями, причем те и другие увенчаны зубчатыми парапетами. Высокие городские ворота укреплены парой башен, украшенных цветными изразцами. Внутри этих стен городское пространство обстроено домами разнообразных форм - с плоскими крышами, куполами, балконами, а в центре - городская площадь, где происходит развязка драмы.

Самаркандская крепость Амира Темура - это не только крепость, но прежде всего, укрепленный административно-военный центр столицы. За ее стенами размещались главный правительственный дворец Кук-сарай (Синий дворец) и другой, более частного характера, Бустан-сарай (Дворец плодового сада), казначейство, мастерские по изготовлению оружия, арсенал и канцелярии. Где-то здесь на особой площадке стоял Кукташ - "синий камень", так называли возвышенную суфу, высеченную из единого каменного блока (ныне он перенесен во двор Гур-Эмира). На нем по традиции осуществлялась церемония возведения на престол во времена Темура очередного подставного монгольского хана, из рода

Чагатая или Угедея, уже не игравшего в политической жизни страны никакой роли. При Амуре Темуре, титулом которого было просто “амир”, таким подставным ханом был Суюргатмыш, жалкая марионетка на троне, вершителем государственных дел безоговорочно был Амир Темур.

Близ ворот хисара, на склоне Афрасиаба, высится небольшая мечеть Хазрат Хызр. Перестроенная полностью в конце XIX - начале XX вв. выдающимися самаркандскими мастерами - уста Баки и его сыном уста Абдукадыром, она дошла до нас, сохранив от былой постройки лишь высокие цоколя, и возможно, общий план. По археологическим данным, мечеть покоится на остатках какого-то строения домусульманских времен; не потому ли в народе её связывают с именем легендарного Хызра - чудесного старца древних преданий, встреча с которым всегда была случайной и приносила счастье и благополучие. Домусульманский культ Хызра пережиточно вошел в Средней Азии в ислам, где он был объявлен святым.

Глубокий полноводный ров змеился вдоль укрепленных башнями стен, окружающих хисар. Посетитель подходил здесь к городским воротам, именуемым “Аханин”. Вероятно, таковы были створы самих ворот, общий объем которых указывали две мощные башни со стрельчатой аркой въезда между ними. Через подъемный мост можно было войти в город. Здесь к воротам подступала одна из его главных магистралей.

Планировочная схема Самарканда этого времени обрисовывается в следующих чертах. Изломанные контуры стен охватывали хисар, площадь которого достигала до 500 гектаров. В них шесть городских ворот - Шейхзаде и Аханин с северной стороны, Фируза с восточной, Сузаан-гарон и Каризгах с южной, Чорсу с западной. К этим воротам из центра у площади Регистан тянулись лучами главные магистрали, причем направление их не было идеально прямым, но с изгибами и поворотами, иногда в пересечениях с исторически сложившимися улицами крупных кварталов-махалля. Амир Темур, по возвращении в 1404 г. в Самарканд из семилетнего похода, решил предпринять радикальную реконструкцию главных магистралей путем их выпрямления

и расширения. Не исключено, что эта идея пришла ему после того, как он увидел во время своих походов по Малой Азии магистральные улицы крупных городов. Клавихо приводит живое описание начавшихся работ: “А так как в городе не было специальной площадки, где бы удобно было торговать, сеньор приказал проложить через город улицу, в которой по обеим сторонам были бы лавки и палатки для продажи товаров. Эта улица начиналась в одном конце города и шла до другого, пересекая его весь. Эту работу сеньор поручил двум своим мирассам (мирзам, великим эмирам), сказав, что если они не постараются и не будут трудиться день и ночь, то поплатятся головой. Эти мирассы начали с того, что стали разрушать дома, которые стояли там, где по приказу сеньора должна была быть улица, не обращая внимания на то, кто их хозяева... И сделали улицу очень широкой, а по обеим сторонам поставили палатки, перед каждой палаткой установили высокие скамейки, покрытые белыми каменными плитами. Все палатки были соединены по две, а сверху вся улица была накрыта сводом с окошками, через которые проходил свет. Как только кончали работать в палатках, тотчас в них направлялись торговцы, которые продавали там разные товары... Менее чем за двадцать дней было сделано такое большое дело, что просто удивительно”.

Но завершить запланированные работы так и не удалось - Амир Темур отправился в поход, наступила ранняя зима, строительные работы были прерваны и после его кончины не возобновлялись.

Основную ткань города определяли жилые кварталы. На протяжении десятилетий и веков они формировались по сословному, производственному, общинно - бытовому принципу, вне какой-либо заранее предусмотренной градостроительной идеи. Повинуясь этим стихийным образованиям, возникали улочки и переулочки, образовавшие запутанную сеть. Однако, в контрасте с ними в городе возникали главные архитектурно-организующие акценты в виде комплексов монументальных зданий, и они уже были подчинены строгой архитектурно - продуманной идее. Формирование городских ансамблей составляло одно из высоких достижений эпохи

Амира Темура и Темуридов. О них будет сказано особо.

Архитектура времени Амира Темура и Темуридов, восприняв многое от предшествующего периода, восходит на новую ступень своего развития. Этому способствовало возрождение новых, порой грандиозных зданий, воссоединение в рамках единого государства творческих усилий зодчих из разных концов огромного региона, и, наконец, то, что называют “духом эпохи”, несущей в себе те особые черты, которые побудили ряд исследователей говорить о темуридском Ренессансе. Термин этот не бесспорен, идейные позиции европейского Возрождения на Среднем Востоке были отличны. Но объединяющей чертой и здесь был нарождающийся гуманизм. На мусульманском Востоке, при всей жестокости житейских канонов, запечатленных в шариате, он проявлялся в творческой раскрепощенности людей созидательного труда - будь ли то знаменитый поэт или гончар, расписывающий синими узорами чашу, чеканщик, украшающий орнаментами бронзовые сосуды или зодчий, создающий величественную мечеть или изящный павильон в строящихся садах-парках вокруг столицы.

Архитектура всегда решает конкретные задания, давая им объемно-пространственное воплощение, однако, в отличие от чисто утилитарного строительства, каково, скажем, сооружение сарая или скотного двора, подлинная архитектура даёт практическим зданиям художественно-образное воплощение. Вместе с тем архитектура - это высшая форма строительного искусства, неразрывно связанная со строительными материалами, строительной техникой. Во всех этих аспектах темуридская архитектура восходит на новый виток развития по сравнению с предшествующими веками. Это новое - в постановке смелых инженерно-технических задач, в разработке новых композиционных решений, в богатстве архитектурного декора.

Прогресс строительного дела особенно нагляден в монументальном зодчестве. В массовом строительстве жилых домов, квартальных и сельских мечетей, лавок и мастерских основным строительным материалом оставалось по-прежнему глино - сырцовый кирпич, паха, глино - каркасные конструкции.

Нередки в них сырцовые своды, но преобладающий тип перекрытий - балочные, основанные на стенах и колоннах. В архитектуре же монументальной господствует жженный кирпич, иногда употребляется камень, но в условиях высокой сейсмичности он используется не как несущий материал, а лишь в декоре. Жженный кирпич во многом определил прогресс сводчато-купольной техники, что определило развитие объемно-пространственных композиций в обновленном их воплощении.

Возрастание масштабов в постройках времени Амира Темура, во многом продиктованное волей самодержца, для которого грандиозность форм была средством возвеличения его единодержавной власти, выдвигало новые задачи для воплощавших его задания инженеров - мухандисов, зодчих - меъмаров, мастеров декора. Клавихо свидетельствует, как, ознакомившись по приезду в Самарканд со строительством мавзолея Гур-Эмир, Амир Темур остался недоволен его высотой, и строители спешно перестраивали купол, нарастив высокий несущий барабан. Тогда же он распорядился переделать главный портал соборной мечети, опять-таки показавшийся ему недостаточно величественным.

Одну из ответственных инженерных задач, возникших перед создателями монументальных зданий, являли конструкции сводчато-купольных систем. При Амуре Темуре они еще оставались прежними, лишь возрастали в пролетах, с традиционным переходом от квадратного плана к восьмиграннику арочных парусов. Купола же двойной оболочки были известны и ранее, но в пору Амира Темура и Темуридов нарастают по высоте барабаны, несущие внешний купол, подпертый изнутри на радиальные ребра. В проекции плана это пересекающиеся многогранники, переведенные же в пространство они создают систему ромбических отсеков, именуемых "щитовидными парусами", образующие звездчатое основание отлогой чаши купола, диаметр которого значительно сокращается по сравнению с куполами, основанными на восьмиграннике арочных парусов. Итогом этих инженерных поисков становится новая система в виде четырех переброшенных от стены к стене, перекрещивающихся несущих

“подпружных” арок, пространства между которыми заполняют щитовидные паруса и сталактитовая лепнина. Принцип пересекающихся подпружных арок был ранее известен в архитектуре Армении, откуда он, возможно, проник в XV в. в Хорасан и Маверауннахр. Но там это - каменные конструкции с заполнением пространств между арками гладью каменных плит. На среднеазиатской же почве, где ведущим строительным материалом являлся жженный кирпич, строители находят собственные приемы в разработке всей системы, придав ей, помимо чисто инженерной целесообразности, черты декоративной выразительности, благодаря пространственно сложным заполнениям межарочных пространств. Преимущество данной системы заключалось также в том, что взамен замкнутого квадрата, интерьер можно было значительно расширять устройством между главными арками обширных и глубоких ниш или вообще открытых проемов.

Высокое развитие точных наук, покровителем которого был Улугбек, нашло свое отражение в архитектуре. Анализ сохранившихся памятников выявил в построении их планов, фасадов, интерьеров четкие взаимоотношения геометрических построений, определивших общую гармонизацию архитектурных форм.

Совершенствованию различных видов материалов и конструкций соответствовала высокая организация строительного процесса. Так, Шараф ад-Дин Али Йазди сообщает о возведении в 1396 г., по распоряжению Амира Темура, летнего дворца в саду Баг-и дилькуша: “Прежде чем высота его достигла одного гяза, начато было приготовление мозаичных панелей и облицовок. Камнетесы начали обтесывать камни, живописцы готовить рисунки, плотники сообща выполняли резьбу и столярные наборы дверей, а ткачам паласов приказано было измерить комнаты и шахнишины [место сидения властелина] и изготовить паласы соответствующей величины. Ночами зажигали светильники, и к каждому виду работ было приставлено ответственное лицо. И в течение шестнадцати дней дворец такой величины, с высоким айваном был завершен”. Таким образом, подготовка архитектурного декора и отделочные работы осуществлялись парал-

лельно с возведением основного здания.

Никогда ни до, ни после темуридской эпохи, в зодчестве Маверауннахра и Хорасана архитектурный декор не достигал такого высокого уровня. Используя его разновидности и опыт предшествующих поколений, мастера не только совершенствуют технические приемы, но и вырабатывают новые, обогащают кроме того состав декоративных мотивов. Фигурные выкладки орнаментов из цветных глазурованных кирпичей на фоне стесанного по фасу строительного кирпича; резьба по дереву, камню, ганчу; многоцветные майоликовые плитки, заполняющие бордюры, отдельные детали узора и целые панно; и, наконец, яркая наборная мозаика из отдельно вытесанных фигурных элементов. А в интерьерах, начиная от уровня изразцовых панелей и до зенита купола, настенные росписи: многоцветные ли с обилием золота, или, наоборот, сдержанной гаммы, где царит синий узор на белом фоне. И все это, при высочайшем уровне технического исполнения, позволившего там, куда не вторгались разрушительные деяния человеческих рук, сохранило до наших дней неувядаемую красоту этого декора.

Архитектура времени Амира Темура проходит под знаком завоевания цвета и орнаментальной насыщенности. В применении изразцового декора выделяется два этапа: один охватывает всю среднюю треть XIV в., второй - конец XIV-XV вв. Для первого присуще сплошное изразцовое покрытие поверхности главного фасада и нередко интерьера. Для второго - выделение на фасадах на общем спокойном фоне строительного кирпича ярких цветовых ударов, сосредоточенных на панелях, бордюрах, фризах, в тимпанах сводов и арок, ярко-голубыми были скуфьи куполов.

Как и в домонгольское время, сосуществуют три разновидности орнамента - геометрический, стилизованно-растительный и эпиграфический, но стиль их уже иной. Геометрический узор на первом этапе заполняет отдельные бордюры и небольшие панно, на втором же он входит в оформление обширных поверхностей целых стен, подкупольных барабанов, стволов минаретов. При этом цветные глазурованные кирпичи обрисовывают на фоне строительного кирпича очень

крупный гирих, в большинстве динамичный, построенный не на прямой, а на диагональной сетке, на минаретах же - по спирали. Внутри образованных ими фигур обычно выкладывается крупноформатное слово - имя Мухаммада, Али, или один из бесчисленных эпитетов Аллаха. Стилизовано - растительный орнамент преобладает в майоликовых или мозаичных заполнениях; это - мотив побега с цветами и листовой (ислими), с пышными соцветиями (хитаи) или крупной спирали также листовенно-цветочного характера.

Огромную декоробразующую роль в оформлении архитектурных сооружений играет эпиграфика. Выполнение надписей в отведенных для них полосах, панно или прямо на кирпичной кладке стен, минаретов, барабанов куполов осуществляли кундунависы - "крупнописцы". Прекрасно владея искусством книжного письма, они обладали еще и мастерством переноса сложной вязи "шести почерков" в общую декоративную ткань фасадов и интерьеров. По подготовленным ими калькам эти надписи выполнялись на общем фоне кирпичной кладки из отесанных глазурированных кирпичей синего, голубого, белого цвета или майоликой, мозаикой, а в интерьерах - росписью.

Предельно геометризованное письмо куфи применялось в фигурах монументальных настенных гирихов, а также в надписях, опоясывавших барабаны куполов. В бордюрах же и фризовых надписях на первом этапе использовалось близкое к книжной каллиграфии письмо дивани, но затем господствует письмо сульс, где характерна гибкость линий, вытянутые пропорции вертикальных букв (алиф, каф, лям) и двух - или трехстрочное расположение слов. Надписи чаще всего выполнены белыми буквами по синему фону, порой их покрывают позолотой, когда параллельно тянется невысокая желтая строка письмом куфи. Фоном надписей почерком сульс служит крупный спиралевидный побег, от которого отходят листья и цветы.

В темуридских центрах: Самарканде и Герате - существовали особые мастерские - мастеров - крупнописцев по подготовке калек для надписей на фасадах и в интерьерах зданий, затем выполнявшихся на камне, дереве, в изразцовом

декоре в стенописи. Имена их до нас почти не дошли. В верхней группе ансамбля Шах-и зинда в Самарканде, созданной около 1405 г. женой Амира Темура Туман-ака, сохранилось имя каллиграфа хаджи Бандгира Тебризи. По свидетельству Шараф ад-Дина Али Йазди, в конце 1404 г. Амир Темура направил государю Египта послание размером “в три гяза в ширину и семьдесят гязов в длину”, т.е. до 2 x 40 м, написанное золотом рукою маулана шейх Мухаммада, сына хаджи Бандгира Тебризи”. Как видно, здесь трудились отец и сын, из которых старший практиковал, в основном, в выполнении архитектурных надписей.

Изобразительные сюжеты в изразцовых облицовках крайне редки. Известно, что в тимпанах дворца Амира Темура Аксарай в Шахрисабзе было парное изображение льва и солнца - мотив чисто геральдический.

Помимо изразцов в отделке фасадов использовалась также резьба по камню (обычно мрамору), в чем видную роль сыграли азербайджанские мастера. Каменные плиты с фигурной резьбой украшали панели, в соборной же мечети Амира Темура (мечеть Биби-ханум) - всю торцовую стену входного портала. В самаркандском медресе Улугбека примечательно оформление такими плитами щек портала - на них звездный гирих выделен сочетанием резного мрамора с мозаичными вставками, причем на высеченных в камне фигурах гириха, повторяющихся по форме, каждую заполняет свой вариант узора.

Декор интерьеров в монументальной архитектуре времени Темура был не менее богат и разнообразен. Изразцы здесь использовались лишь иногда - в панелях, облицовке михрабов. Стены же и перекрытия, будь то потолки, своды или купола - обычно покрывали орнаментальные росписи. В постройках Амира Темура господствует пышный узор, с преобладанием синего и позолоты, в постройках же Улугбека характерны росписи синим по белому фону, явно навеянные модным в то время китайским фарфором типа “кобальт”.

Наивысшие достижения темуридской архитектуры предстают в зданиях общественно-культурного характера - мечетях, медресе, мазарах, или в таком зримом воплощении светской

власти, какими являлись дворцы правителей и резиденции элиты. Они концентрировались в крупных городах или местах мусульманского культа, особенно в стольном Самарканде, где были сосредоточены лучшие творческие силы. В процессе походов в руки Амира Темура попадали не только материальные богатства, но разного рода специалисты, которые совместно с местными мастерами осуществляли в быстром темпе строительные и другие работы.

Надписи на некоторых памятниках донесли нам имена ряда выдающихся зодчих и мастеров архитектурного декора, нисбы которых, т.е. указания места их рождения, дают широкую географию. Так, главным зодчим мавзолея хаджа Ахмада Яссави в Туркестане (южный Казахстан), возведенного в 800/1388 году, был Шамс Абд ал-Вахаб Ширази, а другой ширазец, хаджа Хасан, выполнял его изразцовые облицовки. Там же были предметы ритуального назначения самого высокого художественного качества: подсвечники, выполненные мастером Изз ад-Дином Исфакани и огромный котел, отлитый Абд ал-Азизом ибн Шараф ад-Дином Тебризи. Как видим, основными создателями этого замечательного памятника были мастера из главных городов Ирана и Азербайджана, заброшенные волей судьбы за тысячи километров от родных мест. Тебризский мастер изразцового декора - Мухаммад Юсуф осуществил к 786 г.х. /1385г./ облицовку портала дворца Амира Темура в Шахрисабзе. На входном портале ансамбля ханаки и медресе Мухаммад Султана в Самарканде (построены до 1404 г.) сохранилось имя мастера Мухаммад ибн Махмуда Исфакани. Имя еще одного исфаканского мастера - Исмаила ибн Тахира сохранилось в медресе Улугбека в Бухаре. Резчик по дереву Юсуф Ширази оформил резьбою в 807 /1404-05гг./ дверь поминальной мечети в ансамбле Шах-и зинда в Самарканде. Однако подавляющее большинство имен создателей главных построек Темура до нас не дошло. Можно считать лишь случайностью, что приведенный выше перечень дает имена исключительно иранских мастеров. Между тем они прибыли отнюдь не на пустое место. О существовании здесь собственной архитектурной школы и мастеров декора в период, предшествовавший

западным походам Амира Темура, свидетельствуют надписи на некоторых памятниках ансамбля Шах-и зинда. Одни из мастеров имеют при именах нисбы городов Маверауннахра, другие - без таковой, и это несомненно самаркандцы, поскольку в собственном городе не принято было указывать на происхождение. Таковы имена Фахри Али на мавзолее ходжа Ахмада (вторая половина XIV в.), Бадр ад-Дина и Шамс ад-Дина на мавзолее Шади-Мульк (773/1373.), а также третьего мастера, Зайн ад-Дина Бухари, участвовавших в убранстве этого мавзолея. На безымянном мавзолее 70-80-х годов XIV века в средней части ансамбля Шах-и зинда указаны имя Али и Алима (возможно, это одно лицо) Несефи. Ибн Арабшах приводит имя главного мастера по разбивке садов Амира Темура - Шихаб ад-Дина Ахмада Зардакаши, по видимому, самаркандца, хорошо знавшего местную флору.

Именно творческое взаимодействие местных и пришлых мастеров обусловило становление того нового стиля, который характеризует зодчество времени Амира Темура и который определил синтез знаний и творческих свершений мастеров, собранных со всех концов державы. При всех тяготах зодчих не могли не вдохновлять грандиозность поставленных перед ними заданий и возможность практического их воплощения.

Окинем же ретроспективным взглядом те замечательные архитектурные памятники Маверауннахра, которые связаны со временем правления и во многом с деятельностью Амира Темура, которые являют зримое воплощение творческих свершений и достижений эпохи.

Мечети. Как и во всем мусульманском мире было несколько категорий мечетей. Главная роль принадлежала соборным мечетям городов - джами или джума масджид. Здесь собирались огромные массы горожан на пятничные моления, но совершались и повседневные пятикратные намазы. В пригородной зоне обычно имелась мечеть намазга (мусалля, ийдгах), куда стекалось население города и всей его округи в дни двух главных годовых празднеств - Курбан и Рамазан байрами. Гузарные мечети обслуживали общины кварталов - махалля в их повседневной жизни. Близки по типу были мечети сел и деревень. Особую разновидность составляли

поминальные мечети на кладбищах и у святых мест.

Главной по массовой обслуге городов оставалась пятничная мечеть. В Самарканде в XIV в. уже была значительная по масштабам masjid-и джами. Она упоминается в связи с событиями народного восстания 1365 г., когда многие нашли в ней убежище от налета монголов. Но она уже не удовлетворяла высоких требований Амира Темура. В 1399 г., по возвращении из индийского похода, он распорядился воздвигнуть новую мечеть, которая масштабами и великолепием отделки превзошла бы большую мечеть, увиденную им в Индии. О возведении этой мечети, выделяя это, как выдающееся творение Амира Темура, сообщают Гияс ад-Дин Али, Низам ад-Дин Шами, Ибн Арабшах, Абд ар-Раззак Самарканди, Хафиз-и Абру, а Шараф ад-Дин Али Йазди посвятил ей целую главу в своей “Книге побед”. Приведем из нее отрывки. “В воскресенье 4-рамазана 801 г. искусные архитекторы и сильные в знаниях мастера в счастливый час и удобное для стояния созвездий заложили основание постройки... Были привлечены мастера - 500 человек камнетесов из Азербайджана, Фарса, Индостана и были заняты делом в самой мечети, кроме тех, которые находились в горах для обтесывания камней и препровождения их в город. Артели специалистов различных искусств и художники ... собрались в столице со всего обитаемого мира ... Наблюдать за работами Амир Темур поручил царевичам и эмирам... Сам Амир Темур лично присутствовал на постройке и большую часть времени в этот период проводил поблизости мечети - в медресе Ханым и ханаке Туман-ака ... до тех пор, пока высота здания, как высота достоинства строителя не достигла равенства с куполом небес и чистота двора... заставляют забыть красоты райского сада ... Купол был бы единственным, если бы не было второго - небесной сферы, единственной была бы арка, если бы у нее не было двойни на Млечном пути. В каждой стене в углу четырехугольника, образованного стенами, минарет вознес голову в сторону неба. Муэдзины посылают возглас в четыре стороны мира. Звук великих врат её, вылитых из сплава семи металлов, призывает молящихся семи климатов в дом ислама. Стены её

кругом, с внешней и внутренней стороны и вокруг арок украшены письменами, резанными на камнях ... Минбар отличался особенно красотой украшений, а михраб сделан из железа". Далее речь идет о переделке портала мечети, описанной и Клавихо. Хафиз-и Абру дает дополнительные детали описания мечети: "Михраб устроен из стали с редкими фигурами, удивительными орнаментами, красивыми надписями и искусно сделанными украшениями ... Двор и крыша всего здания выложены камнями, скрепленными между собой столь искусно, что до конца мира, несмотря на чередование месяцев и годов, рисунки их не могут стереться и все здание обеспечено от разрушения". Еще в первой половине XIX в. Абу Тахир-ходжа читал ныне несохранившиеся надписи на портале мечети. Над входом надпись: "Постройка окончена в 808 г. (1404 г)". Стихи Корана - "Входящий сюда да пребудет в мире", и еще: "Обиталище тварей - все лицемерие, обман и страсти. Дело исключительно сосредоточено у порога чертога Господа мира - и только".

Строительство, которое велось еще в 1404 г., было связано с драматическими событиями. В процессе работ имели место недосмотры или же злоупотребления со стороны двух вельмож, которым Амир Темур поручил контроль за их проведением и которых в гневе велел при стечении народа повесить на Кан-и гиле. Тогда же, оставшись недоволен высотой портала, он приказал его увеличить, о чем повествуют Шараф ад-Дин Али Йазди и Клавихо.

Параллельно со строительством мечети велись работы по возведению напротив нее медресе и мавзолея, предпринятые старшей женой Темура Сарай Мульк-ханум, которые, как и мечеть, народные предания со временем связали с легендарной Биби-ханум.

Ещё в XV в. мечеть претерпела немало разрушений по-видимому, в основном, от землетрясений в её галереях упали арки и многочисленные купола, которые были основаны на каменных колоннах - конструкции ненадежной в сейсмически опасных зонах. Продолжала она разрушаться и позднее, уже при участии людей, когда растаскивались на сторону её великолепные жженые кирпичи и изразцы. К XIX в. она уже

дошла до нас в виде грандиозных, романтических руин.

Возведенная в северной части города, близ ворот Аханин, соборная мечеть Самарканда, господствовала в силуэте этой части хисара. По словам Бабура, “Надпись, украшавшая фасад мечети, которая заключает целиком стих из Корана: “И вот Ибрахим заложил основы”, начертана буквами таких размеров, что можно читать их на расстоянии одного и даже двух курухов”. Если такова была надпись (очевидно, на входном портале), то каковы же были сами архитектурные формы! В этом нет преувеличений - величие их налицо. Последние 30 лет на мечети ведутся реставрационные работы - по существу воссоздается полный макет древнего здания, хотя, по мнению многих, здание утратило своё былое неповторимое очарование.

Мечеть прямоугольна в плане, углы её были фланкированы стройными трехзвёньевыми минаретами. Вход выделен мощным порталом со стрельчатым сводом и двумя мощными минаретами. Обширный прямоугольный двор мечети охватывали галереи, где свыше четырехсот мраморных колонн несли переброшенные между ними арки и купола. На поперечной оси двора между галереями располагались два купольных здания, а продольную ось замыкал главный объем максуры. Её выделял обширный айван со стрельчатым сводом, фланкированный восьмигранными минаретами, над которыми, по всем данным, высилось второе звено. А за айваном возвышался главный объем: кубовидное основание, переходный восьмигранник с цилиндрическим барабаном, несущий сфероконический купол. Все поверхности насыщает богатый архитектурный декор - это крупные геометрические или эпиграфические выкладки глазурованными кирпичами, мозаичные и майоликовые заполнения полей, тимпанов, бордюров; в интерьерах - орнаментальные росписи с изобилием золота. Здесь все величественно и как бы гипертрофировано - размеры и убранство - как нельзя более выражая социальный заказ миродержца и общий дух эпохи.

Медресе - высшие духовные учебные заведения. При Темуре в Самарканде было возведено лишь два медресе. Оба они были связаны с династийными усыпальницами - это

медресе при комплексе Гур-Эмир и упоминавшееся медресе Сарай Мульк-ханум. Масштабы медресе намного возрастают при Улугбеке и Шахрухе. Но если в Герате обширное медресе Гаухаршад-бегим знаменито заключенным в нем мавзолеем гератских Темуридов, то для Улугбека медресе - это, в первую очередь, Дом знаний. По его заданию возводятся медресе в Бухаре (в 820/1417 г.), Самарканде (823/1420) и Гиждуване (в 836/1433г.). Это уже не просто училища, готовившие кадры духовенства, но в большей мере в своем роде университеты. Таким, по крайней мере, было медресе Улугбека в Самарканде, где наряду с богословием преподавались точные, естественные и философские дисциплины. Мударрисом (профессором) был назначен астроном Казы-заде Руми, который вел занятия по астрономии и математике. Такие лекции читал и сам Улугбек. Не случайно на дверях медресе Улугбека в Бухаре была вырезана сентенция: "Стремление к знанию - обязанность каждого мусульманина и мусульманки". Именно, как место концентрации творческой мысли, самаркандское медресе Улугбека сохранило особую притягательность в темуридское время.

Архитектура медресе получает к XV в. четко разработанную типологическую схему: двор в обводе келий-худжр для проживания учащихся, в углах аудитории-дарсхана, в летнее же время занятия нередко проводились также в айванах, размещенных на главной, иногда еще и на поперечной осях двора. Здесь же мечеть для свершения ежедневных молитв. В крупных медресе худжры размещены в обоих этажах, они обращены во двор арочными лоджиями, использовавшимися в теплое время года. Фасад обычно выделен сводчатым пештаком, углы его фланкированы башенками - гульдаста; в крупных же медресе - это высокие минареты в два-три звена. Наружные и дворовые фасады обычно покрывает изразцовый декор, особенно параден он на порталах и угловых гульдаста. Каждое медресе, хотя и следует единой планировочной системе, но дает своё решение, что достигалось различными вариантами основных форм, их пропорций и убранства. Таковы, к примеру, два шедевра темуридской архитектуры - медресе Улугбека в Самарканде и медресе

Гаухаршад-бегим в Герате, столь разные при единой планировочной схеме. Примечательно, что если в декоре гератского медресе преобладают цветочные и эпиграфические мотивы, то в самаркандском - звездчатые гирихи, как бы отражающие астрономические увлечения Улугбека. "Звездно-небесные" образы насыщают стихи, приведенные Абу Тахир-ходжой, автором "Самарии", когда он пишет о медресе Улугбека:

О чудо! о!, его громады вес,
Подобен остову, что держит свод небес.
Двойня небес - величие фасада,
Хребет земли кольшет та громада.
Его карнизы - мастеров работа,
Пронзают сталактиты небосвода.
Художник вечности в лазурные оправы,
Серебряные звезды неба вправил.

В числе других зданий культового назначения упоминаются ханака х, т.е. странноприемные дома и места радения суфиев, где также принимали приезжих ученых и поэтов. Так, например, ханаках Улугбека, воздвигнутая напротив его медресе в Самарканде, имела по словам Бабуря, "самый большой в мире купол". Это отчасти свидетельствует, что система ханаках была подобна той, что известна по памятникам XVI-XVII вв., т.е. центральный крестообразный перекрытый куполом зал радений (зикрхана), в углах небольшие худжры, на фасадах глубокие сводчатые ниши, главный фасад выделен порталом.

Особую группу архитектурных творений в темуридском наследии Средней Азии составляют кульново-мемориальные сооружения: мавзолеи, хазире-ограды, включающие погребение чтимого духовного лица и захоронения знати и духовенства; кадамджой - "место следа" какого-либо мусульманского святого; дахма - этим домусульманским термином обозначали возвышения с фамильными захоронениями и надгробиями. Перечень даже дошедших до наших дней памятников этой категории был бы слишком обширен. Поэтому ограничимся характеристикой лишь наиболее примечательных.

Мавзолеи обычно возводились над захоронениями членов правящего дома и видных представителей мусульманского духовенства. Они предстают в двух композиционных разновидностях: центральнокупольных и чаще - порталнокупольных построек. Погребения находятся в подземном склепе, их расположение повторено в самой гурхане намогильниками - сагана. Величественные образцы центрических мавзолеев времени Амира Темура в Самарканде - усыпальница шейха Бурхан ад-Дина Сагарджи - Рухабад и династийная усыпальница Темуридов - Гур-Эмир. Первому присущ кубовидный объем, увенчанный сфероконическим куполом. Для второго - восьмигранная призма, высокий цилиндрический барабан и луковично припущий рубчатый купол. Первый скромнен - изразцовый декор небольшим вкраплением введен лишь на главном фасаде. Второй насыщают выложенные глазурованными кирпичами куфические надписи, восхваляющие величие Аллаха, а купольная скуфья сияет голубизной облицовки. Что касается созданных при Амуре Темуре порталных мавзолеев, то целую группу их можно увидеть в ансамбле Шах-и зинда. Для них характерно богатство многоцветных облицовок, сконцентрированных на порталах, а в интерьере - роскошь орнаментальных росписей с избытком золота и лазури.

Время Улутбека, которое отмечено отходом от канонов и творческим поиском в разных сферах, затронуло и архитектуру усыпальниц. Так, в ансамбле Шах-и зинда возводится мавзолей-восьмигранник (имя погребенного осталось неизвестным) в виде восьмигранной ротонды со сквозными арками и двойным куполом: внутренний - отлогий и наружный, приподнятый на барабане. Другой объект - усыпальница, которую долгое время соотносили с мавзолеем видного ученого Кази-заде Руми, но которую, как обозначено в частично сохранившейся надписи, возвели для "матери султана" (имя неизвестно). Археологические вскрытия установили, что здесь действительно была погребена женщина. Этот мавзолей включает два помещения - зийарат-хану (комнату поминований) и гурхану (усыпальницу с надгробиями). Первое - высокое, стройное; второе - невелико, но

оба увенчаны куполом на барабане. Снаружи изразцовый декор, внутри панели из глазурованных плиток и изящная роспись синим по белому фону.

При Улутбеке строительство велось помимо Самарканда во многих городах: Бухаре, Гиждуване, Шахрисабзе, Термезе, Ташкенте. Масштаб и декор их уступают самаркандским зданиям. В Ташкенте заслуживает упоминания порталльно-купольный мавзолей Занги-ата, крупное надгробие, интерьер которого - это подлинный шедевр камнерезного мастерства, а также кладбищенский ансамбль Шейхантаур. Последний сложился у мавзолея почитаемого местного шейха Хавенд Тахура, перестроенного в поздние времена. Здесь тянулась аллея, обсаженная вековыми деревьями, высилась небольшая мечеть и минарет, было несколько усыпальниц и множество каменных резных надгробий. К первой половине XV в. относится мавзолей Калдыргач-бия, представителя казахской знати. В этой постройке запечатлены традиции северо-туркестанского зодчества - его многогранный барабан увенчан граненым шатровым куполом. Но конструкции, несущие отлогий внутренний купол, типичны для систем, разработанных в Самарканде и Герате в первой половине XVв.

При Амуре Темуре появляется мемориальное сооружение невиданной ранее композиции и масштаба. Это - мавзолей Ахмада Яссави в г. Яссы (нынешний Туркестан), находившийся в северной зоне его владений, где преобладало кочевое население. С веками почитаемая могила приобрела стойкий культ. С целью снискать симпатии населения в районе, лежавшем на пути в глубинные районы Дашт-и килчака и Китая, Темур осуществляет политический шаг - возведение над этой могилой парадной усыпальницы. Работа была завершена в 1392 г. К строительству были привлечены зодчие и мастера самой высокой квалификации из Маверауннахра и других стран. Они возвели здание, сложное по составу помещений, четко распланированных и включенных в лаконичную объемную композицию. Высокий свод пещтака выделяет главный вход. За ним - центральный зал-казанлык (или халимхана), названный так, поскольку здесь стоял огромный бронзовый котел для раздачи ритуаль-

ной пищи (халим). Далее на оси располагалась гурхана - усыпальница шейха, по обе стороны от нее - поминальная мечеть, библиотека, отделенные коридорами; в двух этажах служебные помещения. Во внешней композиции господствовал пештак, фланкированный двумя башнями, и за ним параллелепипед основного объема, увенчанного куполом казанлыка и куполом гурханы. Хотя последний был меньше по размерам, особое значение его подчеркнуто зубчатой разделкой купольной скуфьи. Декор традиционен для монументальной архитектуры времени Амира Темура - сдержанная полихромия цветных кирпичных орнаментов (гирихи и геометризованные надписи) и цветовые акценты мозаик и майолик в поясах, сталактитах, обрамленных тимпанов. Важную роль здесь играют надписи теологического содержания. Среди них скромно вплетены уже упомянутые имена некоторых мастеров. Убранство интерьера сдержанно - в главных помещениях яркие панели, на стенах и внутреннем куполе следы росписей. Мавзолей Ахмада Ясави уникален среди мемориальных зданий мусульманского Востока.

Свободна в своих построениях архитектура кадамджой. Характерный памятник этого рода - Чашмайи Аййуб в Бухаре, культ которого древний, возможно восходит к домусульманским временам. Его чистая вода (редкость для Бухары) почиталась святой, как и само место. По распоряжению Амира Темура в 1380 г. над колодезем было возведено оригинальное здание. Судя по архитектурным формам, в строительстве участвовали хорезмские мастера. Три помещения, расположенных на продольной оси, отличает изысканная разработка характерных для Маверауннахра внутренних куполов. Между тем над центральным отделом возвышается на высоком барабане конический купол - форма, типичная для монументальной архитектуры Хорезма.

Х а з и р е - это комплекс сооружений, сгруппированных вокруг двора и предназначенных для обрядов поклонения и погребального ритуала. Две крупные хазире были созданы в Шахрисабзе при Темуре (1389-ок. 1400 гг.), другое при Шахрухе в Герате (1427 г.) Шахрисабзский памятник именовался Дар ус-сиадат ("Вместилище власти, могущества"), и был

возведен как династийная усыпальница дома Амира Темура. Сама идея о его создании возникла у Амира Темура, когда внезапно умер его любимый старший сын Джахангир-мирза. Тело царевича было привезено в Шахрисабз и здесь погребено, и уже с самого начала перед архитекторами была поставлена задача создания хазире, в которой предстояло быть похороненным не только ему, но и самому Амиру Темуру и его ближайшим родственникам. Главный фасад выделял огромный пештак, фланкированный на углах башнями, по обе стороны которого размещались две усыпальницы, из них до наших дней дошла лишь та, где был захоронен Джахангир. Она известна в народе, как мавзолей некоего Хазрат имама, и это, вероятно, спасло её от разрушения, так как разрушить место почитания духовного лица считалось в глазах мусульман святотатством. Иное дело правители былых времен, чьи погребения в глазах сменявших их владык были лишь ненужным напоминанием о представителях низвергнутого клана. Амиру Темуру не повезло: еще при его жизни был убит другой его сын - Умар Шейх, тело которого было доставлено в Шахрисабз и захоронено в Дар ус-сиадате, но ненадолго: вскоре после смерти Амира Темура и захоронения его в Гур-Эмире туда же были препровождены останки Умар Шейха. Между тем сам Амир Темур предполагал упокоиться в родовом гнезде барласов - Шахрисабзе. Для него в Дар ус-сиадате на оси двора был уготован великолепный подземный склеп, облицованный белым мрамором. Массивный беломраморный саркофаг с откинутой крышкой сохранился до наших дней. Контуры гурханы над склепом обнаружены раскопками. Они показали также, что по периметру двора располагались некоторые другие помещения, но местами была только ограждающая стена. Сохранившийся же мавзолей Джахангира (Хазрат имам) предстает, как величественное сооружение со сложной конструкцией перекрытия, придающей его облику как бы устремленность к небесам. Здесь есть внутренний конструктивный купол, основанный на арках и угловых парусах, подвешенный к нему декоративный внутренний купол со сталактитами и звездчатым плафоном и возвышающийся на многогранном барабане наружный конический

шатер. Эта конструкция напоминает хорезмские архитектурные традиции и неслучайно: по историческим данным, Амир Темур предпринял большие строительные работы в Шахрисабзе после захвата им Ургенча, откуда были присланы мастера-строители.

Хазире в Герате было создано при высокочтимой могиле ходжа Абдаллаха Ансари (XI в.), считавшегося пиром-покровителем города. В XV в. над могилой его было поставлено великолепное каменное надгробие и сложена высокая стена с многострочной надписью, повествующей о добродетелях шейха. Над ними был возведен обширный сводчатый айван: двор был охвачен помещениями разных размеров, разнообразно оформленных, а по главному фасаду, также выделенному арочным порталом, размещены мечеть и приемный зал. Богатейший изразцовый декор сосредоточен на фасадах, особенно он богат в дворовом айване, где вокруг саганы Абдаллаха Ансари теснятся многочисленные надгробия гератских темуридов, знати и духовенства.

Масштабно было во времена Амира Темура гражданское строительство, однако до нас дошло очень немного. Одна из причин тому недолговечность строительных материалов жилых и хозяйственных построек (кирпич, сырец, битая глина, дерево), которые через два-три поколения ветшали и приходили в негодность. Постройки же из жженого кирпича разбирали ради превосходного материала, и если разрушение зданий мусульманского культа считалось святотатством, то поколения новых правителей предпочитали стирать память о деяниях своих предшественников разрушением созданных ими величественных сооружений гражданской архитектуры.

Среди построек XIV-XV вв. упоминаются дворцы правителей и знати, жилые дома, принадлежащие различным слоям населения, бани, а в городах-крытые рыночные здания - чорсу и тимы, караван-сарай как в городах, так и на торговых путях. В числе инженерных сооружений - специальные хранилища воды-сардобы, мосты, плотины, водоразделители, системы городской канализации. Все это ставило перед зодчими - меъморами, инженерами и мастерами строителями разнообразные, нередко сложные по выполнению задачи. Даже

простой обзор их занял бы многие страницы. Кратко остановимся на некоторых из них. Извне архитектуру городов прежде всего формировала их фортификация. В условиях непрекращающихся феодальных войн, создание надежной обороны составляло важную государственную задачу и к выполнению привлекались, помимо знатоков военного дела, большое число горожан. Для времени Амира Темура характерны опоясывавшие хисар и крепость рвы и высокие стены с зубчатыми парапетами, фланкированные полуовальными башнями. Особенно укреплены городские ворота с двумя мощными башнями, смотровыми и боевыми площадками. В цитадели были обычно одни ворота, прорыв в которые был затруднен находящимся под постоянным обстрелом отлогим пандусом для подъема к стене, а иногда лишь подъемным мостом, перебрасывавшимся через ров по мере надобности. Подобная оборонительная система позволяла выдерживать продолжительную осаду, и все же она не была универсальной - Амир Темура умел брать сильно укрепленные города.

В столицах особое внимание уделялось оформлению крепостных стен. Главные узлы фортификации нередко несли декор из глазурованных кирпичей на фоне обычной кладки - он сохранился, например, на некоторых башнях крепости Ихтиар ад-Дин в Герате. Именно крепостные стены воспринимались при приближении к городу как основа его архитектурного силуэта, который дополняли возвышающиеся вдали минареты, порталы, купола крупных зданий.

От городских ворот тянулись главные магистрали города. В Самарканде их было шесть, в Бухаре - семь, в Шахрисабзе - четыре. На них концентрировались главные потоки движения - двигались пешеходы и всадники, арбы и ручные тележки. Целые отрезки их были перекрыты либо деревянными кровлями, либо сводами и куполами, образуя длинные галереи со световыми окошками наверху. Эти системы охраняли от зноя в жаркое время года и от осадков в пору дождей и снега. Вдоль таких магистралей размещались главные базары, лавки и мастерские, которые часто продолжались на поперечных улочках. Места пересечений базарных улиц нередко выделял обширный чарсу, увенчанный центральным куполом

в окружении малых куполов, над расположенными по периметру лавками. На этих местах шла бойкая торговля. В них обычно концентрировались однородные товары. Так, при Амуре Темуре в центре Самарканда царицей Туманага, вошедшей в историю не только как его любимая жена, но и как покровительница строительства, был возведен базарный пассаж - тим Туманага, где продавали головные уборы - простые и узорные чалмы, расшитые тюбетейки, меховые папахи. Однако многочисленные базарные сооружения темуридской поры в Средней Азии до нас не сохранились. Впрочем, к XV в. восходит в своей основе Так-и заргаран - Купол ювелиров в Бухаре. О нем на рубеже XV-XVI вв. упоминает писатель Зайн ад-Дин Васифи как о "чарсу близ медресе убиенного султана Улутбека". Позднее здание было подвергнуто перестройке, сохранив, однако, первоначальную композицию - приподнятый над пересечением двух главных улиц обширный купол ребристой конструкции на восьмигранном основании при перекрытых малыми куполками угловыми отделами. В двух этажах его сосредоточены были мастерские и лавки ювелиров. Немногое можно сказать и о таких объектах гражданской архитектуры XIV-XV вв., какими были многочисленные караван-сарай. Письменные источники упоминают о караван-сараях Мирзои, возведенном Улутбеком на северной стороне площади Регистан. Однако уже в XVII в. на его месте было выстроено медресе Тилля-кари. Как показали исследования фундаментов и цоколей, оно почти повторило план караван-сарая - его прямоугольный двор, вероятно, в обводе галерей и помещений и парадно развернутый главный фасад, обращенный на площадь, с центральным пештаком и угловыми башенками - гульдаста. Это был царский караван-сарай, несомненно насыщенный роскошной отделкой.

К XV в. относятся бани в Шахрисабзе и близ самаркандского Регистана. Это рядовые образцы столь распространенных на Среднем Востоке зданий бытового назначения, притом перестраивавшихся с течением времени. Между тем и в темуридских городах, особенно в крупных центрах, было немало бань, возведенных представителями темуридского

дома, феодальной знатью и крупным духовенством. Причем, некоторые из них передавались в вакф. Представления о таких банях дают миниатюры к “Шах-наме” (сюжет раздачи Фирдоуси медных монет, переданных ему Махмудом Газневи в награду за этот великий труд поэта) и к “Хамсе” Низами (сюжет, связанный с хвастливым цирюльником и халифом ал-Маъмуном в бане). Здесь можно видеть вход, приемный зал наслаждений после завершения моечных процедур, мыльный зал - обширный, перекрытый куполом, с нишами по бокам и бассейном посередине, помещением, где берут в тазы горячую и холодную воду. Панели их облицованы изразцовыми плитками, на стенах - нередко орнаментальная роспись. Топка располагалась позади. В целях лучшей теплоизоляции стены бани частично были заглублены в землю: отопление осуществлялось системой подземных жаропроводящих каналов - какнов. Баня играла едва ли не такую же роль, как термы у древних римлян - это было не просто гигиеническое заведение, но и место, где после мытья отдыхали, вели беседы, играли в шахматы.

Внутри хисара в плотной ткани кварталов (махалла) преобладала жилая застройка. От XV в. она не дошла, но составить представление об облике жилых домов позволяет книжная миниатюра. Характерная черта миниатюр, даже иллюстрирующих события далеких времен - будь ли то времена Искандара Зу-л-Карнайна, Бахрамгура или Хосрова Ануширвана, в том, что действующие лица и антураж, костюмы и обстановка здесь воспроизводят современную художнику среду. При всей условности масштабных соотношений персонажей и фоновой архитектуры, отсутствие перспективы, плоскостности объемов, художники оставались достоверны в главном - соответствии времени создания самих миниатюр как облика участников действия, так и бытовой среды, в которой разворачивается действие. И потому миниатюры позволяют составить представление о жилых домах Маверауннахра и Хорасана XIV-XV вв., тип которых во многом сохранился в народном строительстве до наших дней. Эти жилые дома на миниатюрах XIV-XV вв. - в один или два этажа. Единственный вход обращен на вымощенную

площадку двора, окаймленного деревьями, иногда с бассейном посередине. Нередко имеется навес на деревянных колоннах, на втором этаже лоджии или выносные балконы - варианты тех балхана, которые столь типичны для жилых домов среднеазиатского региона. Стены домов элиты на миниатюрах с фактурной разработкой кирпичной кладки, изразцовыми бордюрами и карнизами, крыша плоская с шатровой башенкой выхода на нее.

С жилой архитектурой соотносятся дворцы. Однако если не считать выделения мужской и женской половины, в архитектурном отношении это нечто иное, чем просто богатый жилой дом. Дворцы отличаются грандиозностью масштабов, роскошью отделки. Предназначение их - не только быть местом пребывания членов царствующего дома или элиты, но и местом приемов: всем своим обликом подчеркивающим знатность владельца. Все это выдвигало перед зодчими круг иных задач, чем в обычном, хотя бы и богатом жилом доме.

Существовало два типа дворцов. Одни - официальные, предназначенные преимущественно для выполнения административно-политических функций и располагались внутри крепости или хисара. Другие - загородные резиденции, размещенные в садах-парках. Здесь также производились приемы, сопровождавшиеся пиршествами, но чаще просто маджлисами. В них владетель проводил часы досуга, устранившись от дел и предаваясь радостям и увеселениям.

Дворцы первого типа были возведены Темуром в Самарканде - Кук-сарай и в Шахрисабзе - Ак-сарай. Об официальном предназначении последнего говорит краткое описание Бабура: "Темурбек соорудил в Кеше величественное здание. Для заседаний своего дивана он построил огромный пештак, а с правой и левой стороны для заседаний дивана таваджибеков с диванбеками два меньших пештака. Для сиденья же жалобщиков сделали с одной стороны этого строения небольшую арку". Ныне от Ак-сарая дошли лишь устои его входного портала. Подробное его описание оставил Клавихо: "На другой день, в пятницу, посланников повели осматривать большой дворец, который строился по приказанию царя. Говорили, что уже двадцать лет в нем работали каждый день,

и даже теперь трудилось там много мастеров. Во дворце очень длинный ход и очень высокие ворота, и здесь же при входе с правой и левой стороны находились кирпичные арки, отделанные изразцами, выложенными разными узорами. А под этими арками находились как бы маленькие комнаты без дверей, то есть углубления с полом, выложенным изразцами, и это было сделано для того, чтобы там могли сидеть люди, когда во дворце находился сеньор. Сразу же за этими воротами находились другие, а за ними большой двор, вымощенный белыми плитами и окруженный богато отделанными галереями, а среди двора большой водоем, и этот двор занимает в ширину шагов триста, и через него входили в самое обширное помещение дворца, куда вела очень большая и высокая дверь, отделанная золотом, лазурью и изразцами - все очень искусной работы. А над дверью посредине был изображен лев на фоне солнца, а по краям точно такие же изображения. Это был герб сеньора самаркандского ... Через эту дверь приходишь в приемный зал квадратной формы, стены которого расписаны золотом и лазурью и отделаны изразцами, а потолок весь позолочен. Отсюда посланников провели в верхний этаж, и так как весь дом был отделан золотом, им показали столько помещений и покоев, что сразу и не расскажешь. Отделка была золотом, лазурью и другими разными цветами, достойная удивления даже в Париже, где (были) искусные мастера. Эта работа (и у них) считалась бы прекрасной. (Потом им) показали комнаты и покои, предназначенные для самого сеньора, и его жен, с необыкновенно богатой отделкой стен, потолка и пола. Над постройкой этого дворца работало много разных мастеров". Главный фасад Аксарая со входом во дворец был выделен монументальной галереей (пештаком), перед которым располагалась площадка, ограниченная с юга крепостной стеной города. Обширный свод его пролетом до 22 м. фланкирован округлыми башнями на восьмигранных цоколях. В декоре поразительное богатство изразцовых облицовок из синих, белых, голубых кирпичей и наборами резных мозаик, в которых царит сине-голубая гамма. Выполнение этого декора связано с именем мастера из Азербайджана Юсуфа Тебризи.

Фасад дворца украшали многочисленные надписи, но в большинстве своем они исчезли, некоторые же были ранее переписаны. Это хвалебные сентенции или стихи, прославлявшие дворец и его создателя - Амира Темура, например:

О, благодетель ! Царствуй над землею,
Как Соломон. Живи же дольше Ноя!
Пусть счастье принесет дворец владельцу,
Чьей красотой не может небо наглядеться!

У Низам ад-Дина Шами читаем: “Поскольку (арка) и равак (аркатура) его достигают до звезды Айюка, никто равного ему в мире не наблюдал и подобного ему не достигал”.

История сооружения Ак-сарая обросла в народе легендами. Одна из них повествует о зодчем, возводившем порталный свод. Амир Темура торопил с его завершением, но однажды, закрепив длинную цепь, мастер оставил его несведенным в замке и исчез. Амир Темура был в ярости, но зодчего нигде не нашли, другие же мастера не решались братья за эту сложную задачу. Так прошло два года, и вдруг зодчий сам предстал перед Амиром Темуром и сказал: “Посмотри, когда я ушел, цепь достигала моей головы, а сейчас она ниже плеч. Значит, произошла усадка устоев, и теперь я могу свести свод, а иначе он бы дал трещины, а потом и разрушился”. Амир Темура сменил гнев на милость, работа была завершена и мастер был удостоен награды. Кроме устоев портала дворец был со временем почти начисто уничтожен.

В Самарканде главным правительственным дворцом Амира Темура, а затем и Улутбека был Кок-сарай. Он располагался в крепости и пользовался недоброй славой. Здесь наряду с государственными канцеляриями, казначейством была тюрьма, где содержали высокопоставленных лиц. Дворец был четырехэтажным, и, очевидно, возвышался над крепостными стенами, служа своего рода дозорным пунктом. Названием Кок-сарай он, очевидно, был обязан обилию облицовок глазурованными изразцами и кирпичами с преобладанием сине-голубой гаммы. Иными сведениями о его архитектуре мы не располагаем.

Преобладал, однако, иной тип дворцов, предназначенных для приятного времяпровождения, пиршеств и встреч, которые располагались в садах-парках. Таким в крепости Самарканда был Бустан-сарай. Но дворцы этого рода в основном находились в загородной зоне, среди обширных, четко спланированных садов-парков. Амир Темура был буквально охвачен лихорадкой разбивки таких дворцов-садов в округе Самарканда, где их было создано целых двенадцать. Здесь он пребывал в недолгие периоды по возвращении из очередного похода. Археологи В.Л.Вяткин, М.Е.Массон и У. Алимов определили местоположение большинства этих садов, но, к сожалению, реальные следы их малочисленны, ибо дворцы уже давно были разрушены, их строительные и декоративные материалы расхищены. Лишь незначительные остатки выявлены археологическими раскопками. Названия этих садов приведены восточными авторами, а некоторые упоминаются и у Клавио. Самый ранний - "Баг-и накш-и джехан" ("Сад - копия мира") создан в 70-х годах XIV в. у подножья горки Кухак. Баг-и Бешишт ("Райский сад") был разбит для жены Темура Туман-ага в 1378 г. к западу от Самарканда. Баг-и амирзаде Шахрух (Сад царевича Шахруха) заложен, видимо, в 1394 г. в ознаменование возвращения Шахруха из похода в Закавказье. Баг-и бульды (Сад довольства), именованный также "Дальним", располагался к востоку от Самарканда, у аллеи Кучайи хийабан. Баг-и дилькуша (Сад, пленяющий сердца), или "Ближний", лежал к востоку от города в местности Хан-чарбаг. Разбивка его была начата в 1396 г. и закончена к 1399 г., но отделочные работы во дворце продолжались и позднее. Баг-и шамал (Сад северного ветерка) или "Сад прохлады" был заложен в 1397 г. к северу от Самарканда для одной из внучек Темура. Баг-и заган (Сад воронов) находился у Кучайи-хийабан, за садом Баг-и бульды. Баг-и баянд ("Высокий сад") считался одним из лучших садов Амира Темура. Сад Давлатабад ("Пребывание власти" или счастья) находился к югу от Самарканда в Даргомской степи и создан в 1399 г. ко времени возвращения Амира Темура из индийского похода. Баг-и чинар ("Чинаровый сад") располагался к югу от города. Баг-и нау ("Новый сад") стоял за западной самаркандской

стеной и разбит в 1404 г. Баг-и джеханнумо (“Сад, отражающий мир”) находился на пути к Шахрисабзу, видимо, где-то на склоне перевала Тахта-карача. Баг-и майдан (“Сад площади”) был начат Амиром Темуром и завершен при Улугбеке, он стоял к северу от Афрасиаба. В каждом из этих садов располагался дворец, разнообразные павильоны и шатры.

Архитектура загородных дворцов неразрывно связана с высоким развитием в XIV-XV вв. садово-парковой архитектуры, которая несет в себе черты многовекового опыта и его эстетического осмысления. Появляются специальные пособия по земледелию, отдельные главы которого посвящены разбивке садов, правилам посадки зеленых насаждений, водным устройствам и архитектуре. Один из таких трактатов, “Иршад аз-зераъ”, составленный в Герате в конце XV в. и концентрирующий опыт всего века Темуридов, дает главу, посвященную разбивке специфического для Среднего Востока ч а р б а г а - четырехчленного сада. Она во многом совпадает с описаниями современниками садов Амира Темура.

Ч а р б а г - это архитектурный сад регулярной планировки. Он квадратен или прямоуголен в плане, обнесен стеной, вдоль которой насажены стройные деревья сафидори самарканди (“самаркандские тополя”). На главном фасаде - парадные ворота, за ними главная аллея, которую перерезает аллея поперечная. В образовавшихся при этом четвертных отделах - дополнительные дорожки - прямые и диагональные, и в них и на площадках между ними в цветниках (чаманах) - разнообразные цветы. При этом рекомендован подробный перечень декоративных и плодовых деревьев, цветников и газонов, где продуманы не только их гармоничные сочетания, но также время созревания плодов, цветения цветов, когда одни уже отцветают, но другие распускаются. Учитывается даже осеннее увядание деревьев и кустов, где контрастирует желто-багровая и коричневатая листва. В центре, на пересечении главной и поперечной аллеи - высокое парадное здание, или дворец, перед ним вымощенная площадка. Не забыты ирригационные сооружения - арыки, тянувшиеся вдоль ограды, отведены на цветники (чаманы) и к центру. Здесь перед зданием расположен обложенный

плитами бассейн (хауз). На миниатюрах можно видеть разнообразные по форме бассейны: квадратные, прямоугольные, восьмигранные, круглые фестончатого очертания. При раскопках на территории Багча (“Садика”) Улугбека был расчищен небольшой двенадцатигранный бассейн, обложенный каменными плитами.

Наряду с чарбагом существовал и иной, террасообразный тип садов, особенность которого диктовалась расположением на склоне высокого холма или на взгорье. Таким был например Баг-и майдан (“Сад площади”), заложенный Амир Темуром на склоне Чупан-Аты и завершенный уже при Улугбека. Скат рельефа разрабатывали в виде уступов, осуществляя соответственно посадки, а на главной оси вверху располагалось роскошное здание - дворец. Таков был замечательный сад темуридского вельможи Дарвиш Мухаммад тархана, охарактеризованный Бабуром, как один из лучших в Самарканде по опрятности воздуха, красоте и общему благоустройству.

Главным архитектурным сооружением загородных садов являлось здание - дворец. Они не сохранились, но представления о них дают описания современников, а также изображения на миниатюрах. Для примера приведем описание Шараф ад-Дина Али Йазди дворца Баг-и дилькуша. “В начале осени 799 г.х. (1397 г.) Амир Темур повелел разбить на окраине прекрасной долины Кан-и гиль сад, красота которого превзошла бы все другие, ранее созданные в его империи (сады). Астрологи предсказали счастливый час для его закладки, а зодчие начертили план расположения аллей и лужаек. Каменщики заготовили свои инструменты, а художники приготовили эскизы тех шедевров, которые предстояло нанести в будущем дворце. Искуснейшие архитекторы всей Азии, проживавшие в Самарканде, заложили основание квадратного плана по полторы тысячи гязов в стороне, а посередине каждой из них устроили высокие входы. Сводчатые плафоны дворца украсили лепными и мозаичными украшениями, а окружающие его стены покрыли кашинными облицовками. В четырех углах сада возвели высокие павильоны, украшенные изразцами чудесных расцветок, распределенные с большим искусством и восхитительным мастерст-

вом. Сад был разбит аллеями с превосходной симметрией на квадратные партеры и небольшие садовые участки разных форм. Амир Темур пожелал, чтобы по обочинам этих аллей насадили бы сикоморы, и чтобы одни участки были засажены плодовыми деревьями, а другие - только цветами. Когда сад стал соответствовать его желанию, он назвал его Баг-и дилькуша, то есть "Сад, пленяющий сердца". Посреди основали трехэтажный дворец с высокими сводами и оформили (его) разными украшениями, какие только могли чаровать человеческий взор. Он был выстроен прочно, на долгие времена, покрыт разнообразным убранством и окружен мраморной колоннадой, придававшей ему царственное величие".

О том, как выглядели интерьеры подобных дворцов дает представление и дневник Клавихо. Вот описание летнего дворца, где послаам оказала прием жена Амира Темура Сарай Мульк-ханум. Он располагался в саду с богатой растительностью и размещенными здесь шатрами и навесами из цветных ковров и узорчатых тканей. Клавихо писал: "А посреди этого сада стоял очень красивый дом, выстроенный в виде креста и богато отделанный. В самом доме было три алькова, где (можно) поставить кровать или возвышения, а пол и стены были покрыты изразцами. Прямо при входе находился самый большой из этих альковов, и в нем большой, серебряный с позолотой стол, высотой в человеческий рост и шириной в три локтя и перед ним - ложе, (устланное) маленькими подстилками из камки и других шелковых тканей, расшитых золотом и положенных одна на другую. Здесь садился сеньор (Темур), а стены были покрыты шелковыми занавесками розового цвета. А эти занавески были украшены серебряными, позолоченными бляшками и хорошо вправленными изумрудами, жемчугом и другими камнями. (Сверху), свисали шелковые полотнища шириною в пядь, доходившие донизу и украшенные так же, как и занавеси. С этих полотнищ свисали разноцветные шелковые кисти, а когда налетал ветер, они раскачивались в разные стороны, и было очень красиво. Перед входом в этот альков (сделанный) в виде большой арки, висела такая же занавесь, так же украшенная, на шестах, подобно копьям, и со всех сторон

свисавшими до пола большими кистями на шелковых шнурах. Другие альковы были убраны иными украшенными занавесками, а на полу лежали ковры на тростниковых циновках”.

Особый род архитектуры легких форм составляли павильоны и шатры. Они располагались в богатых садах, причем наряду с легкоразборными павильонами были и капитально выстроенные. Так, Клавихо упоминает роскошный павильон этого рода у дворца Ак-сарай в Шахрисабзе: “Потом посланников (повели) смотреть зал, предназначенный сеньору для пиров и чтобы (проводить там время) со своими женами. Он огромен и богатой отделки. А перед входом в сад такое обширное (пространство), что здесь в летнее время у водоемов могло бы сидеть множество народа под сенью деревьев”. Следует упомянуть также Чини-хане в небольшом садике “Багча” Улугбека, располагавшемся возле Баг-и майдана. Само название “Чини-хане” (Китайский павильон) связано с тем, что в облицовках здесь были использованы плитки подлинного китайского фарфора типа “кобальт”, в те времена баснословно дорогого, а также его имитации на силикатной (кашминой) основе, с повторением китайских орнаментальных мотивов. Фрагменты тех и других плиток были найдены при археологических раскопках и хранятся в Самаркандском краеведческом музее.

Установление особенно разнообразных шатров и павильонов случалось на пышных празднествах, организовавшихся по личному распоряжению Амира Темура и Темуридов. К их проведению привлекались разные слои горожан, особенно ремесленники, соревновавшиеся в создании разнообразных, порой причудливых павильонов или разнообразных шатров.

Шатры у многих народов Средней Азии, где постоянно соседствовали бытовые черты земледельческого и кочевого населения, играли особую роль. Наряду с простейшим типом шатра, основанного на двух-трех стойках с накинутым поверх войлоком или плотной шерстяной тканью, среднеазиатское кочевое общество создало высокосовершенный тип сборно-разборного жилища - юрту. Они были привнесены и в городскую среду и частью преобразованы в архитектуру

сборных павильонов. При Темуридах те и другие получили небывалое распространение в придворной и вообще элитарной среде. Городские ремесленники, восприняв идею шатра, усложнили её конструктивный остов, обогатили применением расшитых кроющих тканей и ковров и разработали порою очень сложные композиции. Разнообразие и красота шатров и павильонов, увиденных в Самарканде, поразили Клавихо, который, конечно же, ранее видел немало мавританских шатров. Однако ничего подобного арабский мир не создавал.

В дни празднеств, устраивавшихся правителями в ознаменование каких-либо событий: возвращения из походов, свадеб представителей темуридского дома - на улицах и площадях разбивались шатры и павильоны. В отличие от придворных меджлисов, предназначенных для элиты, в таких празднествах принимали участие самые широкие круги горожан. В Самарканде они проводились на загородном урочище Кан-и гиль, а также на городских площадях, где были раскинута палатки с разнообразными товарами, гремела музыка, выступали скоморохи и канатоходцы. Каждый цех старался поразить особыми придумками, отражавшими профессиональное мастерство и созданными для радости и веселья.

Современники оставили описания некоторых подобных празднеств. Подробные сведения о празднестве, устроенном в 1404 г. в Кан-и гиле близ Самарканда, по случаю возвращения Амира Темура из похода и свадьбы его внуков, дают, дополняя друг друга, Клавихо, Шараф ад-Дин Али Йазди и Ибн Арабшах. Испанский посол посвящает немало восторженных страниц детальному описанию шатров и павильонов, увиденных им на пирах у Амира Темура, в его загородных дворцах и на приемах, оказанных ему Амиром Темуром и двумя его женами. Но особенно детально он описывает целый стан, устроенный на Кан-и гиле. Здесь располагались отдельные ограды, как у города или замка, очень высокие, увенчанные зубцами и обтянутые узорными шелковыми тканями. Вход в таких оградах был выделен порталом с аркой и внутренним помещением, куда вели резные двери, над которым возвышалась башня с зубцами и все это было богато

орнаментировано. Внутри располагались шатры и павильоны. Устройство их варьировало, начиная от квадратной палатки с центральным столбом и протянутыми к углам веревками, несущим свесы ткани к устроенным по-разному композиционно-сложным павильонам. Особенно поразил Клавихо тот величественный павильон, который был предназначен для самого Амира Темура. Он писал: “Так обширен и велик этот павильон, что казался замком. Его размеры и высота приводили в изумление, а красот в нем было гораздо больше, что невозможно описать”. Посол далее дает подробное его описание: “Крыльцо, основанное на двенадцати столбах, вело к квадратному павильону также на двенадцати очень мощных внешних столбах. Они несли сводчатый плафон из натянутой шелковой ткани, украшенной изображениями четырех орлов. Еще четыре столба были на углах. До пятисот цветных веревок несли натянутую снаружи шелковую ткань, крашенную в белую, черную и желтую полосу. Пол был застлан красным ковром, узоры которого были прошиты золотыми нитями. Внутри он был двухэтажным, центральный отдел был приподнят на четырех столбах, образуя башню с зубцами, также обтянутую шелком. В интерьере располагалось возвышение, на котором восседал сам Амир Темура во время приемов и пиршеств”.

Клавихо подробно описывает также парадную юрту, поразившую его своей формой, высотой, оформлением. Он упоминает еще множество шатров, натянутых на веревках, покрытых алым бархатом и иными тканями, с нашитыми поверх серебряными медальонами или узорными аппликациями, упоминает, что в оформлении одного из них входили полузолоченные фигуры орла и соколов, приготовившихся к полету, а также говорит о венчании столбов луной и яблоком, - очевидно воспринятым в эпоху ислама древним символом луны и солнца.

Заслуживает внимание еще и тот факт, что мастера по изготовлению павильонов выполнили для Амира Темура сборно-разборную деревянную мечеть, которую он брал с собой в походах. В частности, во время празднеств на Кан-и гиле она возвышалась среди шатров за особой оградой. По

словам Клавихо, “этот дом, высок и входили туда по ступенькам. Он окружен деревянными ходами и галереями. Весь дом расписан красивыми узорами золотом и лазурью и так сделан, что его можно было ставить и разбирать, когда нужно”.

Шараф ад-Дин Али Йазди посвящает празднеству на Кан-и гиле стихотворный панегирик, где по его словам,

Шатры и купола его - очей отрада,
Соперничать могли бы с роскошью Багдада!

А о центральном павильоне Амира Темура, подробно описанном Клавихо, он говорит:

Вознесся ввысь высокий павильон,
Обтянут шелком и парчою он.
С вершины и до самых до полов,
Покрытый шелком радужных ковров.

И далее:

И у других ремесленных цехов
Был павильон особенный готов.

Таких павильонов было до ста четырех, сообщает историк, в том числе и выполненный чистильщиками хлопка и так поразивший Клавихо минарет:

Нетрудно минарет из кирпича создать,
Но как из хлопка минарет поднять?
Тот минарет настолько был высок,
Что к небу лестницей служить бы мог.
Как стан прелестницы, был строен он,
Передвигался постепенно он,
И сверху донизу украшен минарет,
Расцвечен хлопок весь был в яркий цвет.

Минарет не был единичен. По Ибн Арабшаху, “ткачи хлопка устроили павильоны (мадинат) из хлопка, устойчи-

вые, превосходные по пропорциям, привлекательные устройством, крепкие по виду, прекрасные, белизной превосходили белки глаз черноокой (красавицы), совершенством устоев превосходили дворцы”.

Многообразие шатровой архитектуры нашло отражение в изобразительном искусстве темуридской эпохи. На миниатюрах со сценами маджлиса у султана или его интимной встречи с красавицей бывает показан садовый павильон. Обычно он квадратный, на четырех тонких стойках, с плоским потолком и фигурным карнизом, иногда увенчанный башенкой. Создание таких павильонов стоит как бы на стыке архитектуры и декоративно-прикладных искусств - узорного ткачества, вышивки и ковроделия.

Одно из выдающихся достижений архитектурно-градостроительной мысли и практики темуридской эпохи составляли архитектурные комплексы и ансамбли. Массивы городских кварталов включали запутанную сеть криволинейных улочек и тупиков - оконтуривавших частные владения, огражденные высокими глиняными заборами, за которыми протекала жизнь семьи. Если наружу и выходили стены жилых домов, то начисто глухие, а окна, айваны, балханы были обращены во внутренний двор. Иное дело главные городские узлы и магистрали, где возводились монументальные здания репрезентативной архитектуры. Участки здесь ценились очень высоко и, как правило, принадлежали членам правящего дома, элите, высшему духовенству.

Здесь же следует сказать, что ансамбли и комплексы далеко не всегда возникали по единому замыслу. Но, осуществляя новое строительство, зодчие всегда имели в виду взаимосвязь с уже существующей застройкой, основываясь на принципах гармоничных или контрастных масштабов и форм. Из созданного при Темуре и Улугбеке зданий до наших дней дошли немногие, притом нередко с большими утратами, иногда описания современников и археологические остатки позволяют восстановить о них общее представление.

Архитектурные комплексы обычно включали в единый внешний контур внутренне взаимосвязанные, но почти самостоятельные здания. Таково было упомянутое выше здание

усыпальниц Дар ус-сийадат в Шахрисабзе. Другой объект - комплекс мавзолея Гур-Эмир в Самарканде. На рубеже XIV-XV вв. здесь было два здания, соединенные внутренним двором - медресе и ханака царевича Мухаммад Султана, внука Амира Темура. На осях двора было четыре сводчатых айвана, где в одном располагался вход в ханаку, а в противоположном - в медресе. Оба здания скромных размеров. Медресе одноэтажное, в нем было до двадцати худжр и угловые аудитории (дарсхане). Это был своего рода лицей, где Мухаммад Султан обучался вместе со своими сверстниками из знатных семей, которых готовили к будущей государственной деятельности. Расположенная напротив ханака включала зал для совершения молитв, суфийских беседований с этими молодыми людьми и несколько худжр. Внутри двора, скорее всего, как и ныне, было два-три тенистых дерева, виноградная лоза, цветник. Главный фасад всего комплекса по центру был выделен стройным порталом, где над входом зодчий Исмаил Исфакхани оставил свое имя. Углы двора фланкировали четыре стройных двухзвеневых минарета. Это были не минареты для призыва на молитву, а своего рода смотровые башни, откуда царевич и его друзья могли любоваться панорамой Самарканда. Башни, лицевой и дворовые фасады оформлял изысканный изразцовый декор с его нецеломеркнувшей до наших дней лазуревой мозаикой и глазурованными кирпичами, выделявшимися на фоне розоватого притертого кирпича. По данным источников, где-то неподалеку располагался дворец Мухаммада Султана. Вероятно, от тех времен дошел расположенный перед фасадом бассейн - хауз.

В 1404 г., когда тело безвременно скончавшегося Мухаммада Султана было привезено в Самарканд и временно погребено в ханаке, Амир Темура распорядился возвести рядом парадный мавзолей для него, который потом стал бы местом упокоения и других членов династии. Срок был отпущен минимальный, и в течение года был воздвигнут Гур-Эмир. Создателем проекта и его реализатором был выдающийся зодчий, имя которого до нас не дошло. Он принадлежал к иной архитектурной школе, нежели Исмаил Исфакхани, к

той, что сложилась в Самарканде к началу XV в. на основе взаимодействия собранных здесь местных и пришлых архитекторов, инженеров (мухандисов) и мастеров декора. Мавзолеей примыкал к северному айвану двора, расширив и приподняв его свод. Первым здесь поместили шейха Мир сайида Барака, духовного наставника Амира Темура. Кстати, первоначально здание именовали Гури-Мир, т.е. “Усыпальница Мира (Сайида Барака),” и лишь позднее - Гури-Эмир, т.е. Амира Темура. Когда здесь были погребены Амир Темур, его сыновья и внуки, интерьер и склеп заполнили их надгробия, - комплекс Мухаммад Султана стал темуридским мемориалом, одну из аудиторий медресе использовали для захоронения женщин из дома Темуридов. При Улутбеке же, в 1424 г., к западной стороне Гур-Эмира была пристроена галерея и уже через нее, а не через главный айван осуществлялся вход в мавзолей, поскольку было бы непочтительно вступать в него со стороны изголовья высокочтимого лица - Сайида Барака. Продолговатое пространство галереи подразделено четырьмя арками и куполками на щитовидных парусах, в оформлении - росписи синим по белому. Позднее, когда мавзолей был заполнен, с западной и с южной стороны возводятся дополнительные помещения. И, наконец, в XVII в. у западного фасада предпринимается строительство обширного здания с глубоким сводом, которое осталось незавершенным.

Комплекс Гур-Эмир, таким образом, предстает в постепенном изменении, причем строители, включая новые элементы, проявили большую корректность по отношению к уже существующим его отделам, не нарушая масштабов и органически вписывая новые объемы.

Еще один, уже не столь парадный, но выполненный в благородном архитектурном стиле, кульгово-мемориальный комплекс - Дор ут-тилават в Шахрисабзе - был создан по распоряжению Улутбека. Здесь над могилой чтимого местного шейха Шамс ад-Дина Куляла еще при Амине Темуре был возведен мавзолей, а рядом похоронен его отец эмир Тарагай. Напротив него в 1435/36 гг. Улутбек возводит от имени своего отца Шахруха мечеть Кок-гумбаз. Название связано с высоким

голубым куполом центрального объема, по обе стороны которого расположены арочные галереи, основанные на столбах, открытые во двор. Ко двору примыкало медресе Дор ут-тилават, но оно не сохранилось. Может быть часть его художники повторяют поздние художники с северной стороны. И, наконец, смежно с усыпальницей Шамс ад-Дина Куляля возводится мавзолей, известный под названием Гумбаз-и саййидан (“Купол саййидов”). В народе его связывают с захоронением местных саййидов, генеалогия которых восходит к самому пророку Мухаммаду. Между тем подкупольная надпись в интерьере гласит: “Повеление сооружения этой усыпальницы (макбарат) потомков благословенного султана великого, ученейшего ... Улугбека курагана, да продлит Аллах всевышний его царствование и его султанство в месяцы лунного года 841 (1437-38)”. Так для кого же была выстроена гробница? Для шахрисабзских сородичей Улугбека, откуда вел свою генеалогия род Темуридов, или вообще для саййидов? По-видимому, истина посередине: в нем погребены и члены этого рода, и один из саййидов, как их духовный покровитель-пир. Гумбаз-и саййидан - это стройное сооружение с двойным куполом: внешний являет голубую скуфью на стройном барабане, внутренний - со звездчатым по контуру плафоном на щитовидных парусах. В интерьере-изразцовая панель, на стенах и парусах-растительные и эпиграфические росписи, выполненные в характерной для времени Улугбека сине-белой гамме.

Небольшой мемориальный комплекс ходжи Абди Дарун сложился в Самарканде у погребения этого видного средневекового законоведа (факиха). Название Дарун, т.е. “внутренний” связано с тем, что он, в отличие от другого-ходжа Абду Бируна, находится в черте хисара. В XIII в. над погребением его, по указанию Сельджукида Султана Санджада, был возведен небольшой мавзолей, пришедший в упадок при монголах. По распоряжению Улугбека, он был восстановлен и смежно к нему возвели небольшую портално-купольную ханаку. Формы ее выдержаны в хороших пропорциях, но размеры невелики, декор сдержан. Вокруг, с трех сторон, появился обвод кирпичными дахма с фамильными захоро-

нениями, а впереди небольшой дворик с бассейном посередине. С двух сторон двора - худжры небольшого медресе, а с западной - расположена мечеть с навесом на деревянных колоннах - то и другое уже восходит к XIX в., но, по-видимому, повторяет пришедшие в упадок прежние постройки. На кладбище, сложившемся возле этого комплекса, немало каменных надгробий - сагана XV в., покрытых прекрасной резьбой.

Архитектурные комплексы являют воссоединение располагавшихся здесь помещений в едином контуре. Что касается архитектурных ансамблей, то это уже группа самостоятельных зданий, размещенных в едином пространстве, с учетом взаиморасположения их осевых связей, соответствия и гармонии объемов.

Простейший тип ансамбля в Средней Азии - размещение зданий по принципу "кош", то есть спаренных, сдвоенных, когда на единой оси возводится два разделенных улицей или небольшой площадью монументальных здания, не повторяющих друг друга, но масштабно уравновешанных и сходных в разработке форм. Таков был, например, ансамбль соборной мечети Амира Темура и медресе Сарай Мульк-ханум. Порталы их лежат на единой оси, причем в медресе он крупнее, что, по Ибн Араб-шаху, вызвало гнев Амира Темура. Он приказал срочно перестроить портал мечети, увеличив его общий масштаб.

Шедевром мирового градостроительного наследия и поныне является самаркандский Регистан. Но это не тот Регистан, который был создан при Улугбеке и от которого дошло лишь медресе, а новый, переоформленный в XVII в. Он прекрасен и величественен, но его пространственно-планировочная идея упрощенней, чем у Регистана XV в. Источники донесли достаточно сведений, чтобы представить общий облик и взаиморасположение слагающих его тогда сооружений. Начало ему было положено в 1417 г., когда, по распоряжению молодого правителя Улугбека, было начато строительство медресе. Но для упорядочения площади возникла сложная проблема: на ней возвышался незадолго до того возведенный тим Туман-аги, завещанный ему в вакф и как

таковой, согласно мусульманского законодательства, не подлежал сносу. Однако судьи нашли выход и постановили возвести поодаль новый тим, абсолютно идентичный, после чего первоначальный был снесен. После этого площади придали квадратный вид и окаймили по сторонам монументальными зданиями. К 1420 г. уже было завершено строительство медресе, а вскоре на противоположной стороне, на его главной оси возвели ханаку Улугбека. С северной стороны построили караван-сарай Мирзои, переданный Улугбеком в вакф упомянутой медресе. С юго-восточной стороны площади находилась сильно обветшавшая соборная мечеть домонгольского периода. Она была перестроена при Улугбеке Алейка-Кукельташем, выполнившим этот богоугодный акт перед кончиной. При этом была осуществлена полная её реконструкция с заменой колонн, перекрытий, вероятно, и декора. Где-то вблизи располагалась небольшая мечеть Мукатта. Название это было дано потому, что ее деревянные колонны, потолки, вероятно, и михраб покрывала богатейшая резьба, как отмечает Бабур. По-видимому, Мукатта являла собой роскошный образец тех квартальных мечетей с зимним помещением и летним айваном на деревянных колоннах, которые типичны для Самарканда и возводились еще в XX в.

Словом, Регистан стал при Улугбеке подлинным центром общественной жизни. Здесь проходили парады, провозглашались государственные указы, справлялись мусульманские праздники Курбан и Рамазан. По существу он был и коммерческим центром, поскольку сюда сходились лучами шесть главных торговых магистралей города.

Пространство площади организовывали фасады, окаймлявших ее здания, все со своим лицом, но выдержанные в едином стиле. Фасад медресе Улугбека был выделен стройным порталом, угловыми минаретами и зубчатыми куполами в промежутках. У ханаки за высоким порталом высился её огромный купол. Фасад караван-сарая Мирзои, по-видимому, был сходен с заменившим его фасадом медресе Тилла-кари: центральный портал, оформленные декоративными арками или лоджиями стены и угловые башенки-гульдаста. Стены мечети Алейка-Кукельташа скорее всего были глухими, но

и её выделял порталный вход. Контрастом же к её монументальному, замкнутому объёму воспринималась колоннада мечети Мукатта.

Была и иная категория ансамблей, которые можно назвать живописными. Замечательный образец этого вида - ансамбль Шах-и зинда в Самарканде. Застройка его велась не на выровненной площадке, а на расположенном на юго-восточном склоне Бала-хисара Афрасиабе и слагался не одновременно, а преимущественно в XIV-XV вв., основание же было заложено еще в домонгольское время. Название Шах-и зинда - "Живой царь" связано с преданиями о конкретной исторической личности: Кусаме ибн Аббасе, двоюродном брате пророка Мухаммада. Он был участником первых арабских походов. Правда до Маверауннахра он не дошел и был похоронен где-то на Ближнем Востоке, тем не менее, со временем духовенство приняло версию, что он погребен именно здесь. Народная легенда гласит следующее. Однажды, когда вступивший в Самарканд под предводительством Кусамы ибн Аббаса отряд арабов совершал дневной намаз, на них напали язычники-кафиры и перебили их всех. Кусаму ибн Аббасу отсекли голову, но он поднял её и спустился в расположенный рядом сухой колодец, где якобы живет и поныне, ожидая дня Страшного суда. Отсюда название - Шах-и зинда - "Живой царь". Установлено, что культу Шах-и зинда предшествовал более древний домусульманский культ. Почитание Кусамы ибн Аббаса было канонизировано самаркандским духовенством к XII в., когда стали совершать поклонение его мнимой могиле. В эту пору над ней была возведена усыпальница, перед которой располагалась поминальная мечеть - от нее дошли фрагменты резных деревянных балок и небольшой кирпичный минарет. С тех пор стало престижным быть похороненным вблизи этой святыни. Уже в XII в. возводятся первые мавзолеи. Так, в средней группе сооружений у одного из мавзолеев под майоликовой облицовкой XIV в. обнаружена первоначальная стена с характерной для XII в. фигурной выкладкой кирпича, перемежающейся резными "бантиками". Надо сказать, что в пору разгрома Самарканда, монголы из суеверного страха не причинили

ущерба главной святыне.

Нарастание культа и появление близ святого места новых построек приходится, в основном, на время Амира Темура и Улутбека. Привилегия погребения и возведения здесь мавзолея оставалась за членами правящего дома, для некоторых эмиров и иных высокопоставленных лиц. Обращает внимание преобладание захоронения здесь женщин из темуридского круга. Помимо усыпальниц, появляется также несколько поминальных мечетей.

Описание всех этих построек (а их сохранилось свыше двадцати, не считая обнаруженных археологическими раскопками фундаментов, цоколей и склепов) было бы слишком длинным. Отметим лишь основное в формировании всего ансамбля. В нем выделяется три уровня - верхний у усыпальницы самого Кусамы ибн Аббаса, средний - вплоть до края средневековой стены и нижний - на склоне, ведущем к бывшему рву, который к этому времени стал просто улочкой. В 1332 г. смежно с мавзолеем Кусамы ибн Аббаса возводится зиаратхана, украшенная изысканной "ковровой" росписью и изразцами и устраивается подземная чилля-хана, где проводили сорокодневный пост. Рядом два самых ранних дошедших до нас мавзолея - безымянной девушки (1360 г.) и ходжа Ахмада - судя по декору, близкие по времени. За ними в 70-х годах появляются мавзолеи средней группы: - Шади-Мульк (1372 г.), Амир-заде, Туглу-текин. К 80-м годам восходят мавзолеи Безымянный и эмира Бурундука, а также Ширин-бика-ага (1385 г.). На рубеже XIV-XV вв. от имени Туман-аги в верхней группе возводят мавзолей с женскими захоронениями и при нем поминальную мечеть. При Улутбеке были сооружены мавзолей матери Султана и безымянный восьмигранник. В 1434 г. внизу у бывшего рва, преобразованного в улочку, Улутбеком был возведен чартак, несущий имя его любимого младшего сына Абд ал-Азиза и смежная с ним мечеть, а в середине XV в. появляется поминальная мечеть у зиаратханы Кусамы ибн Аббаса. Немногочисленные дополнения Шах-и зинда получает и позднее, вплоть до начала XX в., но основной облик ансамбля сформировался именно при Амуре Темуре и Улутбеке.

Постройки Шах-и зинды обрисовывают эволюцию общего архитектурного стиля времени Амира Темура и Улугбека. Этот памятник - шедевр не только архитектуры, но и архитектурного декора, исполнители которого вкладывали все свое знание, мастерство и творческую фантазию, стремясь превзойти друг друга и при этом не повторяться. Поразительно разнообразие орнаментальных мотивов - геометрических, растительных, эпиграфических и самой техники выполнения изразцов. Вначале преобладала резная поливная терракота, затем появляется майолика и, наконец, резная наборная мозаика, все с интенсивной насыщенностью цветом.

С какой бы точки обозрения - снизу, от входа, с боков, со склонов Афрасиаба или с верхних его холмов ни осматривать Шах-и зинду, она предстает в каких-то все новых, неповторимых сочетаниях своих построек. Здесь нет жесткой симметрии, хотя некоторые мавзолеи и возведены в приеме "кош", и преобладает в них единая портално-купольная композиция. Эта живописная организация архитектурных форм придает Шах-и зинде неповторимое очарование.

Архитектура Средней Азии времени Амира Темура и Улугбека, при всей помпезности ее монументальных воплощений, была обращена к человеку. Если дворцы и частные резиденции и были отгорожены от простого люда, то для него была открыта архитектура, оформлявшая городские площади, были доступны обширные и малые мечети, караван-сарай и рыночные сооружения, мазары и мавзолеи, будь ли то рядовые горожане, земледельцы из соседних селений, скотоводы из степей или с гор, иноземцы, прибывшие с караванами из дальних стран, всем им было открыто восприятие этих сооружений, как воплощение могущества правителей и мастерства создавших их зодчих и мастеров. Так архитектура формировала эстетические вкусы и приобщение народа к прекрасному.

Изобразительные и прикладные искусства

Время Амира Темура ознаменовано подъемом изобразительного искусства, притом в разных его проявлениях. Как известно, ислам наложил запрет на изображения человека. Прямое указание на это нет в Коране, речь идет там лишь о поклонении идолам и статуям (“ансаб”) и это объявляется наваждением сатаны. Однако в последующих комментариях говорится: “Несчастье тому, кто будет изображать живое существо! В день судного дня лица, которых художник представил, сойдут с картины и потребуют дать им душу. Тогда человек, не способный дать своим созданиям душу, будет сожжен в вечном огне”. И еще: “бог послал меня уничтожить людей троякого рода: гордецов, многобожников и живописцев. Берегитесь изображать господа или человека и пишите только деревья, цветы и (вообще) неодушевленные предметы”. Запреты эти безусловно сыграли роковую роль в развитии изобразительного искусства мусульманского Востока (особенно в ригористичной суннитской среде) и сферой его стал орнамент, достигший на Востоке поразительного расцвета. Однако они нередко нарушались в суфийской среде - таковы в Иране XI-XIV вв. расписные сосуды рейских и кашанских гончаров, где нередки отдельные фигуры, а то и целые сцены, обычно связанные с мотивами эпоса и образами поэзии. Что касается Маверауннахра, то если запрет на изображение человека господствовал в массовом творчестве, то ко времени Амира Темура им пренебрегало искусство элиты. Вероятно немалую роль в этом сыграл сам Амир Темура. При нем в стране развивается книжная миниатюра как элемент украшения манускриптов. Но появляется (точнее, было бы сказать - “возрождается”, если вспомнить выдающуюся школу живописи домусульманских времен) настенная тематическая живопись, правда, ненадолго - в XVI в. ей уже был положен конец. Ибн Арабшах, современник Амира Темура, при всем к нему неприязненном отношении, отмечая грандиозное строительство, призванное прославить самодержца в веках, приводит ценные сведения о настенных картинах, украшавших самаркандские дворцы. Притом,

сообщает о разнообразии сюжетов, передававших сцены придворных приемов, баталий, царской охоты, публичных празднеств и интимных встреч. Ученый упоминает также о портретах самого Амира Темура, его сыновей и внуков, жен и наложниц - может быть индивидуальных, но, возможно, просто включенных в эти сюжеты. Иногда это была как бы свита картин, повествующих о деяниях Амира Темура и прославляющих его, "ибо намерение его было таково, чтобы те, кто не знает его подвигов, мог бы увидеть их и как бы воочию при них присутствовать".

О живописи, украшавшей дворец Баг-и шамал в Самарканде повествует в выпретенном стиле, но не конкретизируя тематику Шараф ад-Дин Али Йазди говоря, что к выполнению ее были привлечены искуснейшие художники из Ирана и Ирака. О существовании там в XIV в. художников высокого класса свидетельствуют миниатюры Ширазской и Багдадской школ. Захир ад-Дин Мухаммад Бабур еще застал во дворце Баг-и дилькуша картины, выполненные на темы триумфальных побед Амира Темура в его походе на Индию.

При всем лаконизме приведенных свидетельств, исторических источников они дают представление о широкой тематике настенной живописи, украшавшей самаркандские дворцы. Что касается ее стиля, то есть все основания полагать, что он был тот же, что и в живописи миниатюрной. В иллюстрациях к астрономическим трактатам Ас-Суфи XII-XV вв. предстают не просто графические схемы расположения светил, но связанные с ними астральные образы, где созвездия и знаки Зодиака представлены в виде персонифицированных фигур, на которых размещены соответствующие кружки и рядом - названия звезд. Они украшали и стены обсерватории Улугбека в Самарканде.

От времени Амира Темура дошли настенные росписи в трех самаркандских мавзолеях - Ширин-бика-ага (1385 г.), Биби-ханум и Туман-ага (оба 1405 г.). Наряду с орнаментальными и эпиграфическими мотивами примечательны здесь панно с изображениями пейзажей - в первом-многоцветные, в двух других - синим по белому. Они передают богатство растительного мира: разнообразные деревья от пальм

до тополей, некоторые в цветении, другие с плодами; кустарники, цветущие травы. Композиция свободна, ветви слегка склонены, словно под легким дуновением ветра. В обрамлении стрельчатых арок они напоминают как бы окна, открытые в сад. Но это не просто реальный сад, а сад райский, где царят тишина и покой. Примечательно, что близкую аналогию этим росписям дают миниатюры к “Антологии”, выполненной в Ширазе - наглядное подтверждение единства стиля настенной и миниатюрной живописи. О том же свидетельствуют и упомянутые иллюстрации к астрономическим трактатам.

Переходя к рассмотрению миниатюрной живописи, следует подчеркнуть, что она была, прежде всего, связана с той ролью, какую в интеллектуальной жизни Востока занимала рукописная книга и прежде всего, связанное с нею искусство каллиграфии. Оно составляло особую профессию, занимавшую как бы промежуточное положение между ремесленным и интеллектуальным трудом. Наиболее искусные мастера работали в придворных мастерских, в библиотеках при медресе. Но существовал и более широкий спрос на рукописную книгу, особенно на списки Корана и хадисов, классической поэзии Востока и исторических сочинений. Они выполнялись частными переписчиками и реализовывались на базарах. Особая категория переписчиков занималась составлением деловых бумаг, прошений, личных писем для неграмотных людей. В целом же каллиграфия стояла на стыке практических запросов и, вместе с тем, высокого мастерства. Именно в XV в., наряду с применением традиционных почерков - насха, куфи и дивани, были разработаны и получили совершенное воплощение такие виды почерков, как парадный сульс и скорописный насталик.

Большую роль сыграло создание при дворах Темуридов придворных мастерских по изготовлению особо ценных рукописных сочинений. В этих мастерских работали местные и прибывшие из других стран каллиграфы, оформители и художники-миниатюристы.

Здесь же надо сказать, что при Амуре Темуре в Самарканде формируется особая школа миниатюрной живописи.

Причем речь идет о школе как эстетическом понятии, так и о школе в прямом смысле слова. Об этом свидетельствуют рисунки-кальки, рисунки-заготовки в так называемых “стамбульских альбомах”, хранящихся в Топкапы-сараяе и в Берлинской библиотеке. Они датируются XIV-началом XV вв. Это тонко прорисованные эскизы отдельных фигур, небольшие композиции, орнаментальные мотивы. Мастерами высокого класса выполнялись такие заготовки, что служили образцом для начинающих художников. Им присуща пластичность линий, точность передачи движений, мастерское размещение изображения в пределах прямоугольной рамки.

Как известно миниатюра - это одна из самых изысканных созданий восточного искусства. Исследователи по-разному трактуют ее изобразительный смысл. Одни подходят к миниатюрам как к зримой передаче исторических событий, назидательно-поучительного характера, прошедших художественное преломление в нормах восточной эстетики. Другие усматривают в композициях, в образах, отдельных деталях миниатюр иносказательный смысл суфийского плана, обращение к постижению божественной сути. Думается, что этот спор наилучшим образом разрешают сами восточные авторы - знатоки миниатюр. Кази Ахмад на рубеже XVI-XVII вв. о художниках и орнаменталистах-оформителях рукописей писал: “Да не останется скрытым, что поразительные мысли и дивные идеи людей этого искусства известны во всех округах и заслуживают внимания всех владеющих зрением. Из людей искусства нет ни у кого такой силы изображения и тонкости таланта, что присущи (только) этим людям. Образ, что рисуется на скрижалях мысли художника, никто (так) не изобразит в зеркале красоты”. Дуст Мухаммад, автор трактата о каллиграфиях и художниках XVI в., так сказал о последних:

Познанию мира служат их творенья,
Калям послушен их руки веленью.
Изображения их сущность выражают,
Как будто бы словами изъясняют.

Здесь примечателен акцент не на символическом, а на

предметно-образном существе книжной миниатюры. Таким его воспринимали и зрители, хотя, быть может, некоторые из потребителей роскошных манускриптов выискивали в них суфийскую символику. Но миниатюры воспринимались, прежде всего, в их художественно-эстетическом, а не отвлеченно-теологическом аспекте. Характерен в этом отношении рассказ Зайн ад-Дина Васифи о том, как на собрании у Алишера Навои выдающийся художник Бехзад принес только что законченную им миниатюру с изображением Навои в цветущем саду. Когда поэт попросил присутствующих высказать свое отношение, то один из них, увидев на миниатюре цветы, хотел протянуть руку, чтобы сорвать цветок и воткнуть в свою чалму, у другого возникло такое же желание, но он испугался, как бы не вспорхнули птицы, сидящие на деревьях, третий, чтобы Навои на миниатюре нахмурил бы чело, а четвертый готов был отнять посох из рук Навои на портрете, чтобы ударить дерзкого за такое деяние. Но никто из остроумов-интеллектуалов Герата не стал предлагать отвлеченно-суфийские истолкования работе знаменитого художника-миниатюриста.

Изображения миниатюристами реальных исторических личностей подтверждаются рядом миниатюр. Таков, в частности, образ самого Амира Темура. Как известно, прижизненных портретов его пока не выявлено, но до нас дошли основанные на них и близкие к подлиннику образы миродержца в списках “Зафар-наме”. Например, в переписанном в Ширазе в 839/1435 г. списке сочинения обращает внимание в его окружении подчеркнута тюркские реалии - высокий белый кулах или же широкополая шляпа кутатту билик.

Наиболее выразителен облик Амира Темура в миниатюрах “Зафар-наме”, переписанном в Герате в 872/1467-68 гг. (коллекция Геррот из Бальтимора). Предполагается, что они были внесены лет двадцать спустя знаменитым Бехзадом, и действительно близки к ранней манере этого мастера. Вряд ли, однако, этот дарственный манускрипт так долго оставался незавершенным. Автором (художником) его мог быть и учитель Бехзада Мирак-наккаш. Миниатюру отличает мастерство многофигурной композиции и богатство колорита. Не воспро-

изводят ли они знакомые художнику сюжеты и образы настенной живописи, существовавших в ту пору самаркандских дворцов Амира Темура? Миниатюры эти, несмотря на временной интервал, близки к прижизненным портретам Амира Темура. Характерная деталь: в сцене приема по случаю взятия Балха (1370 г.) Амир Темура восседает на узорной тахте с одной подогнутой и другой опущенной ногой в удобной для хромого человека позе.

Развитие миниатюрной живописи на Востоке было теснейшим образом связано с литературой. В XIV-XV вв. художники часто иллюстрировали произведения Фирдоуси, Низами, Хосрова Дехлави, позднее Джамии и Навои. И уже с XIV в. миниатюристы иллюстрируют также исторические сочинения - "Джами ат-таварих" Рашид ад-Дина и "Тарих-и Рашиди" Мирза Мухаммад Хайдара, повествующие о правителях времен минувших и их деяниях. Эта традиция была продолжена и при Темуридах, когда иллюстрируются исторические хроники, где изображены они сами. Таковы, например, списки "Зафар-наме" Шараф ад-Дина Али Йазди, "Темур-наме" Хатифи, в которых прославляются деяния Амира Темура. Изредка иллюстрировались и теологического содержания сочинения, где переданы аксонометрические изображения главных мусульманских святынь: Мекки и Медины. Людей здесь нет - этому препятствовал запрет хадисов не изображать живых существ. Тем не менее он нарушался художниками - миниатюристами в поэтических произведениях, где нередко предстает сам пророк Мухаммад. Таков один из распространенных сюжетов на тему Мирадж, т.е. вознесения пророка на небеса. Лицо пророка Мухаммада закрыто тканью, восседает он на священной кобылице Бурак в виде кентаврессы с конским телом и с увенчанной женской головкой, а вокруг них парящие ангелы.

Тем не менее, главный цикл миниатюр XV в. воплощен в сюжетах восточной поэзии. Романтические истории Лейли и Меджнуна, Хосрова и Ширин, подвиги Рустама, битвы армий или поединки витязей, маджлис у султана или его интимное свидание с красавицей - эти и другие литературные сюжеты приобретают канонический характер, варьируя в

деталях и соперничая мастерством исполнения, причем, в какие бы отдаленные времена не происходило действие – будь ли то походы Искандара Зулькарнайна, или события бурной жизни сасанидского шаха Бахрамгура, художники-миниатюристы изображали их в одеяниях и обстановке времени создания самих миниатюр. В этом отношении, при всей присущей им изобразительной условности, миниатюры несут ценную информацию о реалиях своей эпохи. Исследователи черпают в них конкретные представления о костюмах, архитектуре, вещественном окружении: о придворном этикете, о характере отдельных воинских соединений.

И все же главная ценность миниатюр не в этих реалиях. Миниатюрная живопись предстает как своеобразный художественный феномен эпохи, присущий эстетическим идеалам мусульманского Востока от Ирака через Иран, Хорасан до Маверауннахра и далекой Индии. В ней были выработаны определенные изобразительные условности (а условности присущи искусству), которые передавались из поколения в поколение. Но это были не застылые явления. Миниатюра претерпевала эволюцию в веках, сохраняя, однако, приверженность к выработанным в процессе этой эволюции эстетическим закономерностям.

Исследователями-специалистами определено несколько ведущих школ миниатюрной живописи, концентрировавшихся в главных центрах темуридской державы: багдадская, ширазская, тебризская, гератская и самаркандская (среднеазиатская), существование которой было выявлено и признано специалистами лишь в недавнее время.

Поскольку в данной книге речь идет о времени Амира Темура, локализуясь в основном в пределах Маверауннахра, остановимся лишь на миниатюрах самаркандской школы конца XIV - первой половины XV вв.

Сложность определения времени изготовления подавляющего большинства дошедших до нас миниатюр этого времени, относящихся к той или иной школе, обусловлена тем, что в большинстве на них не указаны ни время, ни место изготовления, причем последнее лишь в редких случаях уточняется указанием на выполнение самого манускрипта.

Но и этого по существу недостаточно, ибо и переписчик, и миниатюрист могли быть приглашенными, а при Амуре Темуре - привезенными из других, порой отдаленных городов и стран. В силу этого обстоятельства, исследователи обосновывают отнесение миниатюр к той или иной школе на основании таких реалий, как этнический облик, детали костюма, пейзажа, а также особенностей стиля. Но если, скажем, для ширазской или гератской школы эти признаки установлены достаточно точно, то для самаркандской они нередко выявляются методом исключения, ибо отсутствуют аналоги в иных художественных школах, при наличии ряда признаков, присущих среднеазиатской этнической среде. Предполагают, что в Средней Азии были выполнены миниатюры XIV - начала XV вв. из так называемых "Стамбульских альбомов", довольно разнородных по составу. В них присутствует китайское влияние, прошедшее через тюркское претворение сюжетов и образов в искусстве Восточного Туркестана. Об интересе в темуридской среде к китайской живописи на шелку или бумаге есть прямые свидетельства письменных источников. Так, по данным "Муджмал-и Фасихи", в числе даров от правителя Восточного Туркестана, посланных в 820/1417-18 гг. Темуриду Сейди Ахмаду, сыну Умар Шейха, были соколы, атлас, шелковые, льняные ткани, фарфор, китайская бумага, изделия из бамбука, а также рисунок коня, "написанный художником Китая" - показатель, как высоко ценились такого рода произведения искусства, коль скоро его включили в состав ценных даров. Известно также, что в 825/1422 г. царевич Байсунгур, сын Шахруха, включил в состав гератского посольства в Китай художника Гийас ад-Дина наккаша, которому, вместе с неким Султан Ахмадом, было поручено вести путевую запись и запись впечатлений о достопримечательностях этой страны и, уж конечно, Гийас ад-Дин не обошел вниманием творения китайских художников.

При Амуре Темуре в его самаркандскую библиотеку, где работали мастера-оформители книг, из других стран было привезено пополнение мастеров разных профессий, притом самой высокой квалификации - каллиграфы (катибы), позолотчики (музахиббы), художники (наккаши). По данным

вакфного документа XV в., в Самарканде даже была особая улица художников - Куйи наккашон, где, очевидно, проживали художники-орнаменталисты, художники-миниатюристы, мастера крупномасштабных калек архитектурного декора.

Известно, что в 1393 г., по взятии Багдада, оттуда был направлен, по распоряжению Амира Темура, в Самарканд один из видных мастеров багдадской художественной школы Абд ал-Хайй. О нем сообщает Ибн Арабшах, Дуст Мухаммад, Мухаммад Хайдар, притом подчеркивая его роль в формировании самаркандской художественной школы. Свидетельства их лаконичны, но позволяют воссоздать основные черты его биографии. Судьба мастера была драматична, хотя он познал при жизни известную славу. Рожденный в бедной семье он еще подростком обратил внимание мастера Шамс ад-Дина, главного художника-миниатюриста при дворе Багдадского правителя Джалаирида Султан Увейса. Последний оказал ему покровительство, и вскоре Абд ал-Хайй из дилетанта-самоучки стал, под руководством мастера Шамс ад-Дина, замечательным мастером, "лучшим в мире в искусстве живописи и почерке дивани", по словам Дуст Мухаммеда. Однако в 1393 г., при взятии Багдада, Амир Темура отправил его в Самарканд, где он возглавил группу работавших там художников. Влияние его было огромным: - "С тех пор, - пишет тот же биограф, - никто не писал иначе, чем в манере Абд ал-Хайя". Однако уже в пожилые годы художник переживает какой-то душевный кризис, считая свое искусство греховным, нарушающим запреты ислама, уничтожает многие свои работы, смывая их с листов или предавая огню. Дата его смерти не установлена. Известно лишь, что в Самарканде он оставался до конца своих дней. Подписных работ этого мастера дошло крайне мало - две из них содержатся в альбоме - муракка "Сағ ай", хранящемся в Берлине. На одной - изображение утки, на другой - кровопролитное сражение, исполненное в манере подцвеченного рисунка сильной рукой, при общей динамике композиции.

Из числа учеников Абд ал-Хайя известны лишь немногие. Такими были, например, Шайх Махмуд Талили и упоминавшийся выше Пир Ахмад Баг-и Шамали. Хотя последний

предстает как художник-монументалист, оформлявший картинами дворец Амира Темура, основные художественные принципы он воспринял от своего учителя. Известен еще один его ученик - Мухаммад ибн Махмудшах ал-Хайя.

Из миниатюр Абд ал-Хайя, с подписью самого мастера, уже упомянут рисунок со сценой горячего поединка двух воинов. Аналогии ему дают некоторые рисунки из так называемых "Стамбульских альбомов", где переданы сцены скачущих всадников, стреляющих с ходу из луков. Данный сюжет из этих альбомов представлен, в столь же динамичной манере, на цветной миниатюре начала XV в., подписанной художником Дарвиш Мансуром, по-видимому, также из числа учеников Абд ал-Хайя - из самаркандских мастерских.

Миниатюре этой присуща удивительная тонкость рисунка и деликатная окраска: в желтоватой степи с одиночными, как бы сгибаемыми ветром, безлиственными кустами мчатся охотники, спуская стрелы в убегающих ланей и леопарда. Расцветка одежд у всадников и разные масти коней выделяют их цветовыми акцентами на песчаном фоне.

Сохранилась миниатюра "Дервиш и богач в пустыне", на которой указано имя Абд ал-Хайя. Она входит в список дивана Саади, переписанный в 1486 г. и, очевидно, являет собой хорошую копию с подлинника великого мастера. На Востоке не считалось недостойным, а наоборот, было престижно выполнение копий с работ выдающихся художников. Сюжет связан с притчей о встрече при переезде через пустыню скромного дервиша на ослике и спесивого богача на верблюде, которого в пути настигла внезапная смерть. Миниатюра передает кульминационный момент, когда богач внезапно валится с верблюда на глазах дервиша и кочевников, стоящих близ своих шатров. Рисунок миниатюры безукоризнен, композиция разворачивается по диагонали, палитра сдержанна, как и в упомянутой выше миниатюре Дарвиш Мансура. Тема охоты, как излюбленное развлечение, и вместе с тем, физическая тренировка аристократических слоев темуридского общества, была весьма популярна в миниатюрной живописи. Среди выдающихся учеников Абд ал-Хайя был упомянутый миниатюрист Мухаммад ибн Махмудшах ал-Хайя. До нас

дошли выполненные им копии с рисунков своего учителя, о чем свидетельствуют расположенные рядом надписи. После 1420 г., со времени создания Байсунгуром в Герате мастерской каллиграфов и художников, он переехал туда. Но один из его подписанных рисунков имеет дату - 1409 г., когда Байсунгур был еще девятилетним мальчиком, а Абд ал-Хайй проходил выучку в Самарканде. В серии его рисунков, вошедших в альбом, особенно впечатляющи экспрессивные образы скачущих и спускающих с ходу стрелы всадников. Очевидно, это - эскизы стремительных воинов и охотников для будущих композиций на темы баталий и охоты. Сложные повороты фигур, великолепное знание анатомии коней, общая динамика поз скакунов и всадников - свидетельство незаурядного мастерства ал-Хайя.

На миниатюрах в исторических сочинениях (например, “Зафар-наме” Шараф ад-Дина Али Йазди) предстают образы Амира Темура и Темуридов, но нередко и списки литературных произведений открывает диптих с изображением правителя, для которого и изготовлен манускрипт - в сцене собрания во дворце, в саду, на лоне природы. Образ Амира Темура дошел в нескольких рукописных сочинениях этого рода и создан на протяжении всего XV в., вероятно, на основе каких-то прижизненных списков.

Документально интересен генеалогический лист, где представлены включенными в кружки, восседающие на троне Амир Темура и его сыновья (Топкапы-сарай, Стамбул). Изображение Амира Темура окрашено, прочие портреты выполнены лишь тонкой прорисовкой (возможно, что лист по каким-то причинам остался до конца не оформленным). Позы сходны, варьирует лишь положение ног, опущенных или перекрещенных и несколько отличны увенчанные перьями головные уборы у сидящих, в том числе у Амира Темура. Это высокая шапка - кулах с отворотами полей, характерный в тюркской среде и донныне сохранившийся у киргизов, а у двоих - род двурогой шляпы монгольского типа с небольшими полями. В числе прямых потомков Амира Темура представлены: посередине Мираншах, по правую руку от него Умар-Шайх и Шахрух, а по левую Джухангир и, оче-

видно, один из внуков, которого сахибкиран прочил в наследники. Говорить о портретной достоверности здесь трудно - тип лица почти у всех единый (слегка отличен Шахрух) и лишь наличие или отсутствие лицевой растительности подчеркивает возраст.

По-видимому, в Самарканде в начале XV в. была исполнена миниатюра, вошедшая позднее в альбом библиотеки Йилдыз в Стамбуле. На ней в графической манере передана сцена сражения у городской стены. Это не сражение военных, а скорее всего бунт, ибо у стены происходит побоище камнями и палками, а наверху ее за гребнями зубчатого парапета защитники города спускают стрелы. Главная фигура среди них - молодой человек (он без бороды) в чалме, и над ним надпись: "Халил Султан". Таким образом миниатюра передает реальный исторический эпизод, связанный с драматической судьбой этого внука Амира Темура, т.е. Халил Султана, которого в 1409 г. устранил от власти Шахрух, Халил Султан вскоре умер (возможно, был отравлен). Его недолгое правление было ознаменовано изменами бывших сторонников, и миниатюра, очевидно, передает эпизод подавления какого-то локального восстания. При Шахрухе память о злосчастном царевиче была стерта и эпизоды его судьбы не могли бы стать сюжетами работы художников, как не могли они привлечь внимания воцарившегося в Самарканде Улутбека. Скорее всего это прижизненная миниатюра, выполненная для Халил Султана в Самарканде между 1405-1409 гг. в придворной библиотеке Амира Темура. Она являет собой интересный исторический документ и, вместе с тем, характеризует ту графическую манеру "сиях-и калям", присущую упомянутым выше миниатюрам Абд ал-Хайя и Мухаммад ал-Хайя.

Насколько достоверен Халил Султан на упомянутой миниатюре? Считают, что подлинный портретный жанр, передающий персональные приметы, хотя и с известной долей обобщения облика, сложился лишь к концу эпохи Темуридов благодаря Камал ад-Дину Бехзаду. Но если при Амир Темуре в его дворцах были картины с изображением самого "Великого эмира", его жен и потомков, где при крупных масштабах следование натуре было очевидно, то это стало

распространяться и на миниатюрную живопись. До нас дошел ряд миниатюр, представляющих Амира Темура в сценах сражений или официальных приемов. Одна из них - на фронтисписе "Шах-наме", датируемом 791/1389 г. и возможно прижизненная. В незавершенном списке "Зафар-наме", переписанном в Герате не позднее первой трети XV в. (Собрание института востоковедения АН Республики Узбекистан) художник успел нанести лишь три графических эскиза на оставленных переписчиком листах (миниатюры пока не публиковались). Одна из них передает многочисленную армию в походном марше под началом самого Амира Темура, восседающего на коне под боевым знаменем. Другой ранний список "Зафар-наме" (частное собрание) был завершен в Герате в 872/1467 г. и в последней трети XV в. иллюстрировался Бехзадом. Известны и поздние списки с миниатюрами, посвященные жизни и деяниям самого Амира Темура. Таков, например, манускрипт "Темур-наме" Хатифи 1028/1619 г. (Библиотека Честер Битти) и "Зафар-наме", переписанная в 1038/1628 г., в Самарканде (Институт востоковедения АН РУз.) Все эти миниатюры отражают события, связанные с жизнью и деятельностью властелина: его сражения, царственные приемы, а у Бехзада - также сцену строительства самаркандской мечети. Есть и его одиночные портреты.

Есть все основания предполагать, что художники-оформители упомянутых манускриптов обращались к каким-то хранившимся в библиотеках прижизненным портретам Амира Темура и более ранним иллюстрациям его деяний и что они старались, по возможности, сохранять близость в его внешности к этим подлинникам.

Одним из шедевров ранней темуридской миниатюры самаркандской школы является диптих "Охота в горах". Она вклеена на корках переплета более позднего, восходящего уже к XVI в. списка "Силсилат аз-захаб" ("Золотая цепь") Джамии (Библиотека имени Салтыкова-Шедрина в Санкт-Петербурге), миниатюра которого типичны для сефевидского Ирана и, очевидно, была взята из какой-то рукописи, отстоящей от этого списка более чем на столетие. О датировке миниатюры первым или вторым десятилетием XV в. говорит не

только общий стиль, но и такая существенная деталь, как небольшой стяг у центрального охотника с изображением льва на фоне лучистого солнца. Этот мотив, по словам Клавихо, являл собой “герб царя самаркандского”, то есть Амира Темура и был изображен на портале дворца в Шахрисабзе. Вместе с тем этот геральдический знак фигурирует в монетном чекане Халил Султана, в раннем чекане Улугбека (до 1415 г.), а затем среди Темуридов более не встречается. И если миниатюрист ввел этот знак на стяг знатного охотника, то значит, этим он хотел подчеркнуть его особое царственное положение, каковым располагали оба внука Амира Темура.

Таким образом, здесь представлен либо Халил Султан, либо молодой Улугбек, который, по свидетельству современного ему историка, увлекался охотой и таким образом, миниатюра приобретает не только художественный, но и документально-исторический интерес. Сюжет миниатюры - охота знатных юношей в окружении егерей, загонщиков, просто наблюдателей в горной местности. Художник изображает ландшафт невысоких гор, между которыми долина, покрывая зеленью трав и кустарников, а на взгорьях - деревьями арчи. Подтверждением среднеазиатского происхождения миниатюры служат приметы этого ландшафта, в котором флора и фауна соответствуют, по определению специалистов, горным системам Кашкадарьинской области. Цветовая гамма обширна, но темновата (может быть потемнение от времени и плохого хранения). В ландшафте царят густозеленые и коричневатые тона, на фоне которых контрастно выделяются разноцветные одежды участников. В них обращают внимание тюркские детали - не чалмы, как на гератских или ширазских миниатюрах, а войлочные кулахи с заломленными или опущенными полями, которые до ныне распространены у киргизов; сапоги с заостренными каблучками кавалеристов, а не бескаблучная обувь иранского типа. Миниатюре присуща продуманная композиция. В центре несколько знатных всадников преследуют, стреляя с ходу, ланей и горных козлов, бегущих в ущелье или на взгорье, где их настигают два стрелка. Внизу уравнивающее обе половины диптиха, полукружие группы многочисленных

наблюдающих за охотой людей, показанных со спины или в полупрофиль. А наверху, на золотом небе, усиливая общую динамику сцены, клубятся плывущие облака. Тема охоты известна в миниатюрной живописи гератской и ширазской школ, но аналогий этому диптиху там нет. Таким образом, не только исторические признаки, но и стилевое своеобразие говорят в пользу отнесения его к самаркандской школе раннетемуридского времени.

Еще один сюжет, связанный с охотой, но передающий не преследование зверей, а отдых на лоне природы до или после нее, являет миниатюра, посвященная Улугбеку (Галерея Фрис в Вашингтоне). Исполнена она при его жизни, о чем возвещает надпись на павильоне, в котором восседает Улугбек. Эта миниатюра - семейный портрет: слева от него четыре жены его в богатых, просторных накидках и тех высоких головных уборах, которые так поразили Клавихо на пиру у Амира Темура, и двое отроков - сыновья Абд ал-Латиф и Абд ал-Азиз. У павильона и за ним - эмиры, сокольничьи с ловчими птицами, колчан со стрелами, вблизи слуга с угощением. Улугбек сидит на ковре в переносном павильоне, на голове его тюрко-монгольская войлочная шапка с широкими полями.

Сюжет отдыха правителя на лоне природы в переносном павильоне был распространен в миниатюре Среднего Востока, но в данном случае он не повторяет какого-то шаблона. Вполне индивидуальна общая композиция, где многофигурное построение справа выделяет центральную фигуру - Улугбека. Красочная гамма богата, зелени луга и золоте неба противостоит полихромия одежд, ковров, навеса на павильоне.

С самаркандской школой миниатюрной живописи связана сцена на лужайке, некогда входившей в рукопись "Шахнаме" (коллекция Кейра, Лондон). Она являет левую половину диптиха, которую даже пытались связать с вышеописанной миниатюрой Улугбека, что неправомерно, поскольку у них иная трактовка фонов, иной почерк и сам текст. В данном случае представлены вельможи, двое из которых, очевидно, главы посольства стоят в центре на особом ковре,

трое сидят и еще трое стоят с дарами в руках. Все они обращены вправо, очевидно, к восседавшему на смежной миниатюре царю, все они в характерных для среднеазиатской тюркской среды войлочных шапках-куляхах с черными отворотами, в ярких одеждах, контрастно выделяющихся на фоне зеленого луга с ритмично расположенными на нем кустиками трав. И хотя действие связано с эпическими временами “Книги царей”, этнический облик, одежда и головные уборы типичны для среднеазиатской среды времени Темуридов.

Миниатюристы самаркандской школы предстают, как значительные мастера композиции и пейзажа. Превосходный образец - еще одна миниатюра из коллекции Кейра. На ней представлен горный ландшафт, где слева - нарастание клубящихся скал с кустами арчи и одиночной тяньшаньской елью; напротив-часть мощного ствола и корявых ветвей орехового дерева и куст цветущей мальвы. По ботаническому составу растительный мир здесь характерен для Чаткальского хребта и Ферганских гор. Большую часть пейзажа занимают золотые небеса, подчеркнуты высота гор и в них-летающие птицы. И только в левом углу-группа человеческих фигур, срезанных рамками миниатюры, чем создается иллюзия движения их за рамки миниатюры. Но царит здесь не действие этих персонажей, а романтически осмысленный пейзаж.

Великолепный цикл восемнадцати миниатюр предстает в рукописном списке “Хамсы” Низами в собрании Гопкапысарая. Список переписан в шаввале 850 г.х., т.е. на рубеже 1445/47 гг. На заглавном листе, в узорном медальоне содержится напоминание, что список переписан во времена владычества “прибежища всякой помощи, покровителя веры Улугбека курагана”, а в другом, меньшем медальоне, указано имя владельца рукописи, каллиграфа и художника Султан Али ал-Баверди. Судя по стилистическим особенностям, иллюстраторов было два, но имя второго осталось неизвестным. Сюжеты миниатюр традиционны. Нисба Баверди свидетельствует, что родом он был из Баверда (Абиварда), небольшого городка, развалины которого находятся близ Каахки в Южном Туркменистане. Но как мастер Султан Али сформи-

ровался не там, а в крупном художественном центре-Самарканде. Миниатюрам его присущи сильная линия, сочная гамма красок. В его миниатюрах обычно в центре выделена пара главных действующих лиц: встреча Хосрова и Ширин, Меджнун отдает охотнику свою одежду, как выкуп за пойманных там газелей, причем переданы они на фоне богато разработанного пейзажа. Но нередки и многофигурные сцены: пиршество знатной четы, Бахрамгур в павильоне красавицы. В том и другом случае главная чета в окружении гостей: придворных, служанок и слуг, музыкантов и танцовщиц. Но фигурам его присуща некоторая скованность. Между тем, второго художника как раз отличает большая живость позиций фигур и искусная композиция. Так, в сцене строительства стены Александра Македонского, срезанные рамками миниатюры фигуры воинов-строителей как бы расширяют ее пространство, которое также углубляют головы варваров, выглядывающих из-за гор на заднем плане. Палитра более сдержанна, чем у Султана Али; в ней преобладают неяркие оттенки синего и оранжевого. Общий стиль ближе к гератской школе, но прямых повторов в композиционном их построении нет.

К творениям самаркандской школы миниатюрной живописи относят "Шах-наме" из библиотеки Топкапы-сарая, содержащем 49 миниатюр. Предположительная датировка - 60-70-е годы XV в., но она может быть сдвинута и к последним годам жизни Мирза Улугбека. В этом списке иной, чем в других школах, выбор сюжетов самих миниатюр. Отличен и стиль, например, преобладание в красочной гамме густосиних и голубых тонов; лаконичен ландшафт с отдельными кустиками горных цветов и обязательно арчей, с ее искривленным стволом и плотным куполом листвы, а скалы переданы наподобие параллельно взбегающих волн. Фигуры людей удлинённых пропорций, но движение их художнику не удастся. Так, Рустам, поднимающий глыбу камня, словно бы падает на неё, на миниатюре же, где Семург приносит Саму, воспитанного ею сына Заля, последний застыл, словно идол на лапах летящей птицы.

Отметим, что темы народной трудовой жизни появятся

в восточной миниатюре именно в темуридское время. Таковы например, сюжеты строительства самаркандской мечети, стены Александра Македонского, жизни кочевников, обучения Джамшидом ремесленников мастерству и другие, хотя и связанные с литературными сюжетами, но отражающими черты реального бытия.

Подъем культурной деятельности в Темуридский период предстает не только в памятниках высокого искусства, но и в разнообразных формах художественных ремесел. Иные из них были связаны с архитектурой, но обслуживали не только ее, нередко выходя за рамки лишь строительных заданий. Так, выполнение облицовок было связано с гончарным делом по изготовлению бытовой керамики. Мастер художественной резьбы по дереву выполнял ее не только при оформлении колонн, дверей, потолков, оконных решеток (панджара), но также михрабов, столиков. В еще большей мере это относится к резьбе по камню, где среди мастеров существовали особые специалисты по оформлению каменных надгильников, т.е. надгробных камней, имевших форму саганы, а иногда и вертикальной стелы. Материал их - обычно белый местный или серый в разводах мрамор, но в особо роскошных образцах предстают и такие ценные породы, как нефрит в надгробии Амира Темура, привезенный Улугбеком из его похода в Моголистан. В том же Гур-Эмире, над могилой Мухаммад Султана, поставлен надгильник из оникса, а в мавзолее Ахмада Яссави его надгробный камень выполнен из темно-зеленого тебризского мрамора. Лицевые поверхности этих надгробий (и других, каковы например, надгробия Гур-Эмира, в мавзолеях Шахрисабза, Хакима ат-Термизи в Термезе, Занги-Ата близ Ташкента) покрывает изысканная резьба частично растительного, геометрического, но преимущественно эпиграфического характера. Надписи, в основном, коранического содержания, но в них также обозначено имя усопшего и дата его кончины, а на надгробии Темура приведена его пышная (явно приукрашенная) генеалогия. Кальки для таких надписей выполняли изысканным почерком мастера - крупнописцы. Резьба в них глубокая, нередко двух-плановая.

Из камней полудрагоценных пород выделялись изящные сосуды, вероятно не без китайского влияния, где они были уже широко распространены в древности. Таков небольшой кувшин из светлого жадеита (коллекция Гулбен-киана). Его общая форма типична для китайских изделий: ручка имеет вид изогнувшегося дракона, общий же профиль его аналогичен бронзовым сосудам из самаркандской мастерской конца XIV в. Горловину названного каменного кувшина опоясывает надпись с именем и титулатурой Улугбека, что не оставляет сомнений в его самаркандском происхождении.

Исключительно высоко стояло имевшее давнюю традицию мастерство резьбы на дереве. Оно широко применялось в орнаментальном украшении колонн и парадных дверей, дошедших в нескольких образцах XV в. Таковы например, двери Гур-Эмира, двери у входа в мавзолей Кусама ибн Аббаса в Шах-и зинде, дверь главного входа в мавзолей ходжа Ахмада Яссави в Туркестане, дверь медресе Улугбека в Бухаре, которая, помимо орнаментального оформления, примечательна вырезанной на ней столь характерной для строителя медресе цитатой из Корана: “Стремление к знанию долг каждого мусульманина и мусульманки”. Следует упомянуть также три колонны из недошедшей до наших дней мечети в Туркестане и две колонны мечети в Хиве. При общей геометрической разбивке полотнищ или дверей, округлой формы колонн в резьбе их преобладает измельченный узор растительного характера с введением у дверей небольшого панно, у колонн пояса надписей на растительном фоне.

Резьба по дереву применялась и в изготовлении мебели (вообще говоря, малораспространенной на Востоке), от минбаров мечетей до небольших бытовых предметов: шкапулки, раскидные пюпитры для книг (лаухи), столики на невысоких ножках для установки на них пиршественных сосудов (такие столики можно видеть на миниатюрах).

До наших дней дошло немного. Среди точно определяемых объектов первой половины XV в. - резная деревянная шкапулка (Топкапы-сарай, Стамбул). Она выполнена из сандалового дерева, покрыта тончайшей двухплановой резьбой растительного характера, с причудливым сплетением побегов

и листвы. На крышке также размещены восьмилепестковые розетки, в центральной из которых - извивающийся дракон, а в двух боковых картушах - имя и титулы Улутбека. Шкапулка эта уникальна, но нет сомнений, что подобные изысканные изделия широко входили в быт придворной и вообще богатой городской среды и до этого, и их изготовление осуществляли многие искусные мастера.

Высокого мастерства во времена Амира Темура достигает искусство художественной обработки металла. Документальный материал был получен при раскопках близ Регистана, где на глубине до 8 м. от современного уровня была обнаружена мастерская мастера-торевта: плавильная печь, а рядом с ней шлаки и целый набор изделий - целых сосудов и отдельных заготовок. Некоторые из них оформлены декором, но преобладают сосуды, лишь подготовленные для обработки. Материал изделий - золотистая бронза. Орнамент выполнен гравировкой, насечкой, рельефом и все это дополнено инкрустацией золотом, серебром, красной медью. Извлечено до шестидесяти предметов, составляющих несколько типовых групп. Это кувшины двух видов профилировки, какой-то особый вид кувшинов с высокой горловиной, массивным туловом и фигурной ручкой, котелки с дуговидной ручкой, полусферические подставки и дутые шары. Декор иногда охватывает сосуды отдельными концентрическими поясами, но чаще сплошь насыщает поверхность от горловины до дна. Мотивы орнамента: разнообразные плетенки, растительный побег, древо жизни, меандр, пальметки и розетки. Они перемежаются медальонами, где размещено изображение сказочных дев, птиц - сиринов, шествующий хищник с человеческой головой, всадник и хищник у ног его коня, сидящие на тахте мужчина или пирующая чета. Орнаментальные мотивы перемежаются надписями, выполненными письмом насх или сульс с его сильно вытянутыми вертикалями алифов и лямов - это традиционные арабские благопожелания: богатства, благополучия, здоровья, щедрости, могущества и др.

Датировку комплекса уточняет находка монеты чекана Амира Темура 1369/70 г. и фрагменты керамики, характерной для последней трети XIV в. художественные приемы и мотивы

декора этих изделий самаркандской мастерской близки к гератской торевтике XV в.

Сосуды из мастерской отнюдь не исчерпывают общего состава изделий торевтики тех времен. Судя по музейным собраниям и изображениям на миниатюрах в широком ареале Среднего Востока имели распространение также блюда (ляганы), небольшие тазы, чаши, подставки для светильников и сами светильники, пеналы для письменных принадлежностей, курильницы - все это насыщено орнаментальным убранством. Материал изделий - бронза, латунь, красная медь. При этом характерно то разнообразие приемов декорировки, которое предстает в изделиях самаркандской мастерской. Сосуды были недешевы, но, в общем, предназначены на широкий спрос.

Нередко по индивидуальному заказу выполнялись предметы особого назначения. Они предстают, например, в инвентаре мавзолея ходжа Ахмада Яссави и были выполнены тогда же, когда велось строительство. В составе их - огромный медный котел, расположенный посреди главного зала и предназначенный для ритуальной пищи - халим, которой угощали приходивших на поклонение, а также пять (может быть, их было и больше) высоких подставок под светильники. Туркестанский котел справедливо называют чудом бронзового литья. Вес его до двух тонн, верхний диаметр - 2,5 м. Полусферический резервуар покоится на высокой устойчивой ножке и весь орнаментирован. Здесь две широкие и между ними узкая полоса надписей, в нижней половине - картуши с растительным узором. Надпись вдоль верхнего борта, выполненная почерком насх на фоне растительного побега, гласит, что котел выполнен по приказу Амира Темура для мечети ходжа Ахмада Яссави в 801/1399 г. и представляет "сикайят ал-ходжи", т.е. "дарственное подношение ходже". Приведено и имя мастера-литейщика Абд ал-Азиз ибн Шарф ад-Дин ат-Табризи. Таким образом, это был один из тех прославленных своим умением мастеров, которые были привезены после похода Амира Темура на Иран.

Светильники дают два варианта высоких, по-разному профилированных форм, с устойчивым основанием и верх-

ним резервуаром. В профилировке чередуются выпуклые, вогнутые, прямые элементы, на которых распределены орнаменты: плетенки, пальметты, надписи. Имя Амира Темура указано в одной из них. В нижней полосе его уже позднее было выгравировано имя мастера: Изз ад-Дин Ибн Тадж ад-Дина Исфакхани, но она, как полагают, прямого отношения к изготовлению светильника не имеет.

Предполагается принадлежность среднеазиатской торевтике XV в. некоторых подставок для светильников с традиционным по форме устойчивым основанием, несущим стилизованный орнамент и центральным витым стержнем, раздвоенным в виде двуглавого дракона. Образ этот имел астрологическое значение и отождествлялся с гигантским космическим драконом, якобы вызывающим лунные и солнечные затмения.

По свидетельству Ибн Арабшаха, после захоронения Амира Темура, Халил Султан распорядился развесить над его первоначальной саганой его оружие и парадное обмундирование, украшенные золотом и драгоценностями, “малейшая из которых равнялась бы годовому доходу целой страны”. Сверху спускались золотые и серебряные “подобные звездам” светильники искусной работы. Позднее Шахрух распорядился все это снести в свою сокровищницу.

Мастера-торевты украшали предметы вооружения для эмиров, беков. Это - шлемы, щиты, рукоятки мечей. Об этом имеется много свидетельств на миниатюрах, есть немало музейных экспонатов, но среди них выделить маверауннахрские пока не представляется возможным. Вместе с тем, историческое свидетельство о существовании в цитадели Самарканда во времена Амира Темура арсенала и мастерской оружейников не оставляет сомнений, что здесь для него самого и его военачальников изготавливалось вооружение, насыщенное разнообразными орнаментальными мотивами высокого класса мастерами литья,ковки, чеканки.

В самаркандских дворцах Амира Темура и его жен Клавихо поразили роскошные золотые и серебряные сосуды. На одном из приемов он обратил внимание на стоявшие на длинных позолоченных столиках “семь золотых кувшинов, два из

которых украшены крупными жемчугами, изумрудами и бирюзой, вставленными с наружной стороны и в каждом из них у носика был рубин. Кроме того, здесь стояло шесть золотых круглых чашечек, одна из которых внутри была украшена крупным и редко встречающимся жемчугом, а посередине был вставлен рубин прекрасного цвета величиной в два пальца". Маленькие золотые чашки (пиалы) нередко изображены на темуридских миниатюрах, особенно в сценах интимного пиршества царственной четы. Подобные сосуды, выполненные из драгоценного металла и украшенные жемчугами и рубинами, по существу уже принадлежат к изделиям ювелирного искусства. Его высокий уровень в ту эпоху не подлежит сомнению. Миниатюрная живопись свидетельствует, сколь видное место принадлежало ювелирным изделиям в украшениях знатных женщин. В их составе - ожерелья, серьги, кольца, наконечники, обрамления головных уборов. Особенно роскошен был привнесенный из монгольской среды головной убор цариц из гаремов Амира Темура, который фигурирует на миниатюрах и детально описан Клавихо. Он имел форму шлема, и на нем было множество крупного, светлого и круглого жемчуга, много рубинов, бирюзы и разных драгоценных, очень красиво оправленных камней. Несомненно, и женщины самых широких слоев населения городов, кишлаков, кочевых аулов носили столь излюбленные на Востоке ювелирные изделия, но из недорогих металлов и простых самоцветов. Для мужчин также изготавливались перстни, фигурные пряжки поясов, подвесные футляры для ножей. В богатой среде упряжь скакунов нередко выполнялась из серебра, инкрустированного крупными драгоценными камнями.

На приеме у Сарай Мульк-ханум Клавихо особенно поразило золотое дерево "ствол, который был толщиной в человеческую ногу, со множеством ветвей, расходившихся в разные стороны, с листьями, как у дуба, высотой в человеческий рост ... А плоды его были из рубинов, изумрудов, красных рубинов, сапфира, крупного отборного жемчуга, удивительно яркого и круглого ... кроме того, там располагалось много маленьких (красивых) птичек, отделанных эмалью, из которых некоторые были с распущенными

крыльями, а другие сидели так, точно готовы были спуститься (на землю), прочие как будто клевали плоды дерева и держали в клювах рубины, бирюзу и прочие камни и жемчуг, которые там были”. Очевидно, это поразительное произведение ювелирного искусства передавало идею райского дерева восточной мифологии.

Один из самых массовых видов прикладного искусства – эта керамика, глиняная утварь, сопровождающая быт всех общественных слоев. В XV в. она достигает в Средней Азии не только высокого совершенства, но и представляет выход на новый художественный уровень. Если в массовом гончарстве изготавливались сосуды с сочной одноцветной глазурью – зеленой, голубой, с нанесенным черной краской подглазурным несложным узором растительного характера, или в виде вихревой розетки, то совершенно новое явление составляют белоснежные столовые сосуды с росписью кобальтом под прозрачной глазурью. Она появляется как прямое подражание китайскому фарфору времени династии Мин, открытому в XIV в. и шедшему на экспорт, где такой фарфор был баснословно дорог. Клавихо отмечает, что на пиру у Амира Темура слуги “укладывали мясо в золотые и серебряные миски и еще в другие, называемые фарфоровыми, которые очень ценятся и дорого стоят”.

Секрет изготовления сине-белого фарфора сохранялся в Китае под угрозой смертной казни. Он был связан с применением каолина вместо обычных гончарных глин и был раскрыт лишь в XVIII в. в Саксонии. Керамисты Маверауннахра его не знали, но они пошли своим путем, используя в качестве основного черепка кашин. Это особая силикатная масса, которая известна была и ранее, а в период Амира Темура и Темуридов успешно применялась в архитектурной керамике. Кашин не столь пластичен, прочен и звонок, как фарфор, но внешне чрезвычайно близок к нему. Он белоснежный, его мелкопористая структура определяла ту мягкость поглощения и растеков кобальта (применявшегося здесь гончарами и раньше, но на фаянсе), которая была близка к китайским изделиям. Покрытие же прозрачной глазурью придавало ей еще и мягкий блеск. Украшение сосудов вы-

полнялось кистевой росписью. Некоторые керамисты впрямую копировали орнаментальные мотивы с китайских образцов, например, цветы и листву, клубящиеся облака, спаренные “персики счастья”, но другие придерживались локальной орнаментации. Но если в предшествующие эпохи орнаментация соподчинялась строго геометризированной разбивке (даже при использовании растительных мотивов - побега, вьюнка, розеток) и четкой окраске деталей, то в фарфорообразных изделиях темуридской эпохи царит свободное движение кисти и мягкие растеки цвета от бледносинего до темноссапфирового.

Высоко стояло в областях Средней Азии производство текстиля, ковров, вышивки. О них упоминают восточные авторы, а детальные описания роскошных их образцов содержатся в воспоминаниях Клавихо. Если в числе даров, поступавших от императоров династии Мин, были знаменитые китайские шелка, то шелковые ткани (камка) выделялись в Средней Азии уже давно, наряду с ещё более массовыми тканями из хлопка, льна, шерсти. Судя по одеждам персонажей на миниатюрах, ткани были разнообразны по расцветке, но однотонные без узоров. Клавихо говорит, что сам Амир Темура во время аудиенции “был в гладком шелковом платье без рисунка”. Более нарядно был одет его внук Мухаммад Султан. “На нем было платье из голубого атласа с золотым шитьем в виде кругов (по одному) на спине, груди и рукавах”. Такого рода узорные вышивки золотом предстают в одеяниях царственных особ и высшей знати на миниатюрах эпохи Темуридов. Известно, что по распоряжению Халил Султана, на первоначальном надгробии Амира Темура были возложены его шелковые одежды и расшитые покрывала. Фрагменты тканей конца XIV - начала XV вв. были обнаружены в погребениях самаркандских мавзолеев - эмира Бурундука в Шах-и зинда, Гур-Эмира, Ишрат-ханы. В числе их-остатки шелковых и хлопчатобумажных одежд, а также шерстяных покрывал. Представление об их первоначальных цветах позволили установить химические анализы. Преобладали здесь у белья натуральный белый цвет, а в верхней одежде - красный, в оттенках от

розового до бордового. Халат ребенка из захоронения в мавзолее Бурундука сохранил следы ромбовидного тканого узора, а покрывавшая его шерстяная ткань была полосатой. Иное дело тканевые и ковровые материалы для палаток, шатров, навесов, где преобладала орнаментика. Так, Клавихо упоминает полосатую ткань и дает описания декоративных тканей, украшенных нашитыми аппликациями, “белые и цветные ткани, красиво расшитые различными узорами, вышивками и знаками”. Шатры в большинстве были покрыты красными узорными коврами. Иногда ковры были шиты “золотыми нитками, со всевозможными узорами и разводами”, на других имелось много вставок из белой ковровой ткани”.

В убранстве царских интерьеров тот же Клавихо упоминает о стеганном одеяле (курпача) из шелковых тканей, расшитых золотом, розовые занавеси с нашитыми бляшками из серебра с позолотой и вправленными в них драгоценными камнями, а на полах - ковры и тростниковые циновки. Подобного рода узорные ткани и ковры можно видеть на миниатюрах времени Темуридов.

Прикладное искусство времени Амира Темура, дошедшее в немногих образцах, свидетельствует, каких вершин могли достичь эти чисто народные формы художественного творчества, когда тому благоприятствовала общая социально-политическая обстановка, открывающая пути для его развития.

Зрелищные искусства и музыка

Театра, как зрелищного представления в высоком понятии жанров, как трагедия, драма, комедия - Средняя Азия не знала. Но театрализованные действия, рассчитанные на широкую народную среду, существовали издревле, дожив до XX столетия, по-видимому, почти без особых изменений затрагивавших лишь сюжетную сторону. На народных гуляниях, ярмарках, семейных празднествах выступали небольшими группами, а то и в одиночку шуты - масхарабозы, кукольники

- курчак-уйин, а на площадях и ярмарках акробаты и канатаходцы - дарбазы. Артисты этих жанров вместе с музыкантами были объединены цеховой организацией, где в статусе рисаля их божественным покровителем назван архангел Джебраил.

В XIV-XV вв. в Маверауннахре сохранялись традиционные народные празднества, история которых уходит вглубь тысячелетий и которые вынужден был принять утвердившийся здесь ислам. Это - празднества возрождения природы- весенний саиль, новый год-Навруз, праздник первых цветов Гул-и сурх-Лола, празднество, связанное с завершением сбора урожая. Они отмечались в городах и селениях, причем особенно массовый характер приобрели в столичном Самарканде, где в них участвовали все общественные пласты - от дома Темуридов и придворной среды до беднейших слоев населения.

Особую роль при этом приобретали выступления на городских площадях профессиональных музыкантов и танцоров, комедиантов (масхарабазов) и кукольников, акробатов и канатаходцев. Отдельные виды этих народных представлений дошли до XX в., трансформировавшись на новый лад, лишь когда в Средней Азии стал слагаться профессиональный театр на подмостках, цирк на арене, музыка в концертных залах.

Искусство комедиантов (масхарабазов) во-многом строилось на импровизации, на живом диалоге или монологе, на сочетании буффонады, сатирических сенок, пения и пантомимы (кизикчилик), которая занимала особое место. И хотя зрелищные искусства этого рода подвергались осуждению со стороны ортодоксального духовенства, оно сохранялось в среде народных масс.

Шараф ад-Дин Али Йазди дает описание одного из таких праздников во времена Амира Темура в Самарканде. Он писал: "Везде играли музыканты, пели певцы и луноликие, стройные, красивые и кокетливые танцовщицы и танцоры своим изящным и нежным искусством очаровывали всех. Исполнялись тюркские, монгольские, китайские, арабские песни и пляски. То рассказами, то своими комическими представлениями актеры дарили зрителю бесконечную радость,

разнообразные мелодии и песни, ласковые взгляды красивых певиц и прелестные звуки, слетающие с рубиновых уст, таинственные звуки каждого музыкального инструмента доставляли людям наслаждение. Казалось, что весь мир наполнен радостью. Были здесь и ряженые, облаченные в шкуры зверей, которые воспроизводили то крадующуюся походку, то прыжки и иные их движения”. Изображения имитаторов такого рода встречаются на миниатюрах. О мастерстве актера в звериной шкуре Алишер Навои писал:

Приклеив бороду, чтоб вызвать смех,

Он хохотать людей заставит всех.

А чтобы стал уже совсем смешон,

Натянет обезьянью шкуру он.

Но он смешон не только шкурой той,

А в ней своей талантливой игрой.

В среде элиты народные зрелища не были популярны. Примечательно, что они не фигурируют в сценах маджлис на миниатюрах, где развлечением для собравшихся служат пара схватившихся борцов-пахлаванов, а в сценах интимных встреч в интерьерах пара танцовщиц танцует под аккомпанемент двух-трех музыкантов.

Социальное положение актеров было крайне низким. Они несли печать общественного презрения. Иным оно было среди музыкантов, чье искусство воспринималось, как несущее приближение к красоте. Говоря словами Бабуря:

О чем дугар звенит, о чем поёт певец? Пойми:

Они сулят блаженство тем, кто сбросил груз забот.

Роль музыки, как проявления и восприятия мировой гармонии, издревле была велика в Средней Азии. Причем в период средневековья в ней соединились три начала - эстетическое, научное и символическое.

Эстетическое восприятие музыки не нуждается в излишних комментариях. Что касается познавательного к ней подхода, то он был присущ именно народам Среднего и Ближнего Востока. Расцвет в средневековье точных и естественных наук, особенно математики, привел к теоретическому

осмыслению музыки в аспекте ее ритма, гармонии и мелодии, несущих математические закономерности, теоретически осмысленные. Появляется ряд музыкальных трактатов, в которых изложены эти закономерности.

В Самарканде при Темуре, наряду с широким кругом музыкантов и певцов, находился ряд теоретиков музыки. Что касается отвлеченно-символического истолкования музыки, инструментальной и вокальной, то она было связана в основном с суфизмом, в ритуалах которого она играла существенную роль.

Музыкальная культура¹ Средней Азии второй половина XIV-XV вв., органически входившая в жизнь широких слоев народных масс и социальной элиты, смыкалась для тех и других. В своих традиционных основах вместе с тем, музыка в этот период продолжала быть предметом теоретических изысканий. Им посвящали время выдающиеся умы эпохи, подарившие миру ряд музыкальных трактатов, созданных в Самарканде и Герате. В основу их были положены ставшие классическими к этому времени системы шашмаком и их варианты, но наряду с тем протекала дальнейшая теоретическая разработка проблем гармонии, ритмов, лада.

Следуя своей практике увоза из других стран деятелей культуры и разнообразного мастерства, Темуром были направлены в Самарканд выдающиеся музыканты. В их числе особенно прославился Абд ал-Кадыр Мараги (1353-1435). Уроженец Мараги, крупного культурного центра Азербайджана, известного, в частности, своей обсерваторией, где велись астрономические наблюдения. Абд ал-Кадыр, мастер “ренессанского” плана обширных познаний и разнообразных талантов, был поэтом, певцом, чтецом Корана, музыкантом-исполнителем и теоретиком музыки. Наиболее плодотворным была его творческая деятельность в период пребывания в Самарканде, а затем в Герате. Он стоял во главе столичных музыкантов, был организатором музыкальных программ на общегородских празднествах, придворных пиршествах и интимных меджлисах. Вместе с тем он проявил поразительную творческую активность, будучи создателем произведений в

¹ Раздел “Музыкальная культура” написан Т.Б.Гафурбековым.

различных классических ритмах. Он создал особое четырехчастное сочинение в жанре навбаг, где каждая часть могла исполняться и как самостоятельное завершенное произведение. Одновременно он написал ряд трактатов и пособий по музыке, частью дошедших до наших дней.

Музыка присутствует в широкой среде: на семейных торжествах (особенно свадебных), на общенародных празднествах, в лучшем же составе исполнителей - на пирах правителей и знати.

Состав музыкальных инструментов был обширен: струнные, щипковые, ударные, духовые - все это было унаследовано от предшественников, претерпев некоторую эволюцию. Так, царь музыкальных инструментов лютя-уд, первоначально четырехструнный в это время имеет уже 10-12 спаренных струн. В составе струнных были щипковые, упомянутый уд (игра осуществлялась с помощью плектра), арфа-чанг, смычковые - рубаб, танбур. В числе духовых - продольная и поперечная флейта (най) и мощная труба (карнай). Из ударных - барабанг (нагара) и бубны (доира). Основные музыкальные жанры, в их канонизированной форме, такие как шашмаком, также сложились ранее, но в этот период были творчески обогащены.

Многосоставного оркестра музыка Средней Азии не знала. На миниатюрах XV в. на темы маджлисов правителя, дружеских встреч или в галантных сценах героя у дамы можно видеть двух, реже трех музыкантов, услаждающих их игрою. В составе инструментов непременно был танбур, который издавал ритмическую ткань исполняемого произведения, в то время как мелодичное сопровождение осуществлялось преимущественно на уде, реже нае или чанге. Нередко удист был и певцом. Пение неотделимо от общей музыкальной культуры эпохи и связано оно было с огромной ролью поэзии в духовной жизни народов Востока. Классическая книжная или фольклорная поэзия давала певцам богатейший материал исполнительства, которое было то вокальным, то декламационным, исполняемым под музыкальный аккомпанемент. При этом сам ритмический строй стихов, а их было немало, определял ритмическую основу музыкального сопровождения.

В военных походах использовались барабаны и огромные трубы (карнаи), рычащие звуки, грозный ритм которых возбуждали боевой дух. А в дни прибытия в город правителя эти инструменты возвещали населению об этом событии. При Темуре в Самарканде было сосредоточено множество местных и привлеченных из покоренных стран музыкантов. В числе их были исполнители на различных инструментах, певцы, а также композиторы (бастакоры) - создатели новых мелодий и песен, нередко разработчики уже существующих мелодий. Большой славой пользовался упомянутый Абд ал-Кадыр - найчи, уроженец Мараги (Азербайджан). Он был замечательным исполнителем на нае и выдающимся теоретиком, автором музыковедческих трактатов. О силе его творческого воздействия свидетельствует легенда, согласно которой он за какие-то проступки был приговорен к смертной казни через повешенье, но перед казнью сочинил и исполнил "Пешрав виселицы", который произвел такое впечатление на султана Мараги, что был им помилован. Восточные первоисточники сохранили имена других, наиболее знаменитых музыкантов первой половины XIV и середины XV в. В их числе Дарвиш-Ахмад Кануни - виртуоз на кануне (откуда и его лакаб). Исполнением на флейте (нае) славился Султан Ахмад. В Самарканде трудился хивинский музыкант Дивана-йи Хисаби. Бастакором и мастером игры на уде был Султан Мухаммад Уди, а непревзойденным виртуозом на кануне считался самаркандец Ходжаги Джаъфари. В создании таких музыкальных форм, как савт и накш прославился переселившийся в Самарканд хорезмский мастер Махзумзада-йи Хорезми. Знаменитый композитор Хафиз-и Чанги предпочитал сочинять пешравы.

Большую популярность имели формы музыкальных сочинений, сопочиненных выработанным ритмам и последовательности звучания - амаль, савт, пешрав, накш, тарана, причем некоторые из них входили в общий цикл шашмакома.

Особую область музыкального творчества и исполнения составляли музыкальные произведения мистического характера. Они были связаны с суфизмом, в экстатическом ритуале которого пение и танец играли видную роль.

Уже на ранних этапах суфизма учитывалось мощное воздействие музыки и слова для достижения экстатического состояния. Отсюда введение музыки - инструментальной и вокальной - в суфийском радении, получившее особое наименование с а м а ь (слушание). Оно вызвало решительное неприятие в среде суннитов, как противоречащее шариату, где молению могло сопутствовать лишь чтение сур Корана.

Большой эмоциональный заряд, заложенный в музыке и последовательно констатируемый в музыкальных трактатах, достаточно умело и с большой фантазией использовался Амиром Темуром. Современники отмечают приверженность этого правителя на многочисленных торжествах к сосредоточенному слушанию певцов и музыкантов, его умение оценить вновь созданное произведение, что само собой передавалось не только его прямым преемникам, но и приближенным ко двору и армии. Более того, приводятся редчайшие в военной практике случаи "взятия" небольших населенных пунктов Амиром Темуром внезапной оглушительной игрой карнаев и ногара, рассредоточенных в их кварталах, во время глубокого сна жителей. Особое почитание названных инструментов со стороны Амира Темура и Темуридов воочию можно видеть на многочисленных миниатюрах, отражающих их военные походы с участием таковых музыкальных ансамблей. ("батальные" миниатюры к "Зафар-наме" Шарафаддина Али Йазди).

При Амире Темуре и вплоть до Бабура, уважительное раположение к музыкантам выражалось наглядно в том, что над главными воротами их дворцов непременно сооружались специальные нагарахона (или наккарахона), где и музицировали придворные ансамбли. Руководители этих вокально-инструментальных ансамблей назначались самими правителями и, как правило, из среды исполнителей на нагара или сурнае, в силу чего их любовно называли мехтаром (руководитель, господин). Помимо исполнения прямых придворных обязанностей, подобные ансамбли охотно выступали на различных народных торжествах и празднествах, к примеру во время месяца рамазана - на так называемом базаришаб (вечерний, ночной базар).

Отличительная черта музыкальной жизни второй половины XIV-XV вв. и последующих периодов пребывания у власти Темуридов, заключена в доминировании живого, динамичного начала, что и привело к самому главному достижению эпохи - окончательному сформированию монолитного макомного цикла "Шашмаком" ("Шесть макомов"). Не исключено, что на появление музыкальной "Шестерицы" определенное влияние оказали литературные "Пятерицы" (в том числе цикл Алишера Навои), ибо в обоих случаях решающую роль играет совокупляющее начало, вбирающее творческий опыт предшественников. И если для поэтических циклов отправным толчком были "Пятерицы" Низами Гаянджеви (1141-1209) и Хусрава Дехлави (1253-1325), то для "Шашмакома" аналогичным стал цикл "Дуваздахмаком" ("Двенадцать макомов"), кстати являющийся сверстником этих двух "Пятериц - Низами Гаянджеви и Хосрова Дехлави.

Разумеется, прорастание веками бытовавшего цикла в другой - процесс сложный в творческом и длительный в хронологическом отношении. По исследованиям последних лет, первый цикл ("Дуваздахмаком"), сформировавшись в XII - начале XIII вв, в наиболее стабильном виде предстает именно в эпоху Темура и первых Темуридов, что наглядно просматривается по содержанию трактатов Абд ал-Кадыра Мараги, Абд ар-Рахмана Джами, Зайнаб ад-Дина Хусайни (о нем далее). Примерно с XVI века начинается интенсивный этап формирования нового цикла "Шашмаком", не исключая при этом функционирования цикла "Дуваздахмаком", активно используя из него отдельные макомы, ряд шувб и другие (См. таблицу).

О разнзначимости и разнорезультативности процесса прорастания "Дуваздахмаком"а в другие циклы, свидетельствует то, что если первый изначально был характерен для подавляющего большинства культур народов Ближнего и Среднего Востока в своей совокупности, то именно в период Амира Темура и Темуридов из него выделяются локально дифференцированные, ладо-интонационные и метро-ритмические "национализированные" жанровые циклические произведения. Они, в отличие от цикла "Дуваздахмаком",

более свободны в конструктивно-композиционном и количественном отношении: 12 арабских макамов, 12 уйгурских мукамов, 7 иранских дестяхов, 7 азербайджанских мугамов, 6 узбекских и таджикских макамов. В свою очередь, каждый из подобных циклов породил внутринациональные версии себе подобных исходных моделей, как это произошло на узбекской почве в связи с формированием хорезмских макамов, фергано-ташкентских макомных циклов, многочисленных инструментальных произведений.

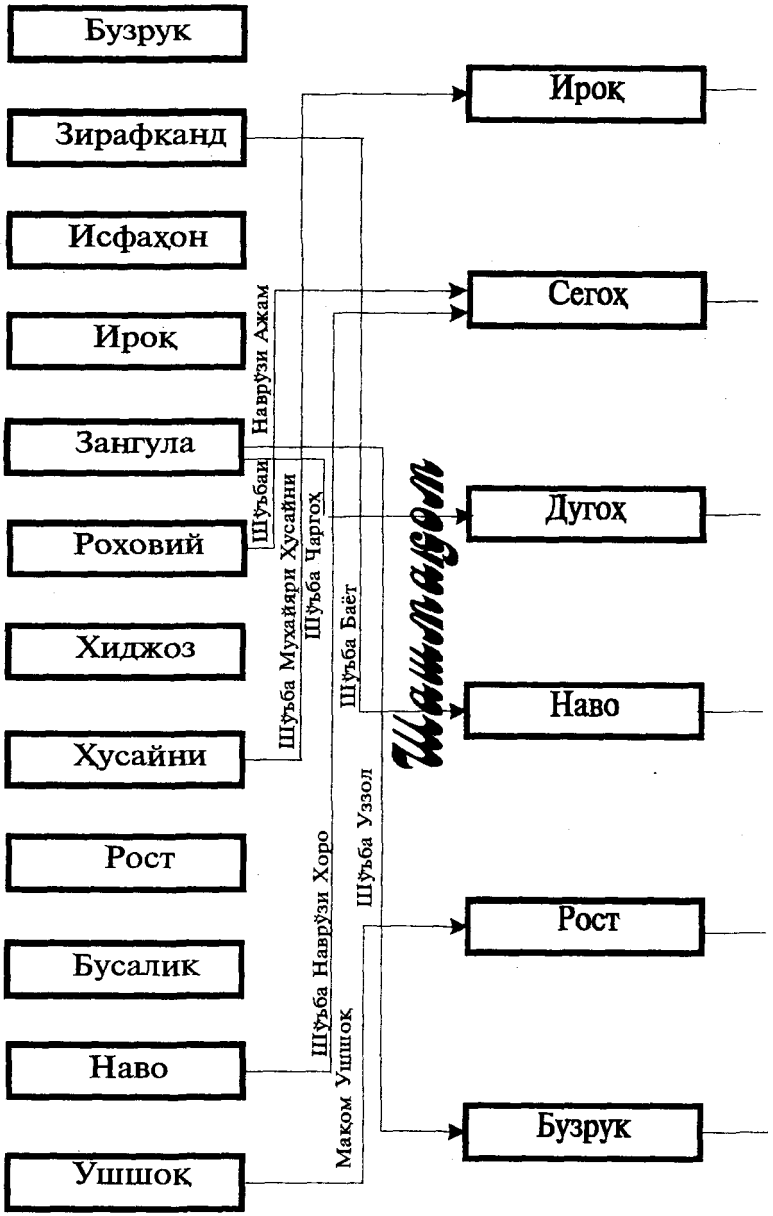
Эпоха Амира Темура и Темуридов, в силу динамичного развития музыкального творчества и исполнительства, оставила целую галерею специальных, во многом беспрецедентных трактатов по музыке. В их ряду - труд Зайн ал-Абиддина ал-Хусайни (XV в) "Канун-и илмий ва амалийи мусики" ("Научные и практические законы музыки"), написанный на фарси и посвященный Алишеру Навои. Наряду с общепринятыми в местной и региональной музыкальной науке проблемами, автор, в 16-й главе, впервые дает научное описание народного музыкального инструмента дутар, широко применяемого в среде узбекских женщин.

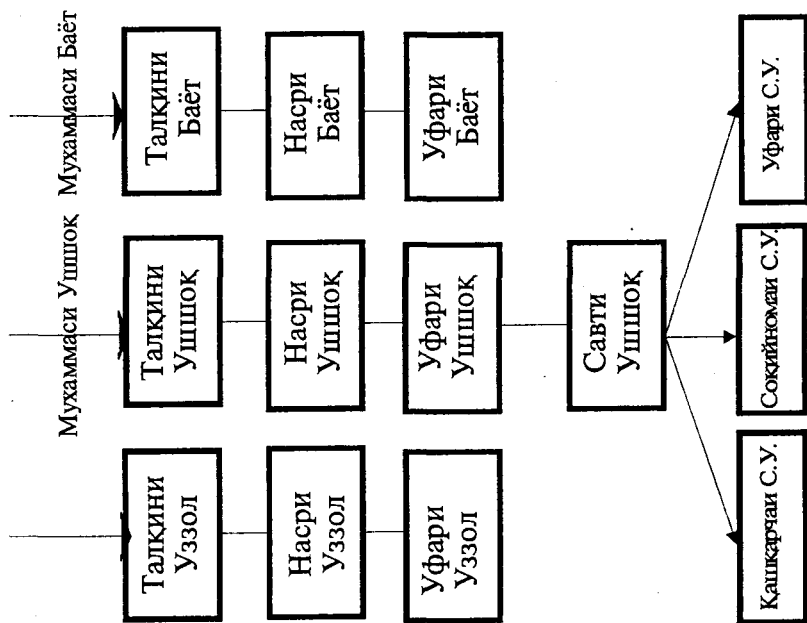
Особое место в истории восточного музыковедения занимает Наджм ад-Дин Каукаби (прибл. 1480 - убит 1535), крупнейший ученый музыкант, поэт и наставник, создавший два манускрипта: "Рисала-йи мусики" ("Трактат о музыке") и "Рисала дар байан-и Дувоздахмаком" ("Трактат, повествующий о двенадцати макомах"). Новизна воззрений Каукаби состоит в том, что, по его мнению, "Музыка - тончайшее искусство (разр. наша - Т.Г.)... обладает божественными тайнами, а потому доступна только избранным людям".

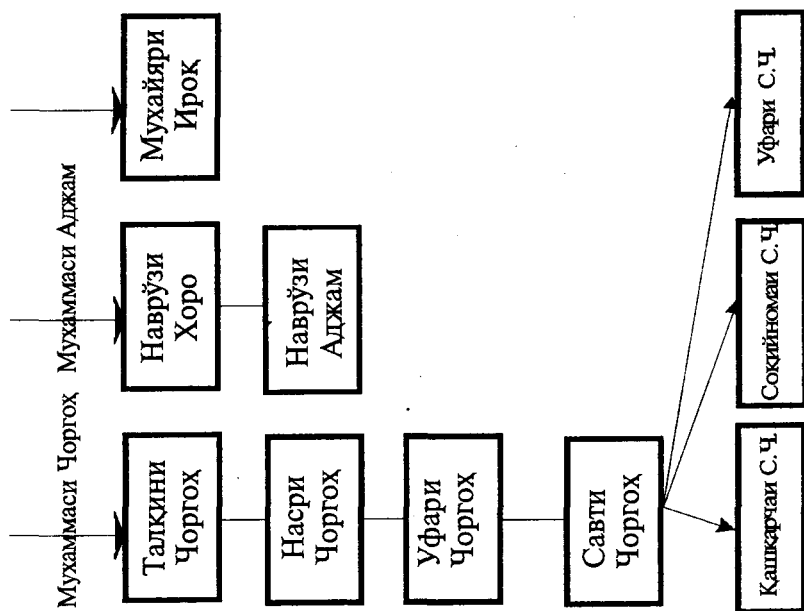
Скажем, что истолкование музыки как искусства, в науке времени Темуридов поворотный этап не только в самой исследовательской мысли, но и в собственном творчестве и исполнительстве того времени, и Каукаби являлся первооткрывателем и в области классификации видов мелодий (глава XI, первого трактата), и в изложении сложнейших теоретических вопросов музыкальной науки - в стихотворной форме.

Таким образом, мы можем с полным основанием сде-

Дубодатнома

лать вывод о том, что эпоха Амира Темура и Темуридов была и остается самым значительным периодом развития и расцвета музыкального искусства, причем не только узбекского и таджикского народов, но многих других народов Ближнего и Среднего Востока, которые в свое время составляли население огромного государства Амира Темура, имевшего активные взаимоотношения не только с крупными странами Азии, но и Европы.

Наука и литература¹

Эпоха Амира Темура была временем развития и расцвета науки и литературы.

Как видно из приводимых в источниках сведений, при Амуре Темуре и Темуридах большое развитие получили богословие, мусульманская юриспруденция (ал-фикх), математика, астрономия, медицина, философия, история, музыковедение, поэтика (илми аруз) и др. Источники, например, сохранили имена богословов: ходжа Мухаммада Парса (ум. в 1419г.), Джамал ад-Дина Хорезми (ум. в 427-28 г.), Шамс ад-Дин Мухаммада ал-Джазаири (ум. в 1429г.), юристов-законоведов: Абд ал-Малика и Исам ад-Дина Джазаири (ум. в 1419 г.), медика Фазаллаха Табризи, музыковедов Абд ал-Кадыра Мараги, Сафий ад-Дина и Ардашира Чанги, философов Саъд ад-Дина Тафтазани (ум. в 1389г.), Мир Саид Шарифа Джурджани (1339-1413г.г.) и крупных историков Низам ад-Дина Шами (ум. до 1409 г.), Хафиз-и Абру (ум. в 1430 г.), Ибн Арабшаха (1389-1450г.г.), Шараф ад-дина Али Йазди (ум. в 1454) и др.

Особое место в науке занимают труды самаркандских астрономов и математиков: Мирзо Улугбека, Казы Задэ Руми, ал-Коши, ал-Кушчи и других

До нас дошли труды некоторых богословов, например, пять сочинений ходжа Мухаммада Парса - "Степени духовного совершенства ходжа Ала ад-Дина Атгара", "Фасл ал-хитаб" - "Ясная речь", "Трактат об искании истины", "Трактат о возлюбленном", "Рисала", посвященные жизнеописанию и

¹ "Наука и литература" (краткие сведения) написаны Б.А.Ахмедовым.

речам Ала ад-Дина Атгара, ученика ходжа Баха ад-Дина Накшбанда, а также определению и уточнению понятий “тари-кат” и “шариат”, ступеням совершенства для суфиев и, кроме того своим встречам с ходжа Баха ад-Дином Накшбандом. Среди них большую ценность представляет “Фасл ал-хитаб” - полная энциклопедия по суфизму, по вопросам мусульманского вероучения, религиозным обрядам, о догматических и философских течениях в свете суфийской доктрины. Шамс ад-Дин Мухаммад Джазаيري оставил несколько сочинений, посвященные искусному чтению “Коран”а, комментированию его и хадисов.

Крупными учеными-энциклопедистами были Саъд ад-Дин Тафтазани и Мир Саид Шариф Джурджани. Дошли до нас пять-шесть сочинений Саъд ад-Дина Тафтазани, посвященных вопросам языкознания, логики, схоластической теологии, геометрии и арифметике. А Мир Саид Шариф Джурджани написал более пятидесяти сочинений: учебники по арабской грамматике, по мусульманскому праву и философии, систематизации науки и грамматике. Большую часть своих трудов он писал в Самарканде.

О вкладе же упомянутых выше историков в развитии науки общеизвестны. (см. главу I настоящей книги).

Во второй половине XIV-XV вв. в Маверауннахре и Хорасане большое развитие получила и литература. Ценные сведения об этом сообщаются в известных антологиях: Доулетшаха Самарканди (1435-1495г.г.) и Алишера Навои (1443-1501г.г.). В них приводятся имена многих представителей художественной литературы и ученых-литературоведов: ходжа Абд ал-Малика Самарканди, Бисати Самарканди, ходжа Исматуллы Бухари, Хийали Бухари, Лутфи, Хайдара Хорезми, Дурбека, Саккаки, и др. К сожалению, о некоторых из них, как-то об Абд ал-Малике Самарканди, Бисати Самарканди и Хийали Бухари, мы располагаем только незначительными сведениями. Так, ходжа Абд ал-Малик Самарканди был при Темуре шайхулисламом и писал, в основном, газели; Бисати Самарканди был мастером по изготовлению циновок и жил при Халил Султане (1405-1409г.г.), писал под псевдонимом Хасири (изготовитель циновки), а о

Хайали Бухари говорится только, что он был учеником видного поэта второй половины XIV-первой четверти XV века ходжа Исмадуллы Бухари. Последний жил при Темуре и Улугбеке и прославился во многих жанрах поэзии : касыды, газели, месневи, рубаи; воспевал чистую любовь, труд и человечность.

Что касается Лутфи, Хайдара Хорезми, Дурбека и Саккаки, то о них мы знаем значительно больше.

Лутфи (жил между 1360-1460 гг) - старший современник Алишера Навои, славный тюркоязычный поэт: газелеписец и рубаиписец; прославился благодаря замечательному дивану стихов и поэме “Гул и науруз”.

Хайдар Хорезми-современник Лутфи при дворе Темурида Искандар-мирзы, правителя области Фарс (1384-1415г.г.). Писал на тюрки и фарси; автор поэмы “Махзан ал-асрар” (“Сокровища тайн”).

Дурбек - один из выдающихся поэтов эпохи Темуридов, известен благодаря своей поэме “Юсуф и Зулейха”, жил в Балхе.

К числу талантливых тюркоязычных поэтов первой половины XV века можно отнести и Саккаки. Он жил при Халил Султане, Улугбеке и Арслан-ходжа тархане, правителе Туркестана. В своих газелях Саккаки воспевал любовь и преданность, но затрагивал и социальные вопросы (несправедливость, гнет, тирания). Писал касыды, посвященные Улугбеку и Арслан-ходжа тархану.

Использованные источники и литература

I. Источники

Абд ар-Раззак Самарканди. Матлаъ ас-саъдайн ва маджмаъ ал-бахрайн, ркп. ИВ АН Руз, инв № 1825.

Абу Тахир-ходжа. Самария. Описание древностей и мусульманских святынь Самарканда. Перв. В.Л.Вяткина, - "Справочная книжка Самаркандской области, 1898". Вып. У1, Самарканд, 1898.

Алишер Навои. Собрание избранных. - Соч. т. IX, Ташкент, 1968.

Ибн Арабшоҳ. Аджайиб ал-мақдур фи ахбари Таймур (Темур тарихида тақдир ажойиботлари), арабчадан ўзбек тилига Убайдулла Уватов таржимаси, Тошкент, 1992.

Ahmad Ibn Arabshah (Ахмад ибн Арабшах). Tamerlan or Timur the Great/Amir. Translated by H.Sanders. London, 1936.

Захир ад-Дин Мухаммад Бабур. Бабур-наме, перев. со староузбекского М.А.Салье, Ташкент, 1958.

Кази Ахмад. Трактат о каллиграфях и художниках. Введение перевод и примечания Б.Н. Заходера, Москва, 1947.

Клавиho Руи Гонсалес. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Темура (1403-1406), Перев. со староиспанского И.С. Мироковой, М., 1990.

Sharafuddin Ali of Yazd. Zafanamah, vol. I-II, Calcutta, 1888.

II. Справочная литература

Собрание восточных рукописей АН УзССР, т. 1-XI, Ташкент, 1952-1987.

Stchukin I. Leu peintures des manuscrits Timurides. Paris, 1954.

The Chester Beatty Library. A Catalogue of the Persian Manuscripts and Miniatures, vol III, Dublin, 1962.

The Keir Collection. Islamic Painting and the Art of the Book. By B.W. Robison and others, London, 1986.

III. Исследования

Белиницкий А.М. Из истории участия ремесленников в городских празднествах в Средней Азии в XIV-XV вв., - "Госу-

- дарственный Эрмитаж. Труды Отдела Востока". М.-Л., 1940.
- Бертельс Е.Э. Суфизм и суфийская литература, - Избр. труды, М. 1965.
- Болдырев А.Н. Алишер Навои в рассказах современников - сб. "Алишер Навои", М.-Л. 1946.
- Булатов М.С. Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии XIV-XV вв. М. 1978.
- Буряков Ю.Ф. Коллекция бронзовых художественных изделий XIV - начала XV вв. из Самарканда, - "Культура Среднего Востока. Изобразительное и прикладное искусство", Ташкент, 1990.
- Визго Т.С. Музыка в миниатюрах Бехзада и художников его школы. (к 525 - летию со дня рождения), - "Материалы научной конференции". Ташкент, 1984.
- Гулямов Я.Г. К вопросу о традиции архитектурных ансамблей в городах Средней Азии XV в., - Сб. "Великий узбекский поэт", Ташкент, 1948.
- Давыдов С.С. Этюд по иконографии самаркандских пейзажей XIV-XV вв., - "Культура Среднего Востока. Изобразительное и прикладное искусство", Ташкент, 1989.
- Денике Б.П. Архитектурный орнамент Средней Азии, М.-Л., 1939.
- Денике Б.П. Живопись Ирана. Москва, 1938.
- Засыпкин Б.Н. Памятники Шахрисабза.. Архитектурные памятники Средней Азии, - "Вопросы реставрации", М.-Л., 1928.
- Засыпкин Б.Н. Своды в архитектуре Узбекистана, - "Архитектурное наследие" вып. 3. Москва, 1961.
- Захидов П.Ш. Мавзолей Бибиханым, - "Архитектурное наследие Узбекистана", Ташкент, 1960.
- Иванов А.И. О бронзовых изделиях конца XIV в. из мавзолея ходжа Ахмада Яссави, - "Средняя Азия и ее соседы в древности и средневековье", М., 1981.
- Маньковская Л.Ю. К изучению приемов среднеазиатского зодчества конце XIV в. (мавзолей ходжа Ахмада Яссави), - "Искусство зодчих Узбекистана", вып.1, Ташкент, 1962.
- Массон М.Е. Мавзолей ходжа Ахмада Яссави, Ташкент, 1930.
- Массон М.Е. План самаркандского Хисара XV века и план

- окрестностей Самарканда второй половины XV века, - "Труды САГУ", вып. XIX, Ташкент, 1953.
- Массон М.Е. Самаркандский Регистан, - "Труды САГУ", вып. XI, Ташкент, 1950.
- Массон М.Е. Пугаченкова Г.А. Шахрисабз при Темуре и Улугбеке - "Труды САГУ", вып. XIX, Ташкент, 1958.
- Материалы по истории Средней и Центральной Азии IX-XIX вв., Ташкент, 1988.
- Немцова Н.Б. Шваб Ю.З. Ансамбль Шах-и зинда, Ташкент, 1979.
- Пугаченкова Г.А. Восточная миниатюра как источник по истории архитектуры XV-XVI вв., - "Архитектурное наследие Узбекистана", Ташкент, 1960.
- Пугаченкова Г.А. Зодчество Центральной Азии. XV век. Ведущие тенденции и черты, Ташкент, 1976.
- Пугаченкова Г.А. К вопросу о научно-художественной реконструкции мечети Биби-ханым, - "Труды САГУ", XIX, Ташкент, 1958.
- Пугаченкова Г.А. К дискуссии о среднеазиатской миниатюре XV столетия, - "Из художественной сокровищницы Среднего Востока", Ташкент, 1987.
- Пугаченкова Г.А. Портрет Улугбека. К проблеме миниатюрной живописи Темуридского Самарканда, ж. "Народы Азии и Африки", 1969, № 1.
- Пугаченкова Г.А. Садово-парковое искусство Средней Азии в эпоху Темура и Темуридов, - "Труды САГУ, История. Новая серия", вып. 23, Ташкент, 1951.
- Пугаченкова Г.А., Галеркина О.И. Миниатюры Средней Азии в избранных образцах, Москва, 1979.
- Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины девятнадцатого века, М. 1965.
- Ратия Ш.Е. Мечеть Биби-ханым, Москва, 1956.
- Раджабов И.Р. О музыке Самарканда, - сб. "Из истории искусства великого города", Ташкент, 1972.
- Рахманов М.Р. Из истории древнего театра Самарканда. Сб. "Из истории искусства великого города". Ташкент. 1972.
- Ремпель Л.И. Архитектурный орнамент Узбекистана, История

- развития и теория построения, Ташкент. 1961.
- Семенов А.А. Надписи на надгробиях Темура и его потомков в Гур-Эмире “Эпиграфика Востока” Ш, М. - Л., 1949.
- Семенов А.А. Среднеазиатский трактат по музыке Дервиша Али (XVII в.), Ташкент, 1946.
- Тулякбаева Б.Т. Эпиграфический декор архитектурного комплекса Ахмада Яссави, Алма-Ата, 1989.
- Хайитметов А. Темурийлар даври ўзбек адабиёти, Тошкент, 1996.
- Чехович О.Д. Самаркандские документы XV-XVI вв., Москва, 1974.
- Шишкин В.А. Медресе Улутбека в Гиждуване, - “Материалы Узкомстариса, вып. 23, Ташкент, 1933.
- Якубовский А.Ю. Мастера Ирана и Средней Азии при Темуре, - “Иранское искусство и археология”. Ш. Международный конгресс, М.=Л. 1939.
- Golomber J., Wilber D. The Timurid Architecture of Iran and Turan..., New Jersey, 1988.
- Pugatchencova G.A. Avec La collobarition. Chefa-d, oluvre d,architecture de l, Asie Centrale XIV-XV-Siecle, UNESCO, 1981.
- Shtonkin J. Sultan Ali al-Mavardi un peintre inco du XV siecle, - “Syria”, Т. XIII, N-1-2, Paris, 1967.
- Welesz E. An early Ali al-Sufi manuscript in the Bodlean Library in Oxford, - “Ars orientalis”, vol. III, Baltimore, 1959.

Внешняя политика государства Темура (предварительные суждения)

Государство Темура в свое время получило всемирное признание. Это общеизвестно, признали его тогда многие крупные государства Европы и Азии, например, Венеция, Испания, Франция, Англия, Византия, Египет, Турция, Китай, Золотая орда и др.

По свидетельству источников, связи государства Темура, затем Темуридов с государствами мира протекали, в основном, в трех направлениях: политическом, торгово-экономическом и культурном. Но проследить их подробно, как бы нам хотелось, не представляется возможным. Невозможно это сделать из-за недоступности в настоящее время многих нужных исследователю источников, прежде всего переписки Темура и Темуридов с правителями зарубежных стран, все еще недостаточности изучения темуридской историографии.

Вместе с тем, в библиотеках и национальных музеях зарубежных стран, в частности, Венеции, Франции, Англии и Турции сохранилась часть переписок Темура и Мираншаха. Полагаю, что они есть и в Египте, Китае и в других странах. Кроме того, сохранились их копии у Шараф ад-Дина Али Йазди, Абд ар-Раззака Самарканди и в специальном сборнике писем “Мактубат-и Темурия” (“Письма Темуридов”), хранящиеся в настоящее время в Собрании ИВАН Руз (инв. № 2278)¹. Много полезного материала о связях государства Темура и Темуридов с государствами других стран могли бы дать сочинения арабоязычных авторов: Ибн Халдуна, Ибн Докмака, Ас-Суюти, Ал-Калкашанди, Ас-Сахави, Бадр ад-Дина ал-Айни, Ал-Макризи и исследования европейских ученых XVI-XIX вв.: Фореста, Мексики, Перондини, Хингтона, Марино Санудо, Ж. Делавиллы и воспоминания архиепископа Иоанна и посла Клавихо.

¹ Краткое описание его см. Собрание восточных рукописей ИВАН УзССР, т.1, Ташкент 1952г., 148-149.

Без материалов этих источников в полном объеме исследовать внешнюю политику государства Амира Темура невозможно. А сбор и изучение разбросанных по всему свету писем и документов еще предстоит. Поэтому наши суждения по данному вопросу носят предварительный характер.

Как мы могли убедиться, внешняя политика государства Темура ставила перед собой две основные цели: 1) обеспечение безопасности страны и 2) расширение его за счет влияния в соседних странах. При этом первая цель была основной. Рассмотрим их по порядку.

Как известно, Амир Темура, после упорной борьбы, к весне 1370 года все-таки добился своего: изгнал монголов из пределов Маверауннахра, установил над ним свою власть. Но это было еще половина пути. Нужно было еще покончить с сепаратизмом улусных правителей, объединить страну и обеспечить ее безопасность с севера, северо-востока и с запада; стабилизировать обстановку вокруг страны и установить мирные, добрососедские отношения с другими странами.

В самом начале Амир Темура взялся за объединение западной части Чагатайского улуса. Дело в том, что после знаменитого курултая в Келуране (21 февраля 1251 года) Чагатайский улус распался на две части. Западная часть улуса, включающая Маверауннахр и юго-восточную часть Хорезма, попала под политический контроль Золотой орды, а восточная часть (включала Семиречье, Илийскую долину, Притяньшанье и Кашгар) попала под влияние Менгу-каана (1251 - 1260).

Борьба за возвращение юго-восточного Хорезма заняла у Тимура целых восемнадцать лет. Цель была достигнута только после пяти военных походов (1371, 1373, 1375, 1379, 1388 гг.) Здесь же необходимо сказать, что Темура попытался разрешить вопрос мирными средствами и поэтому дважды направил в Гургандж посольство: во главе Алафа-таваджи и шейхулислама ходжа Джалад ад-Дина Кеши. В послании к его правителю Амир Темура потребовал вернуть ранее принадлежащую Чагатайскому улусу юго-восточную часть Хорезма, вместе с городами Кят и Хивак. В послании, в частности, говорилось: “Кят с Хиваном относятся к Чагатайскому улусу, но неко-

торые время тому назад, посчитавшись спорными, их захватили потомки эмира Нангадай¹. Теперь же эти города, вместе с относящимися к ним землями, следует возвратить слугам нашего царства”. Как говорится в “Зафар-наме”, Хусайн-Суфи был человеком гордым, надменным и повел он себя высокомерно. Он не послушался Амира Темура. Более того, ответил: “Области эти я подчинил при помощи меча и, поэтому вернуть их можно только этим же средством”. Так же ответил Хусайн-Суфи второму посольству Темура, более того, Темуридский посол был задержан и посажен под арест, что, конечно, привело к войне и кровопролитию.

Существовала серьезная угроза Маверауннахру и с севера и северо-востока. Это Ак-Орда² и Урус-хан (1361-1375) на севере и эмиры Камар ад-Дин, Анка-тюра, Мир Хакберды, Мир Каримберди и др. со стороны Моголистана³. Урус-хан - верховный правитель Ак-орды, после того, как захватил власть в Ак-орде, в 1375 году своей ордой и многочисленным войском появился в районе среднего течения Сырдарьи. Он захватил тогда ряд крупных городов: Сауран, Сыгнак и др. и создал очаг напряженности на северных рубежах Маверауннахра. Более того, акордынский владетель явно стремился объединить обе части Улуса Джучи - Белую и Золотую орду и, тем самым, восстановить былое могущество Улуса Джучи. Но, к счастью, этого не позволила Урус-хану усилившаяся междоусобица между самими Джучидами и феодальными группировками Дашт-и кипчака. Объединения двух улусов - Ак-орды и Золотой орды не желал и Темура. В случае если бы Улус Джучи стал единым, как во времена Бату-хана, Берка-хана и Узбек-хана, то трудно было бы сохранить свободу и независимость Маверауннахра. По этой причине, Амир Темура сразу же после прихода к власти, повел активную борьбу против такого объединения. Более того, он сделал все от него зависящее, чтобы посадить на престол Белой орды

¹ Нагандай - влиятельный золотоордынский эмир (убит в Сарай Берке в 1361 году).

² Ак-орда - государство, основанное Джучидом Орда-Иченом (1226-1280 г.г.).

³ Моголистан (иначе Джете) - страна, основанная на восточной части Чагатайского улуса в середине XIV века.

послушного человека. Поэтому он вмешивался во все более усиливающуюся межфеодалную борьбу в Белой орде, в частности, всячески поддерживал Тохтамыш-оглана, отец которого (Туйходжа-оглан) был до того убит Урус-ханом, и Темур после нескольких попыток сверг Урус-хана и посадил Тохтамыш-оглана на престол Белой орды. При этом Амир Темур надеялся, что у него теперь в Дашт-и кипчаке будет свой человек и был спокоен за северные и северо-западные рубежи своего государства. Более того, он полагал, что Тохтамыш-хан будет проводить у себя его (Темура) политику. Но, как увидим ниже, объединив оба улуса - Белую и Золотую орду, Тохтамыш-оглан наоборот, повел враждебную по отношению Темура политику.

Опасный очаг напряженности существовал и со стороны Моголистана. Особенно опасными там были дуглатский эмир Камар ад-Дин и Анка-тюра. Первый в 1369 году убил законного владыку Ильяс-ходжа-хана (1363-1369), истребил все мужское потомство его и захватил престол Моголистана. И в начале 70-х гг. XIV века двинул войска к рубежам Ферганы, Сайрама и Ташкента и временами, особенно в зимние месяцы, вторгался в глубинные районы этих владений Темуридов и устраивал частые повальные грабежи мирного населения. Не сидел сложа руки у себя в Катартале, в районе Кокчактенгиз (озера Балхаш) и Анка-тюра. Он стремился завязать союз с Темур-кутлугом и другими претендентами на Золотоордынский престол. Особенно большие беды принесли местным жителям Андижана и Ташкента набеги Камар ад-Дина в 1370-71 и зимой 1376 гг. Во время вторжения в 1376 году эмир Камар ад-Дин захватил больше половины Ферганского владения Темура. Наместник Ферганы Умар-Шайх мирза оставил тогда Андижан и бежал в окрестные горы.

Не покончив с Камар ад-Дином, Анка-тюрой и другими конкурирующими эмирами Моголистана, трудно было обезопасить северо-западные рубежи государства. Вот почему Темуру пришлось вступить в открытую борьбу с Камар ад-Дином и Анка-тюрой. И в течение двадцати лет (1371-1390 гг.) Амир Темур организовал против них семь военных походов и при последнем (1390 г.) одержал победу над

Камариддином и Анка-тюрой. На этот раз Темуровы войска достигли на севере р. Иртыша, на востоке - Алакул, Эмиль и главной ставки моголистанских ханов Балыг Юлдуз.

Неспокойно было и на южных и юго-западных рубежах Маверауннахра. После распада государства Хулагуидов (1336 г.) эти страны распались на мелкие самостоятельные владения. Свою власть в них установили местные династии. Так, Хорасан был разделен между Сарбадарами¹, Картами (Куртами)² и племенными вождями Джани курбани³, Южный Иран оказался под властью местной династии Музаффаридов. Над областью Джурджан установили свое господство местные саййиды, над Ираком и Курдистаном - Джалаириды, Луристан перешел в руки Хазараспидов и династии Инджу, а Азербайджан был захвачен туркменскими феодалами Каракуюнлу. Феодалная раздробленность на бывших владениях хулагуидов привела к межфеодальным войнам, наносившим большой урон трудовому населению, миру и стабильности в регионе. Более того, она нанесла удар по издревле существовавшим торгово-экономическим и культурным связям между странами Дальнего Востока и Средней Азии со странами Средиземноморья и Европы, по древнему Великому шелковому пути.

Не только это. Золотая орда, могущественное государство, и Тохтамыш-хан активизировали свою агрессивную политику по отношению Ирана и Азербайджана и сосредотачивали свои войска на рубежах Южного Азербайджана. Как свидетельствуют источники, Тохтамыш превратил Дербендское ущелье в укрепленный военный лагерь. Такая политика Золотой орды по отношению государства хулагуидов, включавший в своем составе Иран, Азербайджан и Ирак, не нова. Она велась с 60-х гг. XIII века, т.е. со времен Золотоордынского хана Берке (1257-1267) и хулагуида Абака-хана (1265-1282). Чтобы

¹ Сарбадары - буквально "висельники"; участники народного восстания в Иране, направленного против монгольского ига. Государство сарбадаров существовало около пятидесяти лет (1336-1381г.г.).

² Карты (Курты) - династия, правившая Гуром и Гератом в XI-XIV вв.

³ Джани курбани - род из ойратов, пришедший в XIII веке и обосновавшийся в Абиварде, Несе и Мерве.

достичь своей цели, оба государства: и Золотая орда и государство хулагуидов искали себе союзника, но золотоордынские правители в этом преуспели. Они, например, сумели установить союзнические отношения с Мамлюкским Египтом. По сведениям арабоязычных историков, связи между Волгой и Нилом, т.е. между султаном Бейбарсом (1259-1278) и вышеупомянутым Берке-ханом были установлены около 600 (1261-62) года. По подсчетам современного египетского историка Амин ал-Холи, со времен султана Бейбарса, в течение двух столетий, Каир и Сарай-Берке обменивались примерно пятьюдесятью посольствами¹. Связи преследовали явно политическую цель. Союз между Золотой ордой и Египтом, по выражению этого автора, преследовал цель... ”взять Хулагуидов в клещи: Египет с плацдармом в Сирии с одной стороны и государство кипчаков (Золотая орда) с плацдармом в Азербайджане с другой”². После разгрома Хулагуидов, часть земель, захваченных последними в Сирии, должна была возвращена Египту, а другая часть - поделена между союзниками, т.е. между Египтом и Золотой ордой.

Связи между Египтом и Золотой ордой продолжались и в конце XIV - начале XV вв., т.е. при ханстве Тохтамышша. По сведениям Ибн Дукмака, первое посольство Золотой орды прибыло в Египет 26 марта 1384 года и было встречено большими почестями. Тохтамыш просил султана Малик аз-Захир Сайф ад-Дина Баркука (1382-1389), чтобы султан и он “были одной рукой на мятежника Темура”. Следует сказать, что именно в 1384 году прибыло к султану Баркуку и посольство турецкого султана Баязида Йилдирима и правителя Сиваса кази Бурхан ад-Дина Ахмада. По сведениям Ибн Тагриберди, египетский султан принял предложение трех северных правителей: Золотой орды, Йилдирима и казий Бурхан ад-Дина Ахмада о заключении союза против Темура. После этого египетский султан спешно собрал войско и вступил на сторону Дамаска. Пришли в движение и его союзники. Назревала большая война между Амиром Темуром и только что названными союзниками. Здесь больше сил было на стороне

¹ Амин ал-Холи. Связи между Нилом и Волгой. Москва, 1962, с.15.

² Там же.

союзников. Но, к счастью, в 1384 году ожидавшаяся война между ними не началась и, простояв на своих позициях до осени 1384 года, союзники разошлись. По-видимому, на султана и его союзников подействовало угрожающее послание Амира Темура. Тот же Ибн Тагриберди в другом месте пишет о получении в начале февраля 1384 года султаном письма Амира Темура, полных угроз и предупреждений¹.

Египетский султан, по-видимому, из Сирии направил в Сарай-Берке свое посольство в составе Тулума Алишаха и ходжа Мадж ад-Дин Исмаила. Египетское посольство прибыло в Золотую орду как раз в разгар сражения Темура с Тохтамышем у реки Терек и, получив известие о разгроме Тохтамышхана, немедленно повернуло в обратный путь.

Как мы знаем из дальнейших событий, Амир Темур не позволил сплочению союза указанных выше трех государств и присоединившимся затем к ним государства Джалаиридов. Во время семилетней (1399-1404) войны на западе ему удалось нейтрализовать Турцию и Египет. И нанес он им поражение по одиночке: сначала Тохтамышу, затем Джалаиридам, Сирии (1401г.) и мелким владетелям Месопотамии. Особое место во внешней политике Амира Темура занимала Османская Турция, одна из могущественных государств того времени.

Как известно, Турция, разгромив объединенные силы Сербии и Боснии на Косовом поле (1 июня 1389 г.) и вооруженных до зубов рыцарей Италии, Испании, Франции, Англии, Чехии и Германии около города-крепости Никопол в Болгарии (15 сентября 1396 г.), создала прямую угрозу странам Центральной и Западной Европы. И не только для Европы. Турки-османы представляли не менее серьезную угрозу и странам Азии, в том числе и государству Темура. Понимая это, трезвые умы Европы, в частности, правители Италии, Франции, Англии, Византии и Испании взяли за заключение военного союза с Амир Темуром и, при помощи католических миссионеров Ватикана: Александра, Франческо, Исаака и архиепископа Султании и всего Востока отца Иоанна - ведут

¹ Амин ал-Холи. Связи между Нилом и Волгой. Москва, 1962 г., с.141 - здесь приводится полный текст письма Амира Темура к египетскому султану Баркуку.

с ним переговоры о заключении союза с европейскими странами в борьбе против Османской Турции. Союзу такому был заинтересован и Темур, о чем свидетельствует обращение наместника Азербайджана Мираншаха “к королю, государям, общинам и правителям франков или христиан”¹, отправление Темуром и Мираншахом посольства в Геную и Венецию, которые были тогда сильными морскими государствами, и обращение за помощью Константинополя и Трапезунда. В попытке Амира Темура установить тесные связи с государствами этих владений прослеживается желание его получить от них военные суда (по двадцать судов от каждого) для будущей борьбы на море с турецким султаном. И вскоре весной 1402 года, он подчинил Трапезундского императора Мануила и завладел его морскими судами. Обо всем этом мы узнаем из письма Амира Темура к Иоанну Палеологу, наместнику Византийского императора в Константинополе, датированное 15 маем 1402 года. Подлинник этого письма до нас не дошел. Сохранился только не совсем точный итальянский перевод, помещенный в книге историка Марино Санудо “*Vitae ducum vendtogum*” (“Жизнь Венецианских дождей”)². Что характерно, в этом и других письмах Амира Темура упоминаются имена трех венецианских католических миссионеров из ордена доминиканцев: Александра, Франческо и Исаака, выступавших в качестве посредников между Темуром и Византией.

Амир Темур умело использовал существовавшие и все более усиливающиеся противоречия между Западно-европейскими странами и Османской Турцией. С одной стороны, он стремился сохранить мирные отношения с Турцией, а с другой - пошел навстречу желаниям Европейских стран заключить военный союз против Турции.

Как известно, Амир Темур и перед вторжением в Малую Азию и после этого поддерживал посольские связи с султаном Баязидом. И, как правильно говорил в свое время И.И.

¹ Memoires de L Academie royale des Inscriptions et Belles-Letters, t. VI, Paris, 1824. p.179.

² Умняков И.И. Международные отношения Средней Азии в начале XV века (Сношения Темура с Византией и Францией), - “Труды Узбекского государственного университета им. Алишера Навои”, №61, Самарканд, 1956, с.184.

Умняков, инициатива в этом полностью исходила от Амира Темура¹. При этом оба правителя преследовали конкретную цель. Темур пытался обезопасить свой левый фланг от возможного удара со стороны мамлюкского султана, покончить с Джалаиридским султаном Ахмадом и грузинским князем Георгием УП (1393-1407) и укрепить свое положение в Ираке. Баязид же - покончить с Византийской империей и укрепиться на Балканах, а при возможности продолжить завоевание. Во время зимовки в Карабахе (1401-1402 гг.) к Амиру Темуру прибыло посольство турецкого султана с мирными предложениями. Он даже обещал выступить посредником и примирить Темура с султаном Баркуком. Но искренности ни в письме, ни в манере его не чувствовалось. Поэтому в ответном послании Амир Темур открыто изложил причины и цели своего появления в Малой Азии. Это, судя по письму, результат враждебной позиции Египетского султана, задержавшего и заточившего его представителя Итилмиша (Атламыш), и вооруженной поддержки, которую он оказывал Султану Ахмаду джалаиру и Кара-Юсуфу туркмену. Темур требовал, чтобы султан Баязид более не представлял им у себя убежища и не оказывал поддержку. "Мы, - читаем далее в послании, - больше ничего от его величества не требуем". Ничего хорошего не выражало и ответное послание султана Баязида. В нем открыто была брошена тень на искренность слов Амира Темура, который якобы только искал повод для обострения отношений между обоими государствами. "Упомянутые лица (Султан Ахмад джалаир и Кара-Юсуф туркмен) - читаем в послании Баязида, - вот уже в течение долгого времени пребывают с нами в дружбе и согласии, не было замечено в их действиях враждебность". И дал понять, что и впредь будет оказывать им покровительство и поддержку. Темур в марте 1402 года отправил из грузинского города Манкула новое посольство и потребовал уступить ему крепость Кимах, расположенной вблизи Азербайджана. Ответ пришел лишь спустя два с лишним месяца, когда Темур стоял с армией в Сивасе. Но, вопреки ожиданиям, ответ Баязида

¹ Умняков И.И. Международные отношения Средней Азии в начале XV века, с. 181.

носил явно провокационный характер. Турецкий султан потребовал, чтобы Темур прибыл к нему и предстал перед ним. “В случае отказа, - говорилось в письме, - да будет осуждены его жены на трехкратный развод (Талак-и би-саласа)”. Более того, после этого армия султана Баязида пришла в движение и направилась на юг к Кайсарию, а оттуда повернула на северо-запад к Киршехру и Ангурии (Анкаре). И вскоре между обоими правителями начались военные действия, которые привели, в конечном итоге, к ослаблению обеих могучих тюркских государств.

“К принятию решения борьбы с Баязидом, - писал И.И.Умняков, - помимо указанных причин, были также призывы к Темуру о помощи со стороны христианских государств Запада: переговоры регента Византии Генуэзского подеста Галаты (предместье Константинополя) с Темуром об оказании им помощи для борьбы с Баязидом; послание к Темуру французского короля Карла У1, который был заинтересован остановить продвижение Баязида (по Европе - Б.А.), сообщения доминиканских миссионеров Султании... о весьма тяжелом положении жителей Константинополя и Порты (предместье Константинополя)”. Кроме того, Амир Темур убедился в том, что столкновение его с султаном Баязидом неизбежно. Поэтому-то он пошел на союз с Европейскими государствами против Турции. Об этом свидетельствует и его переписка с английским королем Генрихом 1У (1399-1413).

Переписка Амира Темура с королем Франции и Англии, особенно после сражения под Анкарой, свидетельствует о желании обеих сторон поддерживать добрые отношения в будущем и развивать торговые отношения. Эту мысль подтверждают два дошедших до наших дней письма Темура, адресованные французскому королю Карлу У1 и ответное послание последнего к Темуру. В первом письме (оно на персидском языке), написанном в первый день мухаррама 805 г.х. (1 августа 1402 г. н.э.) читаем об этом, например, следующее: “Теперь мы ожидали от сего великого эмира (так Темур именуется французского короля-Б.А.), что постоянно будет посылать августейшие послания и известить о своем здравии, ибо [от этого] проистекло утешение [Вашей] души.

Кроме того, следовало бывавших купцов посылать [в нашу] страну, поскольку мы оказываем им здесь почет и уважение. [Следует] также, чтобы наши купцы направлялись [в Вашу] страну и окажут им такой же почет и уважение. Никто над ними не учинит насилия и не взыщет лишнего, ибо мир благоустроен благодаря купцам”.

То же говорилось и в письме Амира Темура, направленном к Карлу У1 из Сиваса через архиепископа Иоанна в том же 1402 году. “Мы, - читаем, в частности, в этом письме, - пребываем в желании услышать о Вашем добром здравии и о том, что отныне Ваши [люди] в наши земли, а наши люди в Ваши [края], как во времена славных предшественников, пребывают и возвращаются обратно, что да поведет к восхвалению повсюду имен Вашего и нашего величества и выгоде отечественных купцов. Впрочем, и ныне в наших землях обеспечивается безопасность ваших купцов”¹. О добром отношении Темура к иностранцам (купцам и прочим), в том числе христианам, упоминает в своих мемуарах и архиепископ Иоанн. В заключительной главе своих мемуаров он передал королю и присутствовавшим на приеме герцогам слова Темура о том, что он предоставляет свободу для христианских купцов и предлагает закрепить это специальным соглашением или договором². Большой интерес представляют также сведения отца Иоанна о том, что Темур, после победы над Баязидом отпустил на свободу всех христиан (очевидно, пленников и рабов) и намерении его поступить также, если таковые найдутся.

Большое значение для понимания сути этих отношений имеет послание короля Карла У1 Темуру, датированное 15 июня 1403 года. В нем, в частности, говорится: “...Чтобы короли и правители, даже если они различаются верованием и языком, связались бы друг с другом по доброй воле узами уважения и дружбы, поскольку главным образом благодаря этому к [их] поданным нисходит мир и спокойствие. И

¹ Цит. По указанной выше работе И.И.Умнякова, с.189.

² Умняков И.И. Малоизвестный французский источник о Темуре, - “Труды Самаркандского государственного университета им. Алишера Навои”. Вып. 107, Самарканд, 1960, с.199.

посему, светлейший и победоноснейший государь, ведайте, что когда через монаха Иоанна, архиепископа всего Востока, мы получили послание Вашего величества, в котором Вы изволили передать нам пожелание здоровья и осведомиться о состоянии наших дел, а также о положении государства и, вместе с тем, известить о победе, которую, с соизволения Всевышнего, Вы одержали над Баязидом, что это доставило нам немалое удовольствие, особенно поскольку к этому прибавлялось, что нашему величеству угодно было, чтобы наши купцы и прочие христиане могли производить торговлю и одновременно договориться о другом с Вашими поданными и беспрепятственно нести взаимно свои торговые дела, а также иметь отныне свободный доступ в земли владения Ваши, как это было во времена славных предшественников наших, если использовать Ваши слова, за каковое мы приносим Вам великую признательность и благодарность; равным образом от всего сердца согласны [с Вами] и желаем в свою очередь, чтобы Ваши [люди] могли бы в безопасности приезжать в земли и владения наши и производить торг, равно как и наши [люди] в Ваших владениях, как об этом, а также о многом другом, что упомянутый архиепископ услышал и имел возможность видеть в сем государстве, он, если будет угодно, доложит [Вам] устно; пусть Ваше величество соблаговолит верить ему как в этом деле, так и при последующих поручениях по причине его испытанной верности и вследствие наших о том просьб; пусть он нам о своих успехах для нашей радости через тех из наших [людей] коих удастся склонить [к путешествию] в сии [наши] страны. Наконец, мы благодарны Вашему величеству за доброжелательства и многие милости, оказанные и дарованные Вашим величеством многим христианам. Мы готовы пойти навстречу выгодам Ваших [людей] и, где представится возможность [предоставить им] равное или еще большее”¹.

В канун и в начале вторжения в Малую Азию Амир Темур связывался и с Испанией. По сведениям источников, первое посольство Испании к Темуру, возглавляемое Пайдо де Сата-

¹ Цит. по работе И.И.Умякова “Международные отношения Средней Азии в начале XI века, с. 195-196.

майором и Эрнан Санчес Паласуелосом, прибыло в ставку Темура накануне известного сражения последнего с султаном Баязидом¹. По свидетельству Клавихо, испанское посольство имело конкретное задание своего короля именно: "... разузнать о могуществе Темурбека и тюрка [Баязида] Йилдирима об их богатствах, численности войск, которые они противопоставили друг другу, а также, чтобы они присутствовали при намечавшемся сражении", как видно из дальнейшего рассказа Клавихо, Амир Темур в ответ послал в Испанию свое посольство во главе с хаджи Мухаммадом ал-Кеши с богатыми дарами и посланием об установлении дружественных и торговых отношений. Клавихо пишет: "И его величество король, получив торжественные послания и дары, а также выслушав добрые пожелания Темурбека в свой адрес письменно и на словах и увидев, как он к нему расположен, приказал подготовить подарки и отправить посланников к Темурбеку для закрепления дружбы². Посольство это возглавили магистр богословия Альфонсо Пазе де Санта Мария, Руи Гонсалес де Клавихо и личный стражник короля Гомес де Саласара, прибывшие к Темуру в Самарканд в 1404 году.

Как видим из приведенных выше сведений, и Амир Темур, и западноевропейские правители придавали большое значение обоюдным дружественным, особенно, торговым отношениям.

Дипломатические связи государства Темура и Темуридов поддерживали и со странами Азии: Турцией, Индией, Золотой ордой, Моголистаном, Китаем и другими странами. Тексты послания, которыми обменивались они, за исключением тех единичных приведенных в нарративных сочинениях, до нас не дошли. Но и те немногие дошедшие сведения показывают, что эти связи существовали и в прошлом, и теперь. При этом Темур и его царствовавшие потомки, например, Шахрух, Улутбек и другие, преследовали единственную цель: укрепление дружественных добрососедских отношений и тем самым укрепление политико-экономического

¹ Руи Гонсалес де Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд, ко двору Темура (1403-1406г.г.), перевод со староиспанского И.С.Мираковой, Москва, 1990, с.15.

² Там же, с. 16.

положения страны, сохранение стабильного и прочного мира.

Так, в 1398 году, во время похода Амира Темура в Индию, 9 Зу-л-хиджа 800 года (23 августа 1398 года), когда августейший кортеж стоял под Кабулом, прибыли к нему послы Темур-Кутлуга, Идику-узбека и Хизр-ходжа-оглана. Темур-Кутлуг - это Джучид, хан Золотой орды (1395-1401), Идику-узбек - это всемогущий золотоордынский эмир Едигей, а Хизр-ходжа-оглан - хан соседнего с Маверауннахром Моголистана (1390-1399). Они, как видно из сведений нарративных источников, находились на услужении у Темура. Темур-Кутлуг и Едигей ушли от Темура после известной победы его над Тохтамышем в 1391 году у реки Кундузча, а Хизр-ходжа-оглан, сев на моголистанский престол (1390 г.), вскоре вышел из повиновения. Победоносные шествия Амира Темура по Ирану, Азербайджану и Ираку во времена пятилетнего похода (1392-1396 гг.), а теперь большой поход его на Хиндустан заставили их, опасаясь того, что по возвращению оттуда он выступит против них, и остерегаясь его, предпринимать попытку смягчить свои отношения с Амиром Темуром. Гийас ад-Дин Али, автор сочинения "Дневник похода Темура в Индию", пишет: "Смысл посольской миссии [каждого] и содержания [привезенного каждым послем] письма, были такие слова: "Мы все выкормлены милостью его величества, счастливого государя; введенные в чертогу убежища вселенной и допущенные к его небоподобному двору, мы в течение некоторого времени по наущиванию сатаны и под влиянием наших дурных страстей вышли из круга служения и из сферы повиновения ему, подобно смущенным и растерянными ворами, скитались в пустынях без пристанища. Теперь же, вследствие направления хаканской милости, он прощает наши прегрешения, подлые поблажки и снисхождения, зачеркнет чьи-то прощения страницы наших грехов и проступков, чтобы после чего мы были на большом пути повиновения и подчинения ему..."¹

Авторы "Зафар-наме" и Клавихо, рассказывая о больших торжествах, устроенных Темуром в Кан-и гиле под

¹ Гийас ад-Дин Али. Дневник похода Темура в Индию. Перевод с персидского, предисловие и примечания А.А.Семенова, Москва, 1955, с.69-70.

Самаркандом в середине сентября 1404 г., говорят о присутствии в них и послов иностранных государств: Китая, Алтая (Моголистана), Магриба, Египта, Турции, Испании, Индии, Забулистана, Золотой орды и др. стран, что свидетельствует о наличии дипломатических отношений между государством Темура с названными выше странами.

Несколько слов о взаимоотношениях государства Амира Темура с Китаем. Они, судя по данным источников, во времена Амира Темура стали несколько натянутыми. У Клавихо есть, например, заслуживающие интерес сведения об этом. Как видно из сведения путешественника, Минские императоры вели великодержавную политику, свысока смотрели на своих соседей, в том числе и на Среднюю Азию, открыто называли их даннической территорией. Высокомерно вели себя не только императоры, но и их послы. Амиру Темуру не по душе была их политика, особенно их высокомерие, и поэтому он отвечал им тем же. Более того, он готовился к большому походу против этой страны. Клавихо, например, приводит такой эпизод: “Потом их (иностранных послов - Б.А.), подняли, повели и усадили на возвышение, с правой стороны от сеньора. А мирассы (мирзы и великие эмиры Б.А.), которые вели их под руки, посадили их ниже посла, присланного к Темурбеку императором Чайсханом,¹ правителем Китая, которого он прислал требовать ранее ежегодно уплачиваемую дань. Когда сеньор (Темурбек - Б.А.) увидел, что (испанские) посланники сидят ниже посла китайского сеньора, он приказал, чтобы они (сели) выше, а тот ниже их. И как только их рассадили, появился один из царских мирасс и сказал китайскому послу, что сеньор приказал, чтобы посол короля Испании, его сына, и прочие сидели выше его, а он, посланник разбойника, бесчестного человека и врага, чтобы сидел ниже их, что если будет угодно, он скоро его повесит, чтобы в будущем не смел объявляться с таким [намерением]”.² Также недружелюбно было принято первое посольство Китая, прибывшее к Темуру в 1395 году и возглавляемое Ань Чжи-

¹ Так Клавихо передает имя императора Чжу Юань-чжана (1368-1398), основателя династии Мин. По-видимому, так называли и его ближайших преемников.

² Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд, с.109-110.

дао и Го Цзи. Оно было принято лишь спустя два года, в 1397 году, на Ахангаране, где Темур остановился на зимовку. Согласно китайскому источнику (Истории династии Мин), китайское посольство было задержано (оно возвратилось в Китай только в 1405 году, после смерти Темура) из-за спора о дани¹. Термин “дан” понят китайской историографией и европейскими историками XIX века, по-видимому, не совсем верно. Это, как мы убедились, не какая-нибудь контрибуция, или ежегодный взнос вассала в казну сюзерена, а просто дар, привозимый послами царствующему дому и, как известно, оно состояло из редких и нужных товаров, потребных для другой стороны. Для Китая таким товаром являлись породистые среднеазиатские скакуны. Так, например, при посещении Китая посольством Темура, возглавляемым неким маулана Хафизом, было привезено в Китай в качестве дара 15 коней, другое посольство, отправленное в Нанкин в 1394 году - привез уже 200 коней². Посольские и торговые связи государства Темура с Китаем продолжались и после смерти Амира Темура. Абд ар-Раззак Самарканди, автор ценного сочинения “Матла ас-са‘дайн ва маджмаъ ал-бахрайн” (“Место восхода двух светил и место слияния двух больших рек”) говорит, например, о приезде в Герат китайского посольства для выражения соболезнования по случаю кончины Амира Темура. Мы не знаем точного времени приезда этого посольства, но, судя по словам этого же историка, случилось это сразу же после возвращения Шахруха из похода в Сеистан. Но чуть выше, в главе “Повествование об отправлении его величества хакана (Шахрухом) в Сеистан” сказано, что падишах из Сеистанского похода вернулся в конце месяца шабан 811 г.х., что соответствует 17 января 1409 года существующего летоисчисления. Следовательно, приезд этого посольства к Шахруху имело место в 1409 году.

Спустя три года, в 818 (1412) году, из Китая прибыло второе посольство, возглавляемое Дужи хуна и Данг-Чина. Судя по содержанию послания Китайского императора Шахруху, это - ответное посольство Китая. Как мы знаем в

¹ Bretschneider E Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources, London, 1888; vol. II, p. 258-261

² Бартольд В.В. Улутбек и его время. - Соч. т. II, ч.2, Москва, 1964, с.67.

1409-1410 гг. оба государства обменивались посольствами. Из содержания послания явствует стремление Китайского государства поддерживать добрососедские отношения с государством Темура и Шахруха. Особо заслуживает внимания конец послания Китайского императора, где выражено желание сохранить жизнь Халил султану и проявлять всевозможную заботу о нем¹. Можно полагать, что Халил султан (1405-1409) также поддерживал, может быть даже более тесно, добрые отношения с соседним Китаем. Шахрух оказал китайским послам пышный прием и отпустил их с богатыми дарами для императора и самим послам. Вместе с ними поехал в Нанкин и Темуридское посольство во главе с Шейх Мухаммадом-бахши с посланиями, написанными на арабском и персидском языках. В них содержится призыв к принятию и распространению ислама в Китае и развитию торговых сношений между обеими странами².

Обмен посольствами между Китаем и государством Темура и Темуридов оживлялись после 1417 года. Так, в месяце раби 820 г.х. (18 апреля - 17 мая 1417г. современного летоисчисления) китайские послы Би-Бачин, Ту-Бачин, Джат-Бачин и Такт-Бачин³ привезли с собой богатые дары своего императора Шахруху, состоящие из охотничьих птиц, атласа, китайского бархата, изделий из фарфора и др. В письме же императора было выражено пожелание установить мир и согласие между обеими странами и развивать торговые отношения⁴. При их возвращении Шахрух присоединил к ним свои посольства во главе Ардашира Таваджи.

Очередное посольство китайский император направил в 822 (1419) году. Оно прибыло в Герат 20 октября 1419 г. вместе с упомянутым выше Ардаширом Таваджи и Ак-Бука. Абд ар-Раззак Самарканди приводит перевод полного текста послания императора, суть которого сводится к возвышению Шахруха, как способного, умного правителя и истинного мусульманина, и что он установил мир и благо-

¹ Абд ар-Раззак Самарканди. Матлаъ ас-садайн, изд-е А.Уринбаева, Ташкент, 1969,с.123

² Там же, с. 176.

³ Китайские имена здесь явно искажены.

⁴ Там же, с.242.

денствие в своей стране¹. При возвращении вместе с ним приехал и Шади-ходжа, посол Шахруха. Вместе с китайскими послами в Нанкин поехало тогда представительное посольство Шахруха. В его состав были включены Гийас ад-Дин наккаш и Саид Ахмад от имени Байсунгура, от Мирза Суюргатмаша-Аргудак, от Шахмалика, правителя Хорезма-Урдуван, от Бадахшанского шаха Тадж ад-Дин. Интересно, что Мирза Улугбек, правитель Самарканда, снарядил в Китай отдельное посольство в составе Султаншаха, Мухаммада-бахши и других². Посольство это выехало из Герата 4 декабря 1419 г. и возвратилось спустя три года - 29 августа 1422 г.

Важно отметить, что посольство собрало ценный материал о странах и народах, через которые ему приходилось проезжать; о китайском дворе, о пышных и торжественных приемах, устроенных императором в честь Темуридского посольства³.

Установление добрососедских отношений между государствами Темуридов и Китаем привели к развитию торговли между обеими странами. Притом караваны были большими и представительными, а местные правители всячески заботились об их безопасности. Так, Захириддин Мухаммад Бабур рассказывал о случае, приключившемся во времена правления Ферганой своего отца Омар-Шейха мирзы (1456-1494): "Однажды, - писал он, - когда из Китая шел караван, то у подошвы гор к востоку от Андижана караван из тысячи людей так засыпало снегом, что спаслись только два человека. Получив об этом известие, Омар-Шейх мирза послал сборщиков и задержал все товары каравана. Хотя не было налицо наследников, Омар-Шейх мирза берег товары, несмотря на то, что сам [в них] нуждался. Год или два спустя он разыскал наследников из Самарканда и Хорасана и вручил им их товар в целости"⁴.

Полезно было бы привести здесь фрагмент из "Дневника" Клавихо о существовавшем при Темуре церемониале

¹ Абд ар-Раззак Самарканди. Матлаъ ас-садайн, с. 257-258.

² Абд ар-Раззак Самарканди. Матлаъ ас-садайн, с. 306.

³ Там же, с.305.

⁴ Захириддин Мухаммад Бабур. Бабур-наме (записки Бабура), перевод М.А.Салье. Ташкент, 1958, с.17

приема иностранных послов. Так, подробно рассказывая о приеме Темуrom испанских послов 8 сентября 1404 года в одном из своих загородных садов-парков, Клавихо пишет: “Сеньор (Амир Темур - Б.А.) восседал на шелковой расшитой маленькой подстилке, а локоть его покоился на круглой подушке. Он был одет в гладкое шелковое платье без рисунка, на голове носил высокую белую шапку с рубином наверху, с жемчугом и драгоценными камнями.

Как только посланники увидели его, поклонились, припав на правое колено и скрестив руки на груди; потом подошли ближе и поклонились снова; далее еще поклонились и остались коленопреклоненными. Сеньор (Темур - Б.А.) приказал им встать и подойти ближе. И кавалеры, ведущие их под руки, отстали, так как не смели подойти ближе, и три мирассы, стоящие перед сеньором (Темуrom - Б.А.) самые приближенные, которых звали одного Хамелик (Шахмелик) мирасса, другого - Борунди (Бурундук) мирасса и третьего Норадин (Шейх Нур ад-Дин) мирасса, приблизились, взяли посланников под руки и подвели всех к сеньору (Темуру - Б.А.) и поставили на колени. А сеньор сказал, чтобы они подошли [еще] ближе для того, чтобы осмотреть их хорошенько... Он не подал им руки для поцелуя - этого нет у них в обычае, и никому из великих сеньоров они не целуют руки, так как высокого мнения о себе. Потом он обратился к ним с вопросом: “Как поживает сеньор король, как его дела и как здоровье?” И посланники ответили и разъяснили цель своего посольства. Он выслушал все, что они хотели сказать. Тогда они кончили, Темурбек обратился к кавалерам, сидящим у его ног, из которых один, говорят был сыном Тотамьша (Тохтамьша), правившего в Татарии, а другой - из рода императоров Самарканда¹, которые были важными лицами из рода самого сеньора (Темурбека), и сказал им: “Посмотрите на этих посланников, которых прислал ко мне мой сын король Испании, первый из всех королей, какие есть у франков, что живут на краю света. Они на самом деле великий народ и я благословляю своего сына, короля [Испании]. Было бы достаточным, если бы он послал Вас только с письмом, без подарков ...

¹ Т.е. из рода Чагатая.

А письмо, которое послал сеньор король, держал внук сеньора (Темурбека) высоко перед ним; а магистр богословия (Альфонсо Пазе де Санта Мария) сказал толмачу, чтобы тот передал сеньору (Темурбеку - Б.А.), что это письмо, которое прислал ему его сын король, никто не сумеет прочесть, кроме его и что, когда его милости будет угодно послушать, он прочтет. Тогда сеньор (Темурбек - Б.А.) взял письмо из рук своего внука, развернул его и сказал, что сейчас хотел бы его прочесть, а магистр отвечал, что если его милости угодно [он готов]. Тогда (Темурбек) ответил, что пришлет за ним ...

Потом их подняли и усадили на возвышение, с правой стороны сеньора (Темурбека - Б.А.)....

Как только рассадили по порядку [испанских] посланников и других послов, прибывших туда из разных стран и прочих людей, подали много вареной, соленой и жареной баранины и, кроме того, жареную конину”¹.

Вот все, что мы можем сказать на нынешнем этапе изучения этой проблемы о посольских и иных сношениях государства Темура с другими странами и могли сказать лишь о немногом, в самых общих чертах.

¹ Клавиho. Дневник путешествия в Самарканд, с.109-110.

Использованные источники и литература

I. Источники

Абд ар-Раззак Самарканди. Матлаъ ас-са'дайн ва маджмаъ ал-Бахрайн. Перевод с персидского, предисловие и примечания А.Урунбаева, Ташкент, 1969.

Гийас ад-Дин Али. Дневник похода Темура в Индию. Перевод с персидского, предисловие и примечания А.А. Семенова, Москва, 1958.

Захир ад-Дин Мухаммад Бабур. Бабур-наме (Записки Бабура), перев. со староузбекского М.А.Салье, Ташкент, 1958.

Ибн Арабшах. Аджа иб ал—макдур фи тарих-и Таймур (Чудеса предопределений в истории Темура), перев. с арабского, предисловие и комментарии У.Уватова, Ташкент, 1992.

Низам ад-Дин Шами. Зафар-наме. Перев. с персидского Ю.Хакимджанова. Предисловие и примечания А.Урунбаева, Ташкент, 1996.

Руи Гонсалес де Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд, ко двору Темура (1403-1406). Перев. со староиспанского И.С.Мироковой, Москва, 1990.

Сильвестра, де Саси. Memoires de L'Academie royale des Incriptions of Belles-Letteres vol.VI, Paris, 1824.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды.т.1. Извлечение из сочинений арабских, С-Пб, 1884.

II. Литература

Амин ал-Холи. Связи между Нилом и Волгой, Москва, 1962.
Бартольд В.В. Улугбек и его время, - Соч. т. 11, часть 2, Москва, 1964.

Каримов И.А. Предисловие к сборнику тезисов Международной научной конференции “Амир Темура и его место в мировой истории” Тезисы Международной научной конференции “Амир Темура и его место в мировой истории”, Ташкент, 1996.

Умняков И.И. Малоизвестный французский источник о

Темуре, - “Труды узбекского государственного университета”. Новая серия, вып. 101, Самарканд, 1960.

Умняков И.И. Международные отношения Средней Азии в начале XV века. Сношения Темура с Византией и Испанией, - “Труды Узбекского государственного университета”. Новая серия, № 61, Самарканд, 1956.

Bretschneider E. Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources, London, 1888.

Вместо послесловия

Настоящая коллективная работа трех востоковедов - первое в своем роде исследование жизни и общественно-политической деятельности Амира Темура, выдающейся личности средневековья - крупного государственного деятеля, видного полководца, покровителя науки и культуры.

Удалось ли раскрыть жизнь и многогранную деятельность этого великого человека не нам судить. Сознаем, что сделать это на данном этапе наших знаний о нем вряд ли возможно. К изучению Амира Темура, имя которого пытались вычеркнуть из истории и вообще из человеческой памяти в советское время, приступаем только теперь, после обретения нашей республикой национальной независимости. Для полного освещения жизни и многогранной деятельности Амира Темура необходимо, прежде всего, собрать и изучить все источники: документальные, нарративные, художественные и другие. А духовная ценность наша разными путями была увезена в Россию и Европейские страны и украшают в настоящее время музеи и библиотеки России, Англии, Франции, Германии и других стран. Вернутся ли культурные достояния в ближайшем будущем трудно сказать, поэтому придется много ездить, изучать их по крупицам. Задача нелегкая и требует многолетнего труда и усилий. Но, в одном мы уверены, что это сделают наши потомки, о всестороннем развитии которых заботу проявляет наше молодое независимое государство.

Оглавление

Предисловие.....	3
Глава первая.	
Политическая жизнь Маверауннахра при Амуре Темуре	
Борьба за единство Маверауннахра.....	18
Образование централизованного государства.....	29
Борьба за Хорезм.....	34
Борьба с Моголистаном и Улусом Джучи.....	37
Войны Амира Темура на Юге и Западе Средней Азии.....	46
Амир Темур-крупный военный и государственный деятель, покровитель науки и культуры.....	53
Использованные источники и литература.....	59
Глава вторая.	
Социально-экономическая жизнь в Маверауннахре времени Амира Темура	
Сельское хозяйство и аграрные отношения.....	62
Горное дело.....	78
Города. Ремесла.....	80
Торговля.....	97
Социальный состав населения.....	117
Торговые пути.....	126
Использованные источники и литература.....	142
Глава третья.	
Культура, наука и литература эпохи Амира Темура	
Архитектура.....	146
Изобразительные и прикладные искусства.....	196
Зрелищные искусства и музыка.....	221
Наука и литература.....	232
Использованные источники и литература.....	235
Глава четвертая.	
Внешняя политика государства Темура (предварительные суждения).....	239
Использованные источники и литература.....	259
Вместо послесловия.....	261

Бурибай Ахмедович Ахмедов,
Розия Галиевна Мукминова,
Галина Анатольевна Пугаченкова

Амир Темур

(жизнь и общественно-политическая деятельность)

Редактор *Д. Кабулова*
Художник *Р. Султанов*
Корректор *Д. Кабулова*
Технический редактор *И. Разыкова*
Операторы компьютерного набора
С. Шайхова, И. Разыкова

Подписано в печать 7.09.99г. Формат 84x108 1/32. Печать офсетная.
Усл. п.л. 16,5. Уч. изд.л. 16. Тираж 2000 экз. Цена договорная.
Заказ № 42.

Издательство "Университет". Ташкент - 700095, Вузгородок.
ТашГУ, главный корпус.

Отпечатано на Янгиюльской арендной книжной фабрике. г.Янгиюль, ул.Самаркандская, 44. 1999.